

НА ПУТИ К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

Научный журнал

№ 4 (24)

2016 год

ЖУРНАЛ ЯВЛЯЕТСЯ ДИСКУССИОННОЙ ПЛОЩАДКОЙ ИНСТИТУТА ФУНДАМЕН-
ТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОЛИТИКЕ

Ответственность за содержание несут авторы публикаций

Редакционный совет:

А.Н. Ежов – президент ЧОУ ВО «Институт управления» (г. Архангельск), почетный работник науки и техники РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник юстиции России, академик РАЕН, доктор экономических наук, профессор, *председатель редакционного совета*;

О.Г. Антонова – начальник Департамента образования Ивановской области;

В.В. Иванов – депутат Государственной Думы ФС РФ;

Н.Л. Ковалева – Уполномоченный по правам человека в Ивановской области;

С.Н. Князев – доктор юридических наук, профессор, ректор Международного университета «МИТСО» (г. Минск, Республика Беларусь);

А.С. Кузьмичев – председатель Ивановской городской Думы;

А. И. Малышкина – депутат Ивановской областной Думы, член Ивановского регионального штаба Общероссийского народного фронта, доктор медицинских наук, профессор;

Д.И. Польшин – профессор ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», доктор исторических наук, профессор;

М.П. Соболев – проректор по международным, межрегиональным отношениям и связям с общественностью ЧОУ ВО «Институт управления» (г. Архангельск), член Международной федерации журналистов (Брюссель);

В.А. Шарнин – ректор ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет», доктор химических наук, профессор.

Редакционная коллегия:

А.А. Федотов – руководитель научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества, доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала ЧОУ ВО «Институт управления» (г. Архангельск) – *председатель редакционной коллегии, главный редактор*;

К.А. Полозова, директор Ивановского филиала ЧОУ ВО «Институт управления» (г. Архангельск) – *заместитель председателя редакционной коллегии*;

Т.П. Белова, кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»;

Н.А. Голикова – директор издательства ЧОУ ВО «Институт управления» (г. Архангельск);

В.П. Океанский – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и литературы Шуйского филиала ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет».

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. Федотов Анатолий Николаевич Ежов: строчки биографии 3
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

О.Ю. Васильева Формирование национальной идеи в России: истоки и современность 5

В.В. Иванов Повышение значимости некоммерческих организаций в общественной жизни современной России 12

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Е.В. Ширяева Идеи бессмертия и долголетия в трудах Карела Чапека и Бернарда Шоу 16

ИСТОРИЯ

Д.И. Сазонов Репрессии Советской власти против Истинно-Православной Церкви как повод для уничтожения церковной организации в Костромской епархии 19

К.А. Юдин Жан Габен: «диктатура в образе». Очерки истории французского кинематографа. Середина 1930 – начало 1970-х гг. 30

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

С.С. Спановский Особенности методологических подходов к измерению социальной напряженности 45

ПРАВО

Б.А. Спасенников, А.С. Морозов Правовое и религиозное поведение в пенитенциарной среде 51

К.А. Полозова Практика применения Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки части 9 статьи 93 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» 55

Б.А. Спасенников, Б.А. Швырев Три подхода к анализу эффективности электронного наблюдения за заключенными в зарубежных странах 63

О.Ю. Скрипчук Грабеж: субъект преступления 66

Р.С. Еременко Нововведения в нормативно-правовом регулировании защиты прав инвалидов в России в соответствии с Конвенцией ООН о правах инвалидов 71

ЭКОНОМИКА

Е.С. Потехина, И.А. Зайцева Финансово-экономическая независимость России 78

А.М. Ткачева, Л.А. Зосимова Организационно-экономические аспекты развития регионального туризма 82

Р.В. Колесов О концепции региональной финансовой политики Российской Федерации на среднесрочную перспективу (до 2021 года) 86

РЕЦЕНЗИИ

В.П. Океанский Рецензия на монографию: Федотов А. А. Личность и развитие глобализации сквозь призму творчества английских писателей конца XIX – первой половины XX вв. – А. А. Федотов. – Москва, Издательский Дом «Большая Москва», 2016. – 400 с. 90

А.В. Капунин Рецензия на монографию: Спасенников Б.А., Смирнов А.М., Тихомиров А.Н. Преступное поведение и психические расстройства. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2016. – 200 с. 92

Ю.Ю. Тищенко, Е.В. Горбачева Рецензия на монографию: Копыткин С.А., Первозванский В.Б., Спасенников Б.А. Правовые, организационные и естественнонаучные основы расследования преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами. – М.: «Юрлитинформ», 2017. – 240 с. 96

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Предлагаем Вам стать авторами журнала **«На пути к гражданскому обществу»**.

Журнал как научное издание имеет социально-функциональное назначение – содействие научным исследованиям, научной работе, подведение результатов научных изысканий и достижений. В статьях публикуются разные точки зрения, не всегда совпадающие с мнением редакционного совета и редакционной коллегии. Ответственность за содержание публикаций несут авторы. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов для публикации. Рукописи, присланные в журнал, авторам не возвращаются. Авторский гонорар не выплачивается. Мы поместим научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по историческим, политологическим, социологическим, юридическим, экономическим, религиозным и иным аспектам российского и зарубежного опыта по следующим **направлениям**:

- ♦ государство;
- ♦ право;
- ♦ образование;
- ♦ политические партии и движения;
- ♦ социальная ответственность бизнеса;
- ♦ религиоведение;
- ♦ национальный вопрос;
- ♦ историософия и русская религиозная философия;
- ♦ политология;
- ♦ общественные организации;
- ♦ местное самоуправление;
- ♦ история;
- ♦ рецензии.

Периодичность выпуска – 4 номера журнала в год (возможен выпуск двоянных номеров). Издание журнала осуществляется на базе Ивановского филиала Института управления (г. Архангельск) и Научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества.

Объем научных статей 0,5 - 1 п.л., рецензий - до 0,3 п. л.

Правила оформления.

Материалы следует выполнять в редакторах «Microsoft Word». Шрифт Times New Roman, 14 пт, выравнивание текста по ширине, красная строка 1,5 см, поля 2,5 см с каждой стороны, полуторный интервал,

Сноски на литературу указываются в квадратных скобках после цитаты. Сначала указывается номер источника, затем, после запятой, номер страницы [3, с. 36];

Сноски на несколько источников разделяются между собой точкой с запятой.

Нумерованный список литературы приводится в конце текста в алфавитном порядке. Литература на иностранных языках располагается в конце списка.

К статье следует приложить аннотацию и ключевые слова материала, черно-белую фотографию автора, сведения об авторе, которые включают фамилию, имя, отчество автора, его должность и место работы, ученую степень, телефон, e-mail.

По **всем вопросам**, связанным с публикацией можно обращаться *по электронной почте*:

aalfedotov@yandex.ru.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ивановской области

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ТУ37-00151 от 16 июня 2011 г.

Адрес редакции (издателя):

153032 г. Иваново, ул. Ташкентская, дом 90, литер А5

Телефон:

(4932)42-43-39, 42-43-38

Факс (4932) 42-43-39

e-mail: aalfedotov@yandex.ru

Формат 60x84/8

Бумага писчая.

Гарнитура « Таймс».

Печать офсетная.

Дата выхода в свет 10 января 2017 года.

Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд.л. 8,7.

Тираж 300 экз.

Цена свободная.

Ивановский филиал

ЧОУ ВО

«ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ»

153032, г. Иваново,

ул. Ташкентская, 90, литер 5 «А».

Тел./факс 42-43-39.

E-mail: ivanovomiu@yandex.ru.

Отпечатано с оригинала-макета

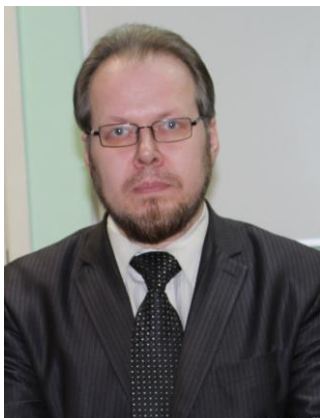
ОАО «Информатика»

153032, г. Иваново, ул. Ташкентская, 90

ISSN 2223-1730

9 772223 173007

А.А. Федотов

Главный редактор научного журнала
«На пути к гражданскому обществу»,
доктор исторических наук, профессор
Ивановского филиала
ЧОУ ВО «Институт управления»

Анатолий Николаевич Ежов: строчки биографии

Анатолий Николаевич Ежов родился 25 ноября 1946 года. Елена Евстафьева в статье «По лезвию бритвы», опубликованной в 2002 году в журнале «Триумфальная арка», описывала вехи жизненного пути Анатолия Николаевича: «Родился в Смоленске. В 1955 году семья Ежовых переехала в Архангельск и три года жила в деревянном домике «на мхах». Экстремальный характер юного Анатолия Ежова проявился именно здесь, на Севере. Гонял футбольный мяч непременно по архангельским болотам (чтобы было труднее!), выходил на просторы Северной Двины на яхте «Финн» в непогоду, бегал на коньках в 35-градусный мороз на стадионе «Труд», в 14 лет стал чемпионом общества «Динамо» в Архангельске по стрельбе из боевого револьвера. <...> А мечтал он с детства стать космонавтом.

<...> После Архангельска – учеба в Витебске в техникуме связи, служба в армии под Минском, учеба и работа в Москве. И везде – экстремальные ситуации. <...> ...его «космос» состоялся в науке, в образовании. Блестяще окончил престижный Московский экономико-статистический институт. В аспирантуре первым в СССР разработал и внедрил систему ЭВМ в преподавании общественных наук. В 32 года Ежову предложили возглавить один из московских вузов – отказался. Через год предложили руководить НИИ. Снова последовал его отказ. Рекомендовали на работу в аппарат ЦК КПСС (запредельная мечта любого карьериста). Опять отказ. Почему? «Я люблю и ценю свободу, независимость во всем».

Жизненный путь Анатолия Николаевича не был простым и ровным, взлеты чередовались с периодами, когда со стороны казалось, что все рухнуло. Как вспоминал ученый, писатель и спортсмен Е.А. Пеньковский «мы познакомились, когда ему было 33 <...>, и он обладал большой властью. Через несколько лет, когда Ежов сознательно, зная, чем рискует, выступил против преступности в науке и был исключен из партии, лишен средств к существованию, его жизнь и жизнь членов его семьи находились под реальной угрозой, он совсем не изменился. Люди в таких ситуациях теряют самообладание, впадают в панику, нервничают. Анатолий был также спокоен, уверен в себе и своем будущем, предельно мобилизован. <...> Именно тогда он делился со мной своими планами создания международных научных и образовательных организаций, международной системы аттестации, юридических центров. Делился научными планами. Я, признаться, всему этому не верил, да и кто бы поверил в чудо в то время. Но что-то подсказывало, что это возможно, ведь я уже достаточно хорошо знал этого человека».

Как писала Елена Евстафьева, «В 1990 году состоялись выборы в депутаты Моссовета. Ежова выдвинули кандидатом в депутаты ученые Госстроя СССР. По округу было 13 кандидатов. Работали целые команды. В этот исторический период началась «мода» сжигать публично партийные билеты, что казалось Ежову примитивным фарсом. Шансов выиграть выборы – ноль. К тому времени за плечами Анатолия Николаевича 22 года жизни в общежитиях, 20 лет – в долгах. Нет денег – нет команды. Однако свершилось очередное чудо. Ежов вместе с двумя верными друзьями без денег, публично подчеркивая, что на период выборов остается членом КПСС, выигрывает выборы. <...> Став депутатом, он сразу же отказался от зарплаты депутата в пользу пенсионеров своего округа. Вместе с Татьяной

Пиццикеми из Италии Анатолий Николаевич организовал гуманитарную помощь неимущим через Волоколамскую церковь, бесплатное лечение детей-инвалидов в Италии.

Народная артистка СССР, почетный гражданин г. Архангельска и г. Парижа Н.К. Мешко в предисловии к вышедшей в 2002 году книге А.Н. Ежова «Дорога к храму» так писала об Анатолии Николаевиче: «С первой встречи обнаружилось единство мировоззрения и жизненных устремлений, прежде всего патриотизм, не «квасной» или формальный, а глубокий, щемящий, который не оставляет ни на минуту и помогает делать все, что в твоих силах, для пользы Родины в образовании, просвещении, общественной деятельности. <...> В каждом человеке живет мечта, но лишь немногим удастся воплотить ее в жизнь. Мечта Анатолия Николаевича – осуществить «громадь» планов своего отца Ежова Николая Семеновича, которые он начал, но не успел довести до конца. Это система образования в сфере управления, которая обеспечивает высокий профессионализм в делах управления финансами, организации труда, целесообразном, эффективном управлении экономикой, как необходимой основой жизни и развития страны на базе передовых достижений науки и техники».

И, оценивая институт управления, Н.К. Мешко писала: «мечты сбываются».

Об отце А.Н. Ежов вспоминал: «Отец был талантлив во всем. Играл на многих музыкальных инструментах, пел, танцевал, читал стихи, играл в пьесах, великолепно рисовал. Играл в футбол, волейбол, плавал, занимался акробатикой, боксом, шахматами, был чемпионом Ленинграда по баскетболу. Он имел два высших образования, окончил Ленинградский высший педагогический финансово-экономический институт и Ленинградскую финансовую академию. Получил ученую степень, был профессором, народным депутатом в трех регионах СССР. Прошел фронт, партийную работу, финансовую службу».

Анатолий Николаевич унаследовал многие из талантов отца; в некоторых направлениях достиг столь больших высот, что лауреат Государственной премии РФ, секретарь Союза писателей России В.А. Силкин дал ему такую характеристику: «Смею заверить, что никогда не видел его праздно живущим, каждая минута у человека на все золота. Перечислить то, что он сделал за свою жизнь, потребовалось бы многотомное издание. Но и то, что Ежов выносит в так называемую справку об авторе, приводит в оторопь. Это немыслимые титулы и награды, почетные звания, рекорды и так далее».

А литературное творчество А.Н. Ежова известный московский писатель оценивает так: «Мне приходилось писать о его великолепных стихах <...> и они потрясали меня своей образной статью, житейской мудростью, легким юмором и грустью. В них царит необыкновенная ясность, нет пижонства, зауми, «ананасов в шампанском». Поэтому они сразу захватывают читателя своей свежестью, «диалогом» с горами, лесами, облаками, словом, со всем живым».

Спорт А.Н. Ежов, как уже было отмечено, любил с детства. В армии было «выполнение норм мастера спорта по борьбе самбо, пулевой стрельбе и выполнение норм первого разряда по 20 видам спорта». Как писала Т.А. Пиццикеми «Уже после 60 лет вернулся в большой спорт, установил свыше 2000(!) мировых рекордов в гиревом триатлоне в 390 экстремальных точках 221 страны всех континентов, материков и частей света (включая Северный и Южный полюсы). После 65 лет стал устанавливать мировые рекорды Гиннеса по подъему гирь, установив свыше 300 рекордов».

Думаю, что жизненное кредо Анатолия Николаевича Ежова хорошо отражают следующие его слова: «Мои родные, друзья, товарищи по гиревому спорту в один голос твердят: «Хватит! Остановись! Побереги себя!» Что значит «остановись»? Моя жизнь – это постоянное движение, развитие. Остановиться – это значит завершить жизнь и перевести ее в русло обыденного существования. Это для меня неприемлемо. Остановите в полете птицу, самолет, ракету... Они упадут и разобьются. Я не хочу такой участи. Поэтому буду продолжать свой полет по жизни, пока Господь не прервет его».

Хочется пожелать Анатолию Николаевичу всего самого доброго и новых свершений в науке, поэзии, спорте, как организатору образования.

©Федотов А.А., 2016

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

О.Ю. Васильева

Министр образования РФ, доктор исторических наук,
профессор, действительный государственный советник
Российской Федерации 2 класса

Формирование национальной идеи в России: истоки и современность

Статья является публикацией тезисов выступления О.Ю. Васильевой на Всероссийском молодежном образовательном форуме «Территория смыслов на Клязьме» 29 июня 2016 года, Владимирская область (запись видеотрансляции выступления <https://www.youtube.com/watch?v=cyhWDzCetwk>); расшифровка аудиозаписи Е.В. Андреева, корректор О.В. Петухова. Публикация согласована с Минобрнауки РФ (письмо № 15-ПГ-МОН-52480 от 23.12.2016).

Ключевые слова: Россия, патриотизм, национальная идея, традиция, духовные ценности, история, культура.

Приведу два примера, которые будут связующей нитью к основной части моего выступления. Мне много приходилось преподавать в разных странах, в разных университетах. Как-то в Колумбийском университете в разговоре со своим коллегой я его спросила: «А как вы преподаете в школах и в вузах историю Гражданской войны в США?» Он задумался и говорит: «Мы преподаем канонично, но есть «но». Герои есть на Севере, герои есть и на Юге». В США все штаты имеют свою программу патриотического воспитания; для всех школьников на протяжении обучения обязательно посещение всех до одного знаменитых вашингтонских мемориалов.

Второй случай, который был не так давно, 4 года назад, произошел во время посещения национального Мемориала ветеранов войны во Вьетнаме, автором которого стала двадцатипятилетняя американка китайского происхождения. Мемориал представляет собой уходящую вглубь гранитную ленту. На этой гранитной ленте выбито 58272 имени погибших солдат и офицеров вьетнамской войны. Школьники из каждого штата в определенное время приезжают, и учителя

показывают список погибших из этого штата и рассказывают о них. Мы спускаемся к началу мемориала и довольно тихо разговариваем друг с другом. Навстречу нам идет группа школьников, а впереди – мальчишка лет тринадцати. Автоматически он прикладывает палец к губам, показывая, что не стоит разговаривать: вы пришли в то место, которое свято. Это было сделано эмоционально, искренне. Да, это государственная программа патриотического воспитания, но это внутри глубоко сидит. Потом, начав заниматься уже как историк этой темой, я поняла, что основополагающие ценностные вещи, которые воспитываются, и у этого мальчишки в том числе, – это как раз то, чего нам не хватает.

Вы все помните слова нашего Президента, которые он произнес в феврале 2012 года: «У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо. Все граждане работают для того, чтобы страна становилась сильнее. И, если мы хотим жить лучше, нужно, чтобы страна была более привлекательной для всех граждан, более эффективной».

Возникает вопрос: «Любовь к Родине в истории российской государственности всегда составляла определенную проблему. Почему?» Потому что в разные века становления страны люди понимали, что патриотизм – это важнейшее воспитательное направление в мировоззренческой сфере. Патриотизм – *Patros* – это греческое слово переводится как любовь к Отечеству и готовность подчинить свои частные интересы интересам государственным.

Понятно, что патриотизм в любой стране предполагает гордость за культуру, гордость за язык, за культурные особенности страны, в которой ты живешь, за то, что ты стремишься защищать ее интересы и ставишь ее интересы выше личных. Мы согласимся с тем, что любая страна неповторима, а наша многоконфессиональная и многонациональная страна Россия за всю тысячелетнюю историю снискала небывалую славу.

Надо сказать, что у России есть еще одна особенность – это пример единства поколений, каждое из которых выполняло определенную задачу, делая общий проект. Некоторые историки называют его «общее делание». Это термин одного из крупнейших специалистов по истории XIX века Александра Николаевича Боханова. Он всегда говорил, что каждое поколение – это поколение «общего делания». В российской истории были периоды, когда государственность практически исчезала или была надорвана, страна была раздроблена. Но обязательно находилось здоровое ядро, сохранявшее чувство единства. Эта ткань «делания» возникала чаще всего не в центре, а на окраине, где начинал возрождаться государственный организм, в тех чудом уцелевших местах. Надо сказать, что эта передача «делания» от одного поколения к другому никогда не пропадала. Многие историки считают, что это «делание» государственное и есть тот самый деятельный патриотизм.

Можем вспомнить, что удивительные произведения домонгольской эпохи – и «Повесть временных лет», и «Слово о полку Игореве», и «Слово о законе и благодати» – проникнуты любовью к Отчизне. Известный медиевист Антон Гурский подсчитал, что в домонгольской литературе самая яркая патриотическая формула, которая встречается

более 300 раз, звучит так: «За Русскую землю!».

Говоря о Древней Руси, наш крупнейший лингвист мирового значения Дмитрий Сергеевич Лихачев произнес слова, которые тоже неоднократно цитировал и наш Президент: «В этот период сформировалось представление о единстве мира, о единстве человека и его истории, сочетавшееся с глубоким патриотизмом, – патриотизмом, лишенным чувства национальной исключительности, тупого и узкого шовинизма».

В конце XV века отношение к патриотизму становится скорее синонимом служения великому князю, а позже и царю. В переписке царя Ивана IV, более известного в последние годы правления как Иван Грозный, с Андреем Курбским измена правителю расценивалась как измена Отечеству. В ответ на рассуждения Андрея Курбского, который отстаивал свое право выбирать Отечество и государя, и в этом смысле может быть назван «первым космополитом», Иван Грозный подчеркивает совершенно иную мысль: «Российскому государству и русскому царю нельзя изменять. Их следует любить и защищать».

Понимание патриотизма как служения царю мы видим в «Домострое», который являлся сводом духовных и житейских правил XVI века, священника Сильвестра, сподвижника Ивана Грозного.

В период Смуты и польско-шведской интервенции в качестве символа Отечества на первое место выступает православная вера, бороться за которую призывает князь Дмитрий Пожарский. Особенностью патриотизма Смутного времени, в отличие от периода Ивана Грозного, стало отождествление Отечества не с конкретным монархом, а с монархическим способом организации государственной жизни.

Теперь уже оценка участия каждого человека в жизни своей страны рассматривалась через служение государю. Патриота Смутного времени называли «человек, добра хотящий русскому государству». Того же, кто был пособником интервентов, называли «изменником всему нашему великому царству». Поэтому патриотизм Смутного времени заключался в совместных действиях по сохранению монархии, возрождению центральной власти. Очень важно, что в тех об-

стоятельствах идея возрождения сильной центральной власти выросла из глубины страны.

Само слово «патриотизм» в современном смысле входит в русский язык только во второй половине XVIII века как забота о благе России. Это новый идеал и новый программный уровень патриотической мысли и идеологии. Он включает в себя требование службы правителю во имя общего блага Отечества. Я привожу цитату из произведения XVIII века: «Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который нам Бог кладет перед очами как внутрь, так и вовне, отчего облегчен будет весь народ». Следует подчеркнуть, что только благодаря нашим историкам – В. Н. Татищеву, В. В. Болотову, Левашову – слово «патриотизм» входит в русский язык, и мы его используем именно с этого периода.

Наверное, высшей точкой развития идеологии патриотизма философами, богословами, в художественной литературе стал для России XIX век. В XIX веке утверждается очень важная мысль о том, что любовь к Родине – это черта, присущая только настоящему гражданину, то есть требованию общего блага накладывает на человека обязанность согласования личного блага с общественным. Идея патриотизма на государственном уровне говорит о том, что интерес нации есть высший интерес для всякого истинного гражданина. Способность признать Отечество высшей ценностью – это проявление не только гражданской, но и нравственной, духовной зрелости.

Как считают историки, которые занимаются русской государственностью, такая тенденция общественной мысли к концу XIX века неразрывно связана с еще одной идеей этого периода, а именно с русской идеей, о которой так много говорят и так часто ее боются.

Наш знаменитый соотечественник Иван Ильин сказал в свое время фразу, которая стала крылатой: «Русская идея не выдумана кем-то искусственно, ее возраст есть возраст самой России». Эта мысль была сформулирована в XIX веке, который ознаменован расширением границ русского государства, присоединением к нему новых народов и трансформацией русской идеи в идею российскую. Для многочисленных народов, по-

лучивших военную, материальную и иную помощь, Россия становится новой Родиной. Российская цивилизация формировалась по-особенному – идея предназначения русского народа стала общей для наций и народностей, которые населяли огромную, необъятную Россию. По этому поводу можно снова привести очень яркие, правдивые и актуальные слова Ивана Ильина: «В религии, как и во всякой культуре, русский организм творил и дарил, но не искоренял, не отсекал и не насиловал».

Исмаил-бей Гаспринский, один из известнейших крымско-татарских просветителей конца XIX – начала XX века, снискал России всемирную славу. Человек удивительной судьбы: родился в небольшой деревне около Бахчисарая в небогатой дворянской семье, учился в Симферополе, получил образование в кадетском корпусе Москвы и Воронежа, затем учился в Сорбонне. Он был личным секретарем Ивана Сергеевича Тургенева в тот момент, когда Тургенев творил в Париже. Работал в Стамбуле как корреспондент одесских, Санкт-Петербургских и московских газет, а начиная с 1878 года он становится главой города Бахчисарай. Он написал много глубоких книг, рассуждая о смысле русского, прежде всего тюркского, мусульманства. Одна из его книг так и называется «Русское мусульманство», издана она в 1881 году. Здесь Гаспринский подмечает одну очень важную вещь: «...Русский человек наиболее легко сходится и лучше уживается с различными народностями, привлекая их простотой, отзывчивостью и врожденной человечностью, свойственной только русскому характеру. Этим объясняется тот факт, что мусульмане не чувствуют себя чужими на Руси и не чуждаются общению и сближения с русскими людьми».

По мнению Исмаил-бея Гаспринского, вхождение тюркских народов в состав Российского государства было явлением историческим и имело огромное позитивное значение. Вот его слова: «Необходимо, чтобы русское мусульманство прониклось убеждением, что провидение, соединив его судьбу с судьбой великой России, открыло перед ним удобный путь к цивилизации, образованности, прогрессу». Он считал искренне, до последнего своего вздоха на этой земле, что русское мусульманство будет культурно-

цивилизационным лидером в исламском мире. В своей книге «Русское мусульманство» Исмаил-бей пишет: «Я верю, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития цивилизации остального мусульманства». Его деятельность была высоко оценена при жизни. В 1910 году парижский журнал «Мусульманский мир» вносит предложение в нобелевский комитет о присуждении Гаспринскому Нобелевской премии мира. Я считаю, что его труды знать необходимо, особенно сейчас, потому что всю свою жизнь он посвятил просвещению. Для него Отечество России – высшая ценность, неотъемлемой частью которой стали вошедшие в состав России тюркские народы.

Для конца XIX– начала XX века русская идея – это борьба славянофилов и западников. А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, Ф. М. Достоевский, А. И. Герцен, И. В. Киреевский, Н. Я. Данилевский, И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, П. А. Столыпин и многие другие спорили об одном: какое место Россия занимает в мировой цивилизации.

Приходит 17-й год XX века – один из самых трагических периодов истории нашего государства и очень важный для понимания патриотизма, его роли в истории именно XX века. Что делают большевики сразу после прихода к власти? Они отвергают всю ту историю, которая была до 1917 года.

Достаточно сказать, что Л. Д. Троцкий готовил мировую революцию и поход на Индию, В. И. Ленин готовил поход на Западную Европу, а А. В. Луначарский – нарком просвещения – уже в ноябре 1918 года в своем выступлении перед учителями истории «О преподавании отечественной истории в советских школах» произнес известную фразу: «Преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено». В обоснование своей установки он привел достаточно тезисов. Вот лишь один из них: «Благодаря проклятой «национальной школе» в Германии, где немцы искусней всех поставили свое преподавание патриотизма, возможна стала мировая война».

Усилиями так называемой школы Покровского, официально объявившей в январе 1929 года о неприемлемости понятия «русская история», с 1917 по 1934 год слово

«патриотизм» полностью ушло из употребления и общественного сознания. Сейчас это трудно себе представить, но в период с 1917-го по 1934-й год в нашей стране не велось преподавание истории в вузах, были закрыты все факультеты, в том числе в Санкт-Петербургском (Ленинградском) и Московском университетах. Были поставлены под сомнение понятия «Россия», «патриотизм» и «русская история» как таковые. В 6 томе Малой советской энциклопедии, выпущенной в 1931 году, патриотизм определяется как понятие биологическое: «Патриотизм – чувство биологическое, оно присуще даже кошке».

Пройдут десятилетия, и в 91-м году того же столетия все повторится.

Поворотным моментом для возвращения в общественное сознание понятия «патриотизм» стала Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года, на которой И. В. Сталин произносит тезис, ставший определяющим на долгие десятилетия: «В прошлом у нас не могло быть Отечества, но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, у нас есть Отечество, и мы будем отстаивать его независимость». Именно восстановление патриотизма в 1931 году возвращает Отечество как синоним дореволюционной России.

Главным стимулом, ускорившим возвращение понятия «Отечество» и, самое главное, возвращение продолжения истории поколений, становятся события в Германии.

30 января 1933 года Гитлер становится канцлером, а в 1934 году он получает в свои руки всю полноту власти. Но важно другое. Ровно через три дня после своего избрания, уже в феврале 1933 года, он формирует нацистское правительство, выступая перед генералами вооруженных сил Германии с призывом, который слышит Москва: «Первейшей целью является создание мощных вооруженных сил, отвоевание новых рынков сбыта, захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация».

Осознание неизбежности войны заставляет руководство СССР пересмотреть не только свои взгляды на историческое прошлое, на дисциплины в школе, но и разработать идеологию государственного патриотизма.

С сентября 1934 года вновь воссозданы исторические факультеты в университетах, и в 1935 году должен был быть написан первый учебник для начальной школы – «Краткий курс истории для 3–4 классов». Этот учебник впервые за 17 лет рассматривает советскую историю в преемственности с историей России до 1917 года. И все развитие советской государственности как единое целое с российской историей, как то самое «общее делание».

Следующий этап – это возвращение к золотому веку русской литературы.

10 февраля 1937 года газета «Правда» по случаю столетия со дня гибели Пушкина полностью посвящает свою передовицу поэту, давая при этом новую трактовку прочтения отечественной культуры XIX века, когда русский народ властно занял одно из центральных мест в мировой культуре. «Россия дала четырех титанов: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. Заняла 1-е место в живописи: В. И. Суриков, И. Я. Репин, В. В. Верещагин, В. А. Серов. Музыка: М. И. Глинка, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, А. С. Даргомыжский, С. В. Рахманинов, П. И. Чайковский. Точные науки: Н. И. Лобачевский, Д. И. Менделеев, Лебедев». Эта прекрасная цитата, опубликованная в газете «Правда», принадлежит академику Е. В. Тарле, историку, который всю жизнь посвятил изучению Наполеона и Отечественной войны 1812 года.

Таким образом, новая историческая концепция не была лишь событием науки, потому что в условиях подготовки к войне она стала основой героико-патриотического воспитания и духовной мобилизации населения.

Самые яркие примеры: в 1938 году выходит фильм «Александр Невский». Александр Невский становится главным героем поэмы «Ледовое побоище» Константина Симонова. Состоялась премьера новой постановки оперы «Иван Сусанин». В 1939 году впервые в Третьяковской галерее прошла масштабная выставка 400 полотен из всех художественных музеев страны на исторические темы художников XVIII–XX веков.

Но время неумолимо идет вперед, и воскресенье 1941 года – один из самых страшных дней XX века. Накануне, в субботу, в советских школах прошел выпускной

вечер и сотни тысяч молодых людей, верящих в свое будущее, шагнули сразу со школьной скамьи в горнило страшной, тяжелейшей войны в истории человечества. Об этом позже шестнадцатилетняя девчонка Юлия Друнина напишет слова:

В семнадцать совсем уже были мы взрослые –

Ведь нам на войне подрастать довелось...

В первый день войны призыву подлежали юноши и мужчины 1905–1918 годов рождения. На действительной службе в этот период находились юноши 1915–1922 годов рождения. В августе 41 года проходит вторая мобилизация, по которой призывают ребят 1923 года рождения. На 22 июня 1941 года население Советского Союза – 196 700 000 человек. 93 000 000 – мужчины. Мальчики и юноши моложе 18 лет составляли 33 % от всего мужского населения страны, призывной возраст 18–50 лет – 45 % от всего мужского населения страны.

За 4 года войны было мобилизовано 29 575 000 человек. Вместе с кадровым составом армии и флота через шинели прошло 34 500 000 человек – это население Дании, Нидерландов, Норвегии, Швеции и Финляндии вместе взятое.

Общий моральный тон задавали выпускники советских школ 1937–1941 годов выпуска. Для них война стала суровой проверкой, стала символом самопожертвования. Самые яркие имена, которые для нас стали символами, – это имена героев 1920–1924 годов рождения: Александр Матросов – 1924 г. р., Любовь Шевцова – 1924 г. р., Евгения Руднева (знаменитые «ночные ведьмы») – 1920 г. р. и великое множество других, которые обрели себе бессмертную славу.

Сегодня, говоря о патриотизме, необходимо изучать феномен этого поколения, потому что это было самоотверженное, бескорыстное поколение. Важно понять: что формировало и что послужило ориентирами? Как они шагнули в это горнило войны?

Это о них десятиклассница Юлия Друнина напишет свои стихи, которые известны многим:

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.
И откуда взялось столько силы

Даже в самых слабейших из нас?..

Что гадать! – Был и есть у России

Вечной прочности вечный запас.

О мальчишках 1941 года Илья Эренбург написал свои знаменитые слова: «Наши юноши привыкли к чересчур легкой жизни. Широко раскрывались перед ними двери школ. У нас не человек искал работу, а работа искала человека. И многие из нас привыкли к тому, что за них кто-то думает. Теперь не то время. Теперь каждый должен взять на свои плечи всю тяжесть ответственности. Во вражеском окружении, в разведке, в строю каждый обязан думать, решать, действовать. Не говори, что кто-то за тебя думает. Не рассчитывай, что тебя спасет другой. Тебе дана высокая честь – защищать Родину. Ты не ребенок – ты муж. На тебя с доверием смотрит страна. Не уклоняйся от ответственности, не уклоняйся от инициативы. У тебя есть оружие – винтовка. У тебя есть другое оружие – голова. Ты человек! Не забывай об этом ни на минуту!»

Приведу источники, с которыми работала, – письма 1941 года. Александр Круглов, 1920 года рождения, студент-историк, был призван в армию после 1 курса Вологодского педагогического института и встретил войну на пограничной заставе. Его письмо датировано 1 июля 1941 года: «Здравствуйте, дорогие родные, братья и сестры! За период с 22 июня по 1 июля мы пережили очень много, но все трудности еще впереди. Свершилось такое ужасное дело... Война с Германией будет тяжелой, враг силен. Потребуются величайшие усилия, чтобы разбить и уничтожить его. Сколько моих друзей погибло смертью храбрых. Их имена войдут в века как имена истинных героев. Прошу Вас не горевать и не плакать, если погибну. Умирать буду за свое, народное, великое дело. Пусть помнит презренный враг, что не бывать ему на русской земле...» (1 июля 1941 года). Последнее, второе письмо, он пишет родителям 23 июля 1941 года.

Не случайно Юрий Трифонов, известный писатель 1925 г. р., фронтовик, в одном из интервью уже в 70 годы, скажет фразу, с которой не все историки согласны, о том, что войну выиграли десятиклассники выпускники 1937–1941 годов.

Удивительно, что письма фронтовиков, вчерашних мальчишек, адресованы учите-

лям. Еще одно письмо с фронта учителям, написанное в июне 1943 года под Сталинградом мальчишкой, закончившим 10-й класс 101-й школы в Ташкенте: «Уважаемая, Екатерина Филипповна и вы, мои бывшие преподаватели: Серафима Ивановна, Евгения Васильевна, Клавдия Александровна! Я прошел трудный путь. Из многих испытаний вышел целым и невредимым. И, что во мне ценят окружающие, веселым и бодрым. Везде я вспоминаю школу. Эти воспоминания самые лучшие и теплые. Екатерина Филипповна! Я глубоко благодарен Вам и всем остальным моим педагогам за все, чему меня научили. Сейчас я понял, что Вы отдаете все свои силы тому, чтобы сделать из нас настоящих людей, истинных патриотов и защитников Родины. Даю Вам честное слово, что Ваши старания не пропадут даром. Привет всем преподавателям и ученикам. Без победы не вернусь...». Почему учителя? Потому что они укрепили те самые моральные резервы, которые оказались решающими в ходе войны. Одним из таких резервов становится самопожертвование.

Письмо из Белоруссии, написанное в мае 1944 года, когда идут тяжелейшие бои под Малыми Калинковичами. Что происходит? Командование батальона потеряло связь с ротой, которая на главном направлении работала, и нужно было связисту-добровольцу идти туда, чтобы связь восстановить. И киевский мальчишка Олег Нещитовский, который тоже ушел на фронт сразу после выпускного вечера, понимая, что может не вернуться, потому что идет бесчеловечная бойня. Четыре часа он налаживает связь и передает, что связь налажена. Он ранен смертельно и понимает, что не доползет к своим, и единственное, что он смог сделать – написать два письма. Одно письмо он пишет своей маме, другое – своей любимой девушке. Когда бойцы спустя четыре часа подошли, он был уже мертв. Фраза из письма, которую он адресует своей любимой девушке: «Прощай, дорогая Лидушка! Не удивляйся, это мое предсмертное письмо. Если ты его получишь, то меня уже не будет в живых. Знай, что я отдал жизнь дорого, честно, на поле боя, и белорусская земля приняла меня, украинца, как сына. Конечно, умирать не хочется, но зов Родины – это закон, этого требовал долг, и пришлось не считаться с жиз-

нюю». И дальше – слова, которые без волнения читать просто невозможно. Вот что он пишет дальше: «О многом мы мечтали, но... Пройдут годы, у тебя будет сын, и я тебя очень прошу, расскажи ему хоть немного о том, кто хотел быть его отцом! Ладно, прощай! Целую тебя в последний раз крепко-крепко. Твой друг Олег».

Военные будни ковали их характер. Характер людей не очень сильных, не очень решительных, которые, наверное, в другой ситуации могли бы вести себя иначе. Но в годы военных лихолетий они доформировывались. У них высшая добродетель, а именно верность своим любимым, верность будущему, в которое очень верили, что они будут его строить.

А еще они любили. В письмах начала войны о любви они пишут мало, а в 1943–1945 годах они пишут своим одноклассникам, своим однокурсникам, и чем дольше длилась война, тем трепетнее, пишут о любви.

Приведу еще одно письмо лейтенанта Ильи Адельмана, который окончил химический факультет до войны, датированное маем 1944 года. Он пишет, уже находясь на территории Румынии, своей любимой Агнессе такие слова: «Теперь мы шагаем по Румынии, мы великодушны. Осторожно проходим по полям, стараясь не растоптать посевов. Не прикасаемся к цветущим фруктовым садам и виноградникам. Видя такой оборот дела, запуганные немцами местные жители говорят о нас, что это не большевики. Большевики идут где-то сзади». Вы знаете, какое количество мифов сейчас выброшено во всех средствах массовой информации о якобы недостойном поведении солдат Красной Армии в Восточной Европе.

Он продолжает: «Родненькая, Агнеска! Как обстоят твои дела? Я очень беспокоюсь за твои летние экзамены и горжусь тем, что ты заканчиваешь университет. Ты станешь самостоятельным человеком. Я тоже недавно смотрел картину «Жди меня», она сильно подействовала на мои чувства. О, если бы ты была такой же, как та девушка. Война приближается к своей развязке, а я люблю тебя еще крепче. Целую тебя. Твой Илья».

Вот это самоотверженное поколение, которое отдало себя целиком. 8 668 400 человек – это все безвозвратные потери. Из них 20 лет и моложе 1 560 300 человек – 18 %, 21 год–25 лет 1 907 000 человек – это 22 %, 26–30 лет – 1 570 000 человек – 17,5 %. 31–35 лет – 1 430 300 человек, или 16,5 %. 18 лет и моложе 35 лет – деятельное, самое мужественное, самое самоотверженное поколение – это 74 %, или 6 414 600 человек. Для того, чтобы мы с вами жили, 6 416 000 совсем молодых людей, которые любили, которые могли стать прекрасными врачами, поэтами, писателями, шахтерами, могли заниматься любой профессией, отдали свою жизнь.

Наша страна – единственная страна в мире, которая переживает за столетие второй социально-политический кризис. Напомню, в 1917 году первое, что сделали пришедшие к власти большевики, – отменили преемственность самой истории. В 1991 году был повторен тот же самый эксперимент. Что нужно было сделать пришедшим в 1991 году к власти людям – это перечеркнуть историю Советского периода, очернить прошлое, постараться убрать из общественного сознания верность традициям, гордость за величие своей страны, культуру, язык. Мы не говорили про патриотизм с 1991 по 2002 год. Так же, как мы не говорили про патриотизм с 1917 по 1934-й, то есть в общественном сознании этого важнейшего понятия не было.

До чего договорились? До пересмотра границ, до того, что воевали два тоталитарных режима, что над одним состоялся Нюрнбергский процесс, над другим процесс не состоялся. Договорились до того, что Байкал и Сибирь достались нам случайно...

Наконец, собрались и поняли, что строить будущее на непрочном фундаменте невозможно. А если фундаментом является патриотизм, то ничего другого не придумаешь. Это уважение к нашей истории, традициям, духовным ценностям наших народов, нашей культуре, нашему уникальному опыту.

© Васильева О.Ю., 2016

В.В. Иванов

**Первый заместитель председателя Комитета
по Регламенту и организации работы
Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации**

Повышение значимости некоммерческих организаций в общественной жизни современной России

В статье рассматриваются вопросы повышения значимости некоммерческих организаций в общественной жизни современной России; формулируются конкретные предложения в адрес государственных, муниципальных и общественных структур о том, какие шаги могут быть предприняты в данном направлении. Данные рекомендации были одобрены в ходе расширенного заседания рабочей группы «Общество и власть: прямой диалог» Ивановского регионального отделения Общероссийского народного фронта «За Россию» под председательством депутата Государственной Думы ФС РФ В.В. Иванова.

Ключевые слова: Россия, Президент, некоммерческие организации, власть, гражданское общество, антикоррупционная деятельность.

Одной из ключевых тем послания Президента России Владимира Владимировича Путина Федеральному Собранию РФ (Москва, Кремль, 3 декабря 2015 г.) является налаживание и развитие действенного механизма взаимодействия общества, представленного различными формами самоорганизации, и власти – федеральной, региональной, местной.

Наиболее значимыми областями реализации созидательного потенциала общественных структур определены:

- общественный контроль за действиями представителей власти с целью предотвращения личной заинтересованности, конфликта интересов, а также и их возможного последствия в виде коррупционных проявлений;

«Ситуация, в которой есть признаки личной заинтересованности, конфликта интересов, мгновенно попадёт в зону повышенного внимания контролирующих и правоохранительных органов. И конечно, гражданского общества», – Президент России В.В. Путин.

- широкое общественное обсуждение наиболее значимых проблем с целью выработки совместно органами власти оптимальных решений;

«Власть должна слышать людей, объяснять суть возникающих проблем и логику своих действий, видеть в гражданском обществе и в бизнесе равных партнёров», – Президент России В.В. Путин.

- участие общественных структур и институтов гражданского общества в реализации приоритетов государственной культурной политики, образования, воспитания детей и молодежи, социальной поддержки различных категорий населения;

«В таких вопросах, как помощь пожилым людям и инвалидам, поддержка семей и детей, нужно больше доверять и гражданскому обществу, некоммерческим организациям. Они часто работают эффективнее, качественнее, с искренней заботой о людях, меньше бюрократизма в их работе», – Президент России В. В. Путин.

В рамках мониторинга исполнения Указа Президента Российской Федерации от

07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» рабочей группы «Общество и власть: прямой диалог» Ивановского регионального отделения ОНФ в течение 2016 года в форме расширенных заседаний с участием членов общественных советов при органах исполнительной власти Ивановской области, руководителей органов исполнительной власти, руководителей областных бюджетных учреждений, представителей органов местного самоуправления и общественных организаций рассмотрен вопрос «О проведении в Ивановской области независимой оценки качества оказания услуг бюджетными организациями сферы образования, культуры, здравоохранения».

Отмечая в целом позитивную оценку хода реализации положений Указа Президента России 07.05.2012 № 597, члены рабочей группы по итогам обсуждений полагают необходимым отметить ряд существенных аспектов, ограничивающих эффективность, а также внести ряд предложений и рекомендаций, направленных на преодоление, имеющих место проблемных аспектах.

Ряд сфер общественной жизни, имеющих стратегическое для государственного строительства и национальной безопасности значение, не могут быть эффективно решены государством без непосредственного участия общества. К этим сферам относятся:

- обеспечение культурной идентичности и исторической памяти, включая патриотическое образование и воспитание подрастающего поколения;
- сохранение семьи и брака, как ключевого института воспроизводства общественной жизни, формирования физически и нравственно здорового общества;
- противодействие идеологии экстремизма и терроризма, создания в обществе нетерпимости к коррупционным проявлениям;
- развитие культуры, образования, охраны здоровья, развития социальной поддержки.

Вместе с тем, ряд положений российского законодательства, нормативной базы местного самоуправления и правоприменительной практики, принятых в рамках укрепления государственности в начале «нулевых» годов, содержат устаревшие положения, существенно ограничивающие взаимодействие

общества и государства в реализации указанных Президентом России приоритетов. На уровне конкретных механизмов это выражается в затруднении, а в ряде случаев и фактическом запрете, взаимодействия бюджетных учреждений федерального, регионального и муниципального уровня с профильными общественными и некоммерческими организациями в реализации совместных целей.

Ряд положений Гражданского кодекса РФ и закона «О некоммерческих организациях» в части установления правового статуса бюджетных учреждений ограничивают возможности сотрудничества бюджетных учреждений сферы образования, культуры, здравоохранения, социального обслуживания с профильными общественными и некоммерческими организациями в части совместного использования (в том числе и возмездного) имущества и иных ресурсов (информационных, организационных и т.п.).

Положения закона, регламентирующего сферу государственных и муниципальных закупок (т.н. «закон 44-ФЗ»), в совокупности с нормами закона «О защите конкуренции» не создают преимуществ либо наоборот затрудняют доступ для профильных общественных и некоммерческих организаций к участию в реализации государственного и муниципального заказа в сферах образования, патриотического и духовно-нравственного воспитания, культуры и охраны культурного наследия, социальной поддержки, отдавая приоритет коммерческим организациям, для которых указанная деятельность является не актом служения общественным интересам, а способом реализации финансовых целей.

Поручения Президента России по устранению указанных дефектов нормативной базы в адрес федеральных органов исполнительной власти до настоящего времени находятся в стадии рассмотрения либо, в ряде случаев, сняты с контроля по формальным признакам без решения вопроса по существу.

Полагая, что актуальный этап развития нашей страны, восстановления цивилизационной и исторической роли, содержит достаточные основания для раскрытия творческого потенциала российского общества, в том числе через взаимодействие с государством и системой местного самоуправления. С этой целью, опираясь на результаты общественно-

го экспертного обсуждения указанных вопросов реализации «майских указов» Президента России, целесообразна реализация следующих предложений:

1. Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации:

- провести мониторинг и экспертное обсуждение законодательства и правоприменительной практики в сфере взаимодействия социально-ориентированных некоммерческих организаций с государственными и муниципальными бюджетными учреждениями при реализации совместных инициатив и мероприятий; привлечь к указанной работе исполнителей и экспертов, реализующих проекты в рамках исполнения распоряжений Президента России «Об обеспечении государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина»;

- рассмотреть возможность совершенствования законодательства в части повышения эффективности механизмов взаимодействия профильных социально-ориентированных некоммерческих организаций с государственными и муниципальными бюджетными учреждениями при реализации совместных мероприятий по приоритетным направлениям общественного и социального развития (в частности, путем внесения соответствующих изменений в Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» в части использования имущества, материальных и нематериальных ресурсов бюджетных учреждений).

2. Правительству Ивановской области и Ивановской областной Думе:

- при разработке нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок использования и распоряжения бюджетными учреждениями имуществом, предусмотреть механизмы его использования (на возмездной и безвозмездной основе) профильными некоммерческими организациями при реализации социально значимых инициатив;

- с целью систематизации доступа к использованию ресурсов (материальных и нематериальных) бюджетных учреждений Ивановской области профильными обществен-

ными и некоммерческими организациями совместно с Общественной Палатой Ивановской области разработать критерии и механизм оценки деятельности, включая профиль, общественную значимость, результативность и эффективность.

3. Правительству Ивановской области

- на основе обобщения практики проведения независимой оценки качества оказания услуг бюджетными организациями сферы образования, культуры, здравоохранения, с учетом предложений Ивановского отделения ОНФ разработать рекомендации по совершенствованию нормативной базы и организации работы в данной сфере для органов государственной власти и органов местного самоуправления Ивановской области;

- разработать порядок формирования приоритетных для взаимодействия с некоммерческими организациями направлений общественного и социального развития и утвердить перечень приоритетных направлений;

- предусмотреть в системе оценки эффективности деятельности (мониторинга) органов государственной власти и муниципальных образований Ивановской области показатели, характеризующие наличие механизмов привлечения профильных общественных и некоммерческих организаций к реализации задач по приоритетным направлениям социальной политики;

- разработать рекомендации в адрес муниципальных образований Ивановской области в части совершенствования механизмов использования муниципального имущества, в том числе бюджетных учреждений (на возмездной и безвозмездной основе), профильными общественными и некоммерческими организациями для реализации совместных инициатив по приоритетным направлениям.

4. Департаменту внутренней политики Ивановской области:

- оказывать содействие в информировании общественности через средства массовой информации о лучших практиках взаимодействия органов власти, бюджетных учреждений с профильными общественными и некоммерческими организациями в реализации приоритетных направлений общественного и социального развития.

5. Органам местного самоуправления муниципальных образований Ивановской области:

- совершенствовать механизмы, повышающие доступность, использования муниципального имущества, в том числе бюджетных учреждений (на возмездной и безвозмездной основе), профильными общественными и некоммерческими организациями для реализации совместных инициатив по приоритетным направлениям общественного и социального развития;

6. Общественной палате Ивановской области совместно с общественными и некоммерческими организациями, осуществляющими деятельность по приоритетным направлениям общественного развития:

- провести оценку эффективности механизмов взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления Ивановской области, областных и муниципальных бюджетных учреждений с профильными общественными и некоммер-

ческими организациями по приоритетным направлениям общественного развития; отметить лучшие практики в данной сфере;

- подготовить предложения взаимодействию профильных некоммерческих организаций с органами государственной власти, органами местного самоуправления Ивановской области, областными и муниципальными бюджетными учреждениями по приоритетным направлениям общественного развития; направить указанные предложения в адрес Правительства Ивановской области и заинтересованных организаций.

В целом же необходимо констатировать, что вопросы повышения значимости некоммерческих организаций в общественной жизни современной России сегодня входят в число первоочередных в повестку как государственных, так и общественных структур.

© Иванов В.В., 2016

Е.В. Ширяева

Кандидат философских наук, руководитель
Ивановской региональной
общественной приемной Председателя Партии
«Единая Россия» Д.А. Медведева в Ивановской области

Идеи бессмертия и долголетия в трудах Карела Чапека и Бернарда Шоу

В начале XX века идеей бессмертия и долголетия вдохновлялись известные писатели, причем отнюдь не только фантасты. Она давала повод и возможность ставить философские проблемы самого разного характера, размышлять о будущем человечества. В статье рассматривается, какое отражение идеи бессмертия и долголетия нашли в трудах Карела Чапека и Бернарда Шоу.

Ключевые слова: бессмертие, долголетие, XX век, писатели, культура.

Бернард Шоу, один из наиболее авторитетных деятелей культуры начала XX века, создал философскую драму «Назад к Мафусаилу» чтобы вместе со зрителями и читателями обдумать возможные последствия продвижения человечества по пути к вечной жизни, но также и для того, чтобы заставить задуматься о сущности родового человека. Пьеса вышла в 1921 году, а в 1922 году другой известный драматург, Карел Чапек выпустил в свет пьесу, которая казалась полемическим ответом английскому писателю – «Средство Макропулоса». Тем не менее, сам Чапек впоследствии отрицал влияние Шоу на свою пьесу, подчеркивал, что замысел ее родился до выхода в свет философской драмы Шоу [1; с. 599]. Это обстоятельство еще раз показывает, что тема человеческого долголетия и бессмертия неустранимо присутствовала в общественном сознании, «вitala в воздухе».

«Назад к Мафусаилу» – сложное, богатое темами и смыслами произведение выдающегося мастера драматургии. В начале своей драмы Б. Шоу устами ветхозаветного змея-искусителя высказывает мысль, которая

в полной мере соответствует пафосу философии общего дела Н. Ф. Федорова. Шоу говорит: «воображение и есть начало созидания. Ты воображаешь себе то, чего хочешь; ты хочешь того, что вообразила, и, в конце концов, творишь то, чего хочешь» [2; с. 18]. Складывается впечатление, что Шоу написал эти слова под влиянием федоровских идей. Однако, по всей видимости, такое сходство объясняется духом эпохи – духом оптимизма и сциентизма, позволявшим надеяться, что стоит человеку пожелать, и для него возможны любые чудеса. Писатель предлагает оригинальную версию того, каким именно путем люди могут достичь срока жизни в 300 лет. По словам одного из персонажей, люди «будут жить триста лет, и не потому, что им так хочется, а потому, что в глубине души они будут убеждены в необходимости этого для спасения человечества» [2; с. 36].

Таким образом, в отличие от пьесы К. Чапека, личное вечное существование человека трактуется у Шоу как результат концентрации воли, пусть даже и бессознательной. Несколько персонажей пьесы, случайно слышавших этот диалог, обретают бессмер-

тие, поначалу сами о том не подозревая. Дальнейшее действие пьесы разворачивается в мире, где соседствуют в своем существовании как долгожители, получившие способность жить 300 лет, так и обычные люди. Писатель показывает изменения сознания и мировоззрения «древних» под влиянием их нового качества.

Как и у Чапека, персонажи Шоу высказывают свои возражения против идеи человеческого долголетия. Самое первое среди них – о том, что гипотетический эликсир бессмертия станет причиной вражды и приведет к взаимному истреблению «потому что охотиться за эликсиром станет каждый. Ради него мужчины будут топтать на улицах женщин и детей. Нет, в таких количествах его не произвести. Состав придется держать в секрете, иначе дойдет до смертоубийства».

Б. Шоу ставит, и даже еще более остро, чем это делает К. Чапек, проблему элитарности. Шоу иронизирует по поводу известной национальной черты британцев – самодовольной уверенности в избранности собственной нации, в ее особом значении для мировой цивилизации. При таком подходе бессмертие – удел лишь избранных, в том числе – по национальному признаку. Устами одного из персонажей Шоу утверждает: «Медленнее всего созревают высшие существа, и они же наиболее беспомощны в период незрелости». Там же содержатся рассуждения о преимуществах «белой расы», о необходимости ввести лимит на срок жизни, на браки долгожителей. Этим Шоу показывает, что националистические и расистские настроения с необходимостью ведут к антигуманным последствиям, в том числе – в трактовке человеческого долголетия.

Б. Шоу предвидит разнообразные опасности обретения людьми долголетия. В частности, опасность того, что обретя вместе с долголетием невиданную ранее смелость и свободу поступков, долгожители станут неудобными для обычных людей и те их начнут попросту истреблять. Другой персонаж «Назад к Мафусаилу» по имени Зу, высказывает еще более мрачные предположения по поводу судьбы человеческого рода. Она опасается, что люди, вне зависимости от того, сколь долгий срок жизни им отпущен, бесконечно будут ходить в своей истории по кругу: изобретать оружие массового истреб-

ления, уничтожать цивилизацию и вновь впадать в состояние дикости. Здесь невольно приходит на память мысль Н. Ф. Федорова о том, что сам страх смерти делает человека агрессивным. При этом сроки жизни, даже очень большие по современным человеческим меркам, не имеют принципиального значения. Примерно в те же годы, что и Шоу, В. И. Бехтерев, критикуя теорию ортобиоза Мечникова писал: «ортобиоз, или жизнь по правилам гигиены, составляет не цель, а лишь одно из средств для осуществления лучших моральных идеалов, ибо она дает возможность непрерывного умственного и морального самоусовершенствования, для которого телесное благосостояние является лишь одним из благоприятных условий, ничуть не более. Но помимо всего сказанного человек, доживающий до естественного конца по правилам ортобиоза, разве тем самым неизбежно освобождается от страха смерти, разве его сознание неизвестности за порогом жизни просветляется от долготы дней?».

Показательно, что ни у Чапека, ни у Шоу речь не идет о собственно бессмертии и, уж тем более, о воскрешении мертвых. Они рассматривают лишь гипотетическую возможность продления жизни. Причем срок выбирается один и тот же – 300 лет. В то же время, в обеих пьесах попутно рассматриваются способы увеличить и этот непомерный с точки зрения дня сегодняшнего срок. Поэтому можно утверждать, что речь в обеих пьесах идет именно о проблеме бессмертия – практического бессмертия, если воспользоваться термином И. В. Вишева. Постановка проблемы в подобном ключе оставляет этих авторов в русле позитивизма и философского реализма.

Если жанр пьес и можно обозначить как научную фантастику, то в большей мере это все-таки способ философствования, философской прогностики, осуществленной художественными средствами. Собственный, авторский и личностный ответ К. Чапека на вопрос о смысле и ценностном статусе физического бессмертия достаточно ясен. Персонажи пьесы «Средство Макропулоса» поочередно отказываются от предлагаемого им дара – рецепта трехсотлетней жизни и молодости. Одна из присутствующих, молодая девушка, только что пережившая смерть возлюбленного, принимает рецепт, но лишь для

того, чтобы бросить его в огонь. А сама героиня, приблизившаяся к трехсотлетнему рубежу, со смехом встречает этот акт уничтожения и восклицает с облегчением: «Конец бессмертию!».

В философской драме-притче Б. Шоу проблема решается не столь однозначно. Позицию автора понять не так просто, возможно, потому, что она была не до конца ясна и самому драматургу. Судя по тексту пьесы, Б. Шоу, известный своим скептицизмом и едкой иронией, не высокого мнения о человеческом роде. Отчасти он возлагает надежды на достижения науки и техники, но как гуманист, не может не видеть таящихся за ними опасностей для самой сущности человека. Шоу не случайно начинает свою пьесу с библейского сюжета об искушении Евы Змеем. Ветхозаветную тематику и символику британский драматург использует, чтобы придать сюжету универсальный, подлинно философский смысл. Шоу пытается посмотреть на человеческий род словно бы извне, с позиций некоего высшего разума. Критику человеческих грехов и заблуждений он дает и от лица тех, кто уже обрел долговечное существование («древних»), и от лица библейской праматери человечества Лилит. Ее заключительный монолог говорит о многом [2; с.76-77]. Из него ясно видны сомнения и надежды не только британского автора, но и других наиболее вдумчивых мыслителей и художников. Их видение родового человека как существа двойственного, открытого и добру и злу, и мудрости и безумию, порождает столь же амбивалентное представление о перспективе бессмертия.

Необходимо отметить, что как бы мы ни трактовали идеал бессмертия, какие бы формы ни принимал в культуре, он может быть конструктивным для личности и общества только если в качестве основной, первичной в нем выступает нравственная составляющая. В этом контексте следует расценивать все попытки воплощения этого идеала в жизнь. Если человечество, или какая-то часть его, вооружается идеалом бессмертия как ориентиром в своей практической деятельности, человечество как сложная самоорганизующаяся система приближается к точке бифуркации: оно сможет перейти на новый уровень своей эволюции, но может и утратить свою системную целостность.

Идея человеческого бессмертия выполняет в культуре ряд функций, в совокупности составляющих ее уникальное значение для исторического развития человечества. Это функции компенсаторная, дисциплинарная, мобилизующая, консолидирующая, прогностическая, проективная, смыслообразующая. Последняя функция выступает в качестве интегральной.

Библиографический список:

1. Чапек К. Средство Макропулоса./Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.4. М.: Художественная литература. 1976. 608 с.
2. Шоу Б. Назад к Мафусаилу.

©Ширяева Е.В., 2016

ИСТОРИЯ

Д.И. Сазонов

Протоиерей, кандидат богословия, докторант Общецерковной аспирантуры им. свв. Кирилла и Мефодия

Репрессии Советской власти против Истинно-Православной Церкви как повод для уничтожения церковной организации в Костромской епархии

«К свободе призваны вы братия» (Гал. 5, 13)

Религиозная ситуация в Советском Союзе конце 1920-х нач. 1930 гг. была довольно сложной. Многие священнослужители Русской Православной Церкви видя беспрецедентное вмешательство государства в церковные дела и желание властей подчинить Церковь выражали свой протест путем «непоминовения» вставших на путь «легализации» церковных властей и уходом в «катакомбы». За свою принципиальную позицию они были сосланы в ссылки, многие из них впоследствии расстреляны. Их обвиняли в принадлежности к Истинно-православной Церкви. А они хотели лишь свободы Церкви от власти государства. Одной из ярких страниц истории «разгрома ИПЦ» были священнослужители Костромской епархии, как принадлежавшие к иосифлянам, так и бывшие сторонниками митрополита Сергия. Это был их подвиг веры.

Ключевые слова: епископ, Истинно-православная Церковь, свобода, религия, Декларация.

Истинно-Православная Церковь, название которой закрепилось в начале XX века за теми, кто вначале противопоставлял себя живоцерковникам и раскольникам¹, затем перешло на последователей митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых), объединяло разных людей, основной идеологической платформой которых было неприятие политики государства направленной на разрушение Церкви, насилие над свободой человека исповедующего религию, и на тенденцию

подчинения Церкви безбожному государству. Как утверждает М. В. Шкаровский, «именно владыка Иосиф ввел термин «Истинно-Православная Церковь», употребив его в 1928 г. в одном из своих писем[19, С. 223], отметив, что такое название имеет Церковь свободная от государственного насилия. Идеологической основой движения «иосифлян», ставших затем называться приверженцами ИПЦ, было неприятие курса митрополита Сергия, который выступая за легализацию отношений с государством, по мнению некоторых архиереев, священства и мирян, «допустил вмешательство гражданских властей» в дела и прямое порабощение Церкви[19, с. 224]. Временный Священный Синод, возглавляемый заместителем Местоблюстителя митрополитом Сергием указом от 6 августа 1929 года фактически приравнивал последователей ИПЦ к обновленцам и григори-

¹ Первое документально зафиксированное появление термина «истинно православные» относится к 1923 году. В письмах в защиту Патриарха Тихона, которые направлялись в Комиссию по делам религиозных культов при ВЦИК СССР от оставшихся верными ему православных приходов Северного Кавказа, Средней Азии и Центрального Черноземья, верующие называли себя «истинно православными», противопоставляя, свои общины обновленческим. ru.wikipedia.org Истинно-Православная церковь. Дата обращения 07.09.2016 г.

анам, объявляя недействительными совершенные ими таинства и указывая принимать вернувшихся через Миропомазание[13, с. 168-169]. Как указывает Шкаровский, сами иосифляне себя раскольниками не считали и действительно ими не были, т.к. не пытались создать параллельную Церковь, считали главой Русской Православной Церкви Патриаршего местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) и не создавали особенных обрядов. Главной их, стратегической целью было привлечение большего количества сторонников в Высшее церковное управление, и возглавление его[19]. По мнению митрополита Иоанна (Снычева), который свидетельствовал о массовости иосифлянского движения «непоминающих» «многие из тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту православия, выступили против митрополита Сергия». По мнению владыки Иоанна, митрополит Сергий и возглавляемый им Синод допустили серьезную тактическую ошибку, т.к., большинство верующих было неподготовлено к новому курсу Русской Церкви на сближение с государством, осуществляющим антирелигиозную политику[6, с. 19]. Однако, исходя из открытых на данный момент материалов, свидетельствующих о беспрецедентном нажиме на митрополита со стороны, в том числе и карательных органов, следует сказать, что вряд ли митрополиту Сергию было дано время на подготовку пасты к принятию как Декларации, так и курса направленного на легализацию Церкви в СССР, отраженного затем в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях».

Следует признать, что опубликование «Декларации» стало той точкой отсчета, после которой по всей стране развернулся процесс по переходу на нелегальное положение многих монастырей и приходов. Кроме иосифлянского, возникли: даниловский, кирилловский, мечевский, и другие группы «непоминающих» митрополита Сергия и власть.

Власть рассматривала «уход в катакомбы» как враждебные по отношению к ней действия всей Церкви. Репрессии по отношению к иосифлянам не замедлили себя ждать. В марте-ноябре 1929 года были арестованы около 200 иосифлян в Ленинграде, Москве,

Ярославле. Арестами 1932-1933 гг. фактически был положен конец легальному существованию организации «истинно-православных», хотя из-за многочисленности последователей, отдельные приходы сохранились до середины 60-х годов. Исследуя переломный момент легализации церковных организаций в рамках Постановления 1929 года историк А. Беглов говорит о том, что пик преследований и репрессий в отношении духовенства пришелся не на вторую половину 30-х годов, а именно на 1929-1930 гг., как период повсеместного закрытия храмов и желание некоторых представителей власти отменить Постановление 1929 года, что фактически означало уничтожение Церкви как легальной организации[20, Л. 61-67]. Следует добавить, что именно период конца 20-нач. 30-х гг., стал временем подготовки партийных программ по индустриализации и «массовой коллективизации» в деревне к 1932 г.[26; 27], закрытия деревенских храмов, к подавлению сопротивления проведению насильственной «коллективизации», и уничтожению к 1933 г. кулачества как класса, что, по мнению некоторых исследователей, «ввергло страну в состояние гражданской войны» [17]. Напомним, что 1929 год был объявлен Сталиным годом «великого перелома» [15]. 1929 год охарактеризовался как год массовых выступлений против коллективизации². В ходе ликвидации кулачества, должны быть ликвидированы и все, сочувствующие им лица, под эту категорию, попадали и священники, часто высказывающие свое несочувствие к колхозному строю. Вопрос по коренному переустройству общества не мог обойти стороной и Церковь. «Постановление 1929 г. и сопутствующие ему документы (инструкции НКВД и ВЦИК), - пишет А. Беглов, - описавшие процедуру регистрации религиозной общины, задали параметры,

² В январе 1930 года было зарегистрировано 346 массовых выступлений, в которых приняли участие 125 тыс. человек, в феврале — 736 (220 тыс.), за первые две недели марта — 595 (около 230 тыс.), не считая Украины, где волнениями было охвачено 500 населённых пунктов. В целом, по стране в одном только марте 1930 года [ОГПУ](#) насчитало 6.500 массовых выступлений, из которых 800 было подавлено с применением оружия. В целом в течение 1930 года около 2,5 миллионов крестьян приняли участие в 14 000 восстаний против советской политики коллективизации. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартосек К., Марголин Дж.-Л. Черная книга коммунизма = Le Livre Noir du Communisme. — М.: «Три века истории», 2001. — С. 155-158.

по которым легко можно было определить положение каждой конкретной группы верующих: легальная ли она и имеет – хотя и очень ограниченное – право на существование, или нелегальна, и следовательно, подлежит уничтожению. Они значительно сузили зону легальной церковной жизни, - делает далее вывод историк, - и соответственно, расширили сферу церковного подполья[2, с. 35]. Под статьи УК 1926 г. ст. 58, п. 10 «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений [...] распространение или хранение литературы того же содержания»; 58, п. 11: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений» подпадала деятельность церковного подполья[7, с. 465].

Общеизвестно, что атмосфера жизни тех лет состояла под лозунгами «враг притаился», «враг затаился». Вспомним политические процессы тех лет: «Шахтинский процесс» 1928 г., дело процесс Промпартии 1930 г., дело «Трудовой крестьянской партии» и т.п. Однако, если политические процессы были характерны для конца 20-нач. 30-х гг., то борьба советской власти против Церкви как таковой, шла постоянно, начиная с 1918 г. Она была классовой. Не следует думать, что борьба шла только против «нелегальной» подпольной Церкви. Ликвидация нелегальной части Церкви, как об этом пишет тот же А. Беглов, была лишь поводом для ликвидации Церкви вообще. Шла глобальная борьба имеющая цель порабощение человека, превращение его в раба системы. Уничтожались как целые епархии, лояльные к митрополиту Сергию и его Декларации напр., Ставропольская, так и оппозиционные[2, с. 36]. Схема, отработанная еще в 1918-нач. 20-х годов, была общеизвестна: выявлялась антисоветская враждебная (монархическая, террористическая) организация – иерарх как ее глава – раскрывалась связь с границей[2, с. 38], по собранному следователями материалу далее следовал процесс уничтожения врагов. Костромская областная газета «Северная правда» писала в конце ноября 1934 года: «Остатки поповства и церковников, являющихся

самыми яркими агентами недобитых эксплуататорских классов, до сих пор еще используют отсталые массы трудящихся не порвавших с религией в своих гнусных целях помешать социалистическому строительству. Классовый враг хитро использует все возможности для того, чтобы отсрочить свою полную гибель» [8].

При этом, как справедливо отмечает в своей монографии прот. А. Мазырин: «Органы НКВД были прямо заинтересованы в том, чтобы представить всех, как они называли «церковников» членами всесоюзной антисоветской организации», стоящими на одной «контрреволюционной платформе». Само выражение «платформа ссыльного епископата» было, по-видимому изобретением тех же органов (рано как и приобрелее специфический смысл словосочетание «Истинно-православная церковь»). Во многом могли быть сфальсифицированы и признательные показания о том, что те или иные конкретные иерархи были сторонниками этой к.-р. платформы» [10, с. 176-177].

Все вышеизложенное, на наш взгляд, должно служить к развенчанию еще одного мифа, а именно того, что арестованные по обвинению к причастности к контрреволюционному подполью епископы, священники и миряне, заявлявшие якобы о своей отрицательной позиции по отношению к церковной организации возглавляемой митрополитом Сергием, либо бывшие лишь противниками государственного закрепощения Церкви, были врагами государства и легализации Церкви. На мой взгляд, все было гораздо тоньше: иногда ярлык «непримиримых» им навязывала власть, чтобы по отмашке сверху расправиться со всяким родом оппозиции, иногда, под воздействием слухов и за неимением объективных данных, некоторые действия центра воспринимались как «отход от православия», что и диктовало им решение уйти в оппозицию.

На примерах репрессий священнослужителей Костромской епархии попытаемся раскрыть истинную картину происходящего. В 1928-1929 центром иосифлянкой активности Костромской епархии были Костромской (священники В. Сарментов, М. Изюмов, И. Альбов), Буйский р-ны (в основном насельники закрытого в 1927 году Иаково-Железоборовского монастыря иером. Ио-

асаф (Сазанов), иером. Петр (Серов), иером. Серафим (Борисов)) и Нерехтский районы (последователи епископа Любимского, викария Ярославской епархии Варлаама (Ряшинцева)³), а также территория бывшего Кинешемского викариатства (сторонники епископа Василия Кинешемского и Николая (Голубева)). Церковная ситуация в Костроме в 20-нач. 40-х гг. среди православных была пестрой: были обновленцы и тихоновцы, викториане и григориане, много было иосифлян. 7 сентября 1929 г. была арестована группа «иосифлян», которые проходили по делу Ярославской церковно-монархической организации «Истинное Православие», постановлением Коллегии ОГПУ от 3 января 1930 г. к 3 годам лагерей были осуждены иеромонах Алексей (Голубев), священники Константин Разумов, Иоанн Румянцев, Михаил Успенский, священник Александр Яковлев - к 5 годам, священники Иоанн Нарбеков, Василий Добровольский, Николай Доватский - к 3 годам ссылки в Северный край, епископ Николай (Голубев) ко времени вынесения приговора скончался. В 1932 году были арестованы как принадлежавшие к иосифлянам – ИПЦ, бывшие насельники Иаково-Железоборовского монастыря иеромонахи Серафим (Борисов) и Серафим (Груздев) [16, с. 18-28]. 29 октября были подвергнуты арестам 20 представителей духовенства и мирян Костромы. Еще ранее, в феврале 1929 г. как активный участник ИПЦ приговорен к ссылке на 3 года епископ Василий (Преображенский), которому по окончании ссылки было инкриминировано, что он: «В 1918 году создал сеть контрреволюционных кружков — филиал ИПЦ (Истинная Православная Церковь), ставивший своей задачей через религиозное антисоветское воспитание религиозных масс свержение существующего строя [...] Организовал и воспитывал кадры тайного моления монашества. Добился в ряде сельсоветов Кинешемского района упадка роста

коллективизации, массовых волнений и ухода старых работниц с производств» [28]. В декабре 1932 г. были арестованы священнослужители с. Сидоровское свящ. П. Березин и диакон В. Магер. В июле 1933 года епископ Василий Кинешемский был приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Вместе с ним приговорили еще одиннадцать человек, в частности священника Павла Березина, Александра Чумакова и монахиню Виталию — к пяти годам, Марию Андреевну Дмитрову и ее сестру Елизавету — к трем годам лагерей.

13 ноября 1933 в Кострому переехал из Вязьмы еп. Днепропетровский Макарий (Кармазин). Это был известный архиерей, управлявший Киевской епархией до высылки с Украины в 1927 году. Он поселился в с. Селище на окраине Костромы, «устроил на своей квартире тайную церковь и вскоре возглавил общину, в которую вошли благочинный костромских церквей о. Павел Острогорский, три монахини и несколько мирян, в том числе высланный из Ленинграда проф. Н.И. Серебрянский» - как пишет М. В. Шкаровский [18, с. 131]. Налицо казалось бы подпольная организация, которую затем ликвидируют опытные следователи НКВД.

Однако, зададим вопрос, есть ли основания считать их раскольниками или сектантами? Приведем письмо свящ. Николая Заварина от 15 ноября 1934 г., адресованное местному благочинному о. Николаю и еп. Неофиту (Коробову): «Вы считаете нас раскольниками, отделившимися от единства церковного. Правда ли это? Отвечаю: нет. Мы всею душою и телом принадлежим к Российской Православной Церкви, возглавляемой самим Господом Спасителем и управляемой находящимся во временной ссылке патриаршим местоблюстителем митрополитом Петром. [...] Мы только воздерживаемся признать православной ориентацию, образовавшуюся вследствие раздора, внесенного митр. Сергием, и им возглавляемую [...] Не знаю, какого мнения о митрополите Сергии сейчас местоблюстителе митрополит Петр, но знаю, что в 1930 г. он был против него. Я лично читал его письмо к архиепископу Димитрию⁴, где митрополит Петр отрицательно отзывался о митрополите

³ 7 сентября 1929 года был арестован в Ярославле по делу «церковно-монархической организации „Истинное православие“»; 3 января 1930 года особым совещанием при коллегии ОГПУ приговорён к трём годам ИТЛ. 22 февраля 1933 года был досрочно освобождён; находился в ссылке в Вологде. В Вологде совершал тайные богослужения дома; создал небольшие женские монашеские общины (из числа монахинь закрытых обителей). *Мазырин А. В., Шкаровский М. В.* Варлаам (Ряшенцев) // Православная энциклопедия. Том VI. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. — С. 598.

⁴ Епископ Гдовский Димитрий (Любимов) – один из ярких представителей иосифлянства.

Сергии и его действиях, называя их прикрытым обновленчеством, и советовал православных чад воздержаться от признания Сергия» [16, с. 15-16].

Приведем показания свящ. Н. Заварина⁵ из протокола допроса 3 марта 1935 г.: «Вопрос следователя: В чем конкретно расхождения (следователь уже называет митрополита Сергия патриархом – Д. С.) Сергия с Петром, Виктором и Иерофеем Никольским?

Ответ: Расхождения следующие: после смерти патриарха Тихона, последний перед смертью назначил заместителем Петра, которого впоследствии арестовали и на пост патриарха до некоторой степени самозвано пришел Сергий, вот после этого и случились расхождения...разногласия получились исключительно в принципе, но не по другим каким-либо политическим взглядам.

Вопрос: Какая должна быть во вашему мнению защита православной Церкви?

Ответ: Со стороны митр. Сергия и Синода абсолютно нет никаких указов и распоряжений по вопросам Церкви, как примерно поступать в тех случаях, когда закрывают церковь. О налогах, ну, вот, поэтому у меня сложилось мнение, что Православную Церковь не защищают» [16, с. 17].

Зададимся вопросом, действительно ли можно сказать, что позицию этих людей можно считать крайне непримиримой по отношению к митрополиту Сергию и его курсу по легализации Церкви? Или мы имеем дело лишь с подчас эмоциональными высказываниями, сделанными в определенное время при определенных обстоятельствах?

Если судить по высказываниям епископа Макария (Кармазина), на протоколах его допроса от 2 октября 1934 года, где с его слов записано: «Митрополита Сергия как главу русской церкви я не признаю и его осуждаю за его нерешительную политику к Советской власти и неправильное интервью, данное им в 1930 году иностранным корреспондентам» [23, л. 41], то здесь мы увидим отрицательную оценку как личности митрополита Сергия, так и проводимой им политики по легализации Церкви. Однако как указывает в своей статье «Протоиерей Павел Острогский (1877-1937): жизнь и подвиг» архиепископ Костромской и Галичский Александр (Моги-

лев), имея озвученную в протоколах допроса отрицательную позицию по отношению к митрополиту Сергию, «владыка Макарий ежедневно посещал Александро-Антониновский храм и молился за богослужениями, на которых возносилось имя митрополита» [1, с. 35], что говорит не о кардинально непримиримой позиции, а на ситуативном понимании происходящих процессов. Владыка Александр также не согласен с мнением прот. А. Мазырина, считающего, что позиция епископа Макария по отношению к митрополиту Сергию и «сергианам» «была значительно более жесткой, чем даже позиция святителя Кирилла⁶» [10, с. 159]. Как справедливо указывает архиепископ Александр, епископ Макарий общался с духовенством Александро-Антониновской церкви – сергианами, присутствовал на службе, ввел систему подхода к нему за благословением – такое поведение, как замечает автор, «никак не согласуется с образом «идеолога истинно-православной церкви», принципиального противника митрополита Сергия. Тем более, неуместно приписывать владыке Макарию мнение о безблагодатности «сергиевской иерархии» [1, с. 34]. Он общался и переписывался с представителями различных церковных кругов – от активного «иосифлянина» прот. Н. Пискановского до «сергианина» епископа Иоасафа (Жевахова). В переписке нет однозначного призыва уходить в катакомбы, как и нет однозначной оценки митрополита Сергия.

Подтверждают мнение владыки Александра письма епископа Макария, его личная переписка, где нам представляется совсем иная оценка личности митрополита Сергия, которая, скажем, «несколько отличается» от трактовки, представленной следователем в его показаниях. В письме к Р.А. Ржевской, в котором говорится о переписке с епископами Иоасафом (Жеваховым) и Антонием (Панкеевым). 21 июля 1934 г., используя конспирологические имена епископ Макарий так отзывается о митрополите Сергии, именуя его Иваном Николаевичем: «От Евд[окии] Гр[игорьевны] получил письмо от сына Иоас[афа], который говорит, что он согласен со мной в оценке Ив[анна] Ник[олеви́ча], но мы к цели подходим разными путями. Опять он

⁵ Свящ. Н. Заварин был арестован 2 марта 1935 г.

⁶ Священномученик митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), 1863-1937).

подчеркивает, Ив[ан] Ник[олаевич] высокой личной жизни, и говорит, что Господь карает церковь за наши грехи» [24, л.13]. Приведенная цитата показывает, что скорее всего, епископ Макарий принадлежал к тому течению иосифлян, которое видело в деятельности митрополита Сергия «иерарха, превысившего свои полномочия и допустившего по этой причине неправильные действия» [18, с. 227].

На основании вышеизложенного, зададим вопрос, в чем же видели следователи принадлежность подследственных к истинно-православной церкви? Может дело было прежде всего в занимаемой позиции, которую следователи (власть) рассматривали как позицию противления государственной идеологии? Позиция митрополита Сергия на данный момент и в данном контексте считалась более легитимной, чем позиция «сектантов» - «непоминающих», «катакомбников», в данной ситуации, противников Сергия, и она рассматривалась как борьба против власти?

Например, посмотрим протокол допроса настоятеля Александро-Антониновской церкви г. Костромы прот. Павла Острогского 12 ноября 1934 г.: «Вопрос: «Расскажите, когда и при каких обстоятельствах ВЫ примкнули к нелегальной группе ревнителей «истинноправославной церкви», возглавляемой епископом Макарием (Кармазиным)?

Ответ: К нелегальной группе ревнителей «истинно-православной церкви», возглавляемой епископом Макарием (Кармазиным), я лично примкнул в ноябре м[есяце] 1933года, т[о] е[сть] с того момента, когда Кармазин поселился в с[еле] Селищах». Сейчас, когда мы рассматриваем протокол, в глаза бросаются явные несоответствия реальности происходящего: протоиерей Павел, благочинный Костромы, как сразу увидел епископа Макария, так сразу же, служа в «сергиевском храме», возглавляя благочиние в «сергиевской епархии» примкнул к катакомбной группировке [23, л. 60]. К тому же, в протоколе указаны неправильные имена участников группы, что является еще одним свидетельством интерпретации слов обвиняемого следователем в своих целях.

А вот уже протокол от 29 ноября 1934 г.: «Я, Острогский Павел Федорович... Признаю себя виновным в том, чтоя, будучи отрицательно настроен к Советской власти и ее хоз[яйственным] мероприятиям

принимал участие в сборищах группы, устраиваемой епископом Макарием Кармазиным [...] Лично по своей инициативе⁷ организовал нелегальную кассу, средства которой мной расходовались для оказания материально-денежной помощи ссыльному духовенству и участникам группы. Распространял к-р. провокационные слухи о голоде и массовой смертности на Украине, с целью создать недовольство массы верующих к существующему строю, среди последних распространял к-р. провокационные слухи о гонениях Светской властью православной веры, духовенства и верующих» [23, л. 88].

Власть рассматривала церковников однозначно - что те, кто именовался «истинно-православными», что другие - «сергиевцы», были «классовыми врагами» советской власти. Все, кто поднимал свой голос в защиту гонимой Церкви, выражал свое недовольство проводимой большевиками политикой «коллективизации», кто высказывал свою озабоченность спровоцированным властью голодом, непомерными налогами – подлежал ссылке, а затем, к уничтожению.

Вот протокол допроса Н. И. Серебрянского 3ноября 1934 года:

«Вопрос: Какие программно-политические установки ставят «истинно-православная церковь», к которой принадлежит Кармазин?

Ответ: Из тех, приведенных Кармазиным со мною бесед видно, что программно-политические установки «истинно-православной церкви» основаны на: 1. Построение всей церковной деятельности и жизни на платформе решений Поместного собора 1917 г., которыми все верующее население призывалось к открытой борьбе с Советской властью, 2 Насажение тайных церквей на дому по типу «древняго христианства», объединение вокруг них духовенства и церковников-мирян». В оценке профессора Серебрянского нет решительного осуждения митрополита Сергия и его курса по легализации Церкви» [23, л. 37].

Или вот пример того, как следователь видит вину осужденных даже не в том, что они не поддерживают митрополита Сергия и стоят в оппозиции к нему, а во враждебности

⁷ Доподлинно известно, что кассу взаимопомощи прот. П. Острогский организовал по указанию архиепископа Никодима(Кротова) – прим. Д. С.

церковников к советской власти. 22 октября оберуполномоченный Проценко по делу «Селищинской группировки ИПЦ», вынес постановление, в котором говорилось: «Острогский, будучи враждебно настроенным к Советской власти и ее хозяйственно-политическим мероприятиям, входил в организованную идеологом «Истинно-Православной Церкви» епископом Кармазыным Макарием к/р группу, ставившую своей целью: а) Объединение реакционно-враждебной части церковников Костромского района, являющихся сторонниками «Истинно-Православной Церкви», для активной борьбы с Советской властью. б) Насаждение нелегальных домашних церквей с целью подготовки церковных кадров и идейных противников Советской власти» [23, л. 156]. Владыке Макарию еще «довесили связь с заграницей» и шпионство: «одновременно с этим имел связь с заграницей, откуда через Польский Красный крест (слова «через Польский Красный крест» зачеркнуты в документе карандашом – Д. С.), получал ежемесячно материальную помощь в размере 10 руб. золотом» [23, л. 156]. Из протокола обвинения: «В октябре месяце 1934 г. секретно политическим отделом Управления КВД ИПО в г. Костроме вскрыта и ликвидирована церковно-монархическая контрреволюционная группа последователей Истинно-православной Церкви. Группа проводила в жизнь политические установки вдохновителей ИПЦ – бывшего заместителя патриаршего местоблюстителя архиепископа Серафима (Самойловича), митрополита Казанского Кирилла и возглавлялась епископом Киевским Макарием (Кармазыным). 17 марта 1935 года епископ Макарий был приговорен к пяти годам ссылки в Казахстан. К пяти годам ссылки были приговорены прот. П. Острогский и Р. А. Ржевская и М. И. Сегеркранц. Там, в Казахстане,

Несостоятельность и надуманность обвинений, в которых переписка с собратиями по служению в церкви превратилась в «объединении реакционно-враждебной части церковников ИПО⁸ и других областей, являющихся сторонниками ИПЦ для активной борьбы с советской властью», а также, в «восстановлении идейных связей с едино-

мышленниками», домашняя церковь превратилась в сеть тайных церквей, десять знакомых, среди которых большинство были родственники – в организацию «ИПЦ», пожилой человек, отстраненный от своей основной своей деятельности - служения в Церкви – в идеолога, да и прямая фальсификация протоколов с «признаниями» осужденных, которая ясно показана рядом авторов, среди которых назовем архиепископа Костромского и Галичского Александра (с 2010 г. митрополит Астанайский и Казахстанский – прим. автора)[1, с. 35, 40], протоиерея Сергия Голубцова и др. [5, с. 73-74], видна невооруженным взглядом. Надуманность обвинений видна, укажем еще на случай, который подтвердит заказной характер осуждения священнослужителей и подведением осужденных под статью о принадлежности к-р организации и к деятельности против Соввласти. Еще в 1924 году священник Христо-Рождественской церкви г. Костромы Константин Алферов был арестован и ему пытались предъявить обвинение за хранение воззвания Поместного Собора от 27 января 1918 г. по поводу декрета о свободе совести и «отделением церкви от государства» (выписанного из газеты – прим. автора), призывавшее к сопротивлению Соввласти. Обвинение по 119 статье УК так и не удалось тогда предъявить. Однако, несмотря на оправдание 28 октября 1929 года постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ священник Константин Алферов был выслан на три года в Северный край[25, л. 79, 150, 150 об.]. Священника с. Заветлужье Николая Заварина⁹ судимого в 1930, в 1932 году вновь арестованного и отпущенного на свободу, в 1935 году обвиняли не только в не признании сергиевской декларации, но и в активной позиции против закрытия местными властями церквей. Среди изъятых при обыске у о. Николая документов, были проекты заявлений властям о творившемся произволе, в них читаем: «Почти на всех колхозных собраниях руководители заявляли верующим, что хоть подпишитесь, хоть нет, а мы церковь отберем. А это значит, что действия свои они не хотят располагать согласно воле и пожеланию масс» [16, с. 17]. 21 июня 1935 г. священник осудили на 3 года с.58.10. и отправили в Караганду. Веще-

⁸ Ивановская промышленная область – прим. Д. С.

⁹ Священник Николай Заварин был последователем истинно-православного архиеп. Виктора Воткинского и Глазковского.

ственным доказательством могли послужить молитвы о страждущих заключенных митрополитах и епископах Петре, Иосифе, Василии и других...», постановления Собора 1918 года о возгласении прошений о гонимых ныне за Православную веру и Церковь и скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках, тексты «антисоветских молитв» и т.д. Несмотря на то, что, например, у прот. П. Острогского при обыске на квартире 7 октября 1934 г. ничего крамольного не было обнаружено, 8 октября он был арестован и ему было выдвинуто обвинение по ст. 58 п. 10 УК. У епископа Макария также не были найдены признаки подпольного храма: не нашли ни богослужебных сосудов, ни антиминс. Вещественными доказательствами служили только письма. Внутрицерковное дело власть рассматривала как покушение на свои устои. Налицо присутствует явный заказ власти на осуждение этих людей.

Вернемся к схеме «разоблачение и выявление контрреволюционного антисоветского подполья» - руководителя-иерарха – связь с границей и показом, что репрессивный аппарат, работающий по заданию сверху, работал одинаково как против «катакомбников-нелегалов», так и против легально существующей церковной власти как с целью ее полного подчинения и контроля, так и с целью (по возможности), уничтожения.

Тут мы подходим к делу ареста легального архиепископа Костромского и Галичского Никодима (Кроткова) назначенного 10 июня 1932 года митрополитом Сергием управляющим Костромской епархией, по приглашению которого из Вязьмы в Кострому приехали и епископ Макарий (ноябрь 1933г.), и знакомый по Псковской семинарии профессор Н. И. Серебрянский. Владыка оказывал помощь и содействие репрессированным священникам. Для их поддержки он учредил кассу взаимопомощи.

К 1930 году 65% священнослужителей Костромской епархии прошли ссылки и лагеря (ИТЛ) [4, с. 16]. Накануне Пасхи 1932 года (незадолго до приезда архиепископа Никодима) в заметке костромской областной газеты «Северная правда» «Множить ряды армии безбожников» говорилось: «Нашей армии безбожников противостоят еще значительные силы противника. В нашем районе еще насчитывается более 40 церквей, из них 15 в

городе. Сосредоточившиеся в них попы и церковники ведут разлагательскую работу, агитируя отсталую часть населения против социалистического строительства, против всех мероприятий партии и Советской власти» [12]. Желая решить проблему с кадрами, часть которых, как мы уже сказали, находилась в местах лишения свободы и ссылках, святитель оказывал помощь и содействие священнослужителям ввернувшимся из ссылок в трудоустройстве, посылая их в сельские приходы епархии. Начиная с 1935 года в епархию прибывали священники и монахи, отбывшие ссылку в Северном крае¹⁰ - он их принял и дал приходы, в 1935-1936 гг. прибыло около двадцати человек, в основном, монашествующих (игумен Вениамин (Махнюк), иером. Герман (Белый)). Для помощи, в том числе и им (а также заключенным и ссыльным священникам – прим. Д. С.) была создана касса взаимопомощи, которой заведовал благочинный церковей Костромы прот. Павел Острогский. Впоследствии, этот факт был поставлен святителю в вину, и расценивался властями как «стягивание контрреволюционных кадров», а также, создание контрреволюционных монархическо-террористических организаций» [21, л. 29-29об.].

Отношения архиепископа Никодима к митрополиту Сергию и его курсу, как нам известно, не было однозначным. Из протокола допроса архиепископа Никодима 2 января 1937 года, мы узнаем, что сославшись на показания секретаря епархии Н. Бобровского, следователь Ильичев обвинил его в том, что тот осуждал митрополита Сергия «за его слабую церковную политику к гражданской власти», а также, что одновременно архиепископ распространял «контрреволюционные слухи против советской власти», заявляя, что уже упоминаемое интервью от 15 февраля 1930 года заместитель Патриаршего Местоблюстителя «якобы подписал под насильством Советской власти». Святитель отверг обвинения [21, л. 7], которые буквально, как мы видим, были скопированы с обвинений «идеолога Истинно-православной Церкви» епископа Макария, обвиненного также в не-

¹⁰ Северный край – название административно-территориального образования, созданного в 1929 году из бывших Архангельской, Вологодской и частично Костромской губерний.

лояльности митрополиту Сергию как группа истинно-православных (см. выше, с.5, - прим. Д. С.).

Кроме стандартных обвинений о распространении контрреволюционной и пораженческой агитации в отношении архиепископа Никодима прозвучало обвинение в организации контрреволюционной организации и связях с границей: «В 1934 г. Кротков имел связь с фашистской Германией и через Берлинскую посылочную контору «Фаст и Бриллиант» получал материальную помощь» [21, л. 29-29 об.]. 3 сентября 1937 года без возбуждения уголовного дела Управлением НКВД Ярославской области исповеднику было предъявлено новое обвинение в проведении контрреволюционной деятельности (ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР). Он уже проходил по "групповому делу митрополита Павла (Борисовского) и архиепископа Никодима (Кроткова). Ярославль, 1937-1938гг.". На следующих допросах вновь прозвучало обвинение в шпионской деятельности¹¹. Новое судебное производство против святителя Никодима открытое в 1938 году (архиепископа вернули из Красноярской ссылки – прим. автора) уже не касалось таких мелочей как материальная помощь ссыльным. Речь с самого начала шла о шпионаже в пользу иностранных государств: на румынскую и польскую разведку, на работу в деникинской разведке. Органами следствия удалось «раскрыть» еще одну преступную деятельность, в которой «сознался» подозреваемый епископ: он возглавлял большую и разветвленную повстанческую организацию, которая в случае нападения на СССР должна была поднять в Ярославской области восстание. В организацию входили все священнослужители Костромской и Ярославской епархий (в Ярославле организацию возглавлял митрополит Яросла-

вский и Ростовский Павел (Борисовский)¹², связи организации тянулись в Москву к митрополиту Сергию (Страгородскому), критиком линии которого за сотрудничество с властями, был, по версии следствия, архиепископ Никодим. Абсурдность обвинений показывает тот факт, что у организации, готовившей вооруженное выступление накануне войны не было оружия. В протоколе записаны слова, которые якобы принадлежат владыке: «Этот вопрос должен быть решен перед самым выступлением» [22]. Логика в обвинениях не была никакой, кроме: была обезврежена террористическая организация. В конце апреля 1938 года арестовали большую часть священников Костромской епархии, оставшихся на свободе после 1937 года. В документах НКВД содержится отчет о проделанной работе: «была вскрыта и ликвидирована церковно-монархическая организация, созданная в гр. Костроме в 1936 году бывшим Костромским архиепископом Кротковым» [22, л. 122].

Напрасно владыка писал жалобы и апелляции, указывая на ненормальность ведения следствия, где следователь: «часто горячился, кричал, угрожающе махал руками; когда я отрицал какое-либо деяние приписываемое мне, он кричал: «ложь, обман, вы облагали, я вас уличу, я не разрешу вам передачу (и последнюю не разрешил), вы ведете себя как школьник, как мальчишка, я конфискую ваше облачение...мы сошлем вас туда, куда и посылки не дойдут от ваших почитателей». После таких допросов я возвращался в тюрьму в 4-6 часов утра расстроенным, больным, не мог уснуть целый день; болел и раньше сердцем, мне 68 лет [...] Он не верил. «Симуляция, - говорил он, - вы здоровы, притворяетесь». Неоднократно ругался матерно. Все это делалось с целью заставить меня признаться в том, чего я не делал» [21, л. 6].

Назначенный на Костромскую кафедру епископ Феодосий (Кирика) пробыл на свободе лишь пару недель. В конце августа 1928 года он был арестован. О его дальнейшей судьбе до сих пор нет сведений. К концу 1938 года Костромская епархия и Ярославские епархии, как организация, имеющие свою структуру и кадры перестали существовать:

¹¹ Из протокола допроса: "Признался в шпионаже в пользу Румынии с 1910г., после революции - в пользу Польши. Принял в 1910г. 1000 руб. от румынской разведки через свящ. Валуев. В декабре 1911г. был переведен в Киев, связь с румынской разведкой продолжалась до войны, всего получил два раза по 1000 руб. и два раза более мелкие суммы. С 1919г. в Кракове стал польским шпионом. С 1922г. в Костроме получал деньги от Митрополита Евлогия. Стянул в свою епархию с Украины, Крыма и их мест ссылки людей, связанных в прошлом по а/с деятельности (20 фамилий). Готовил с ними, при участии крестьян вооруженные выступления против соввласти. Был связан с Борисовским П.П. Архив УФСБ по Ярославской обл. Д.С-12597

¹² Митрополит Павел (Борисовский, 1867-1938). Арестован в августе 1937 г., обвинен в создании «контрреволюционной повстанческой организации, расстрелян 6 октября 1938 года.

основной костяк духовенства и членов церковных причтов, приходских советов находились в ссылке или погибли, большинство храмов подверглись закрытию. Если к приезду владыки Никодима в Костроме действовало 15 церквей, то к концу 1936 года их осталось 5 (еще был открытой одна церковь, находящаяся у обновленцев). Лишь в 1946 году на Костромскую землю прибыл епископ Антоний (Кротевиц).

Не вызывает сомнений искренность людей о судьбе которых было рассказано выше: как не разрывавших канонического общения с митрополитом Сергием, так и тех, кто считал, что своим «стоянием даже до смерти» они спасут «истинную Церковь». В них не было духа непримиримой вражды. Они верили, что Господь не даст своей Церкви погибнуть. Как писал епископ Василий Кинешемский в своем труде «Толкование на Евангелие от Марка»: «Полосы беспроемного мрака бывают и в общественной жизни. Порой ложь и зло сгущаются до такой степени, что в этой ядовитой атмосфере становится трудно дышать. Блекнет надежда, и дух невольного уныния надвигается как кошмар, как тяжелая туча [...] В настоящее время Православная Церковь переживает тяжелый кризис. Воздвигнутое на нее упорное гонение, систематическое и лукавое, смущает и тревожит даже наиболее стойких и искренних христиан [...]. Но вспомните Гроб Господень – этот живой, говорящий, торжествующий Гроб, - и не смутная надежда, а спокойная, совершенно непреодолимая уверенность наполнит ваше сердце и укрепит волнуемую мысль. Церковь не может погибнуть, ибо Господь создал ее, и врата ада не одолеют ее (Мф. 16, 18). Пусть Господь ведет нас через провалы и бездны неверия, через очистительный огонь преследования. Такова Его святая воля, Его Премудрый Промысл «глубиной мудрости человеколюбиво вся строя и полезная всем подавая». Так надо. Причины и тайные цели неведомых путей Его нам бесполезно и не должно исследовать. Нам достаточно знать, что Господь с нами «во вся дни до скончания века. Аминь (Мф. 28, 20)» [3, с. 608-610]. В основном все, о ком мы рассказали, были учениками одной духовной школы: в Костромской семинарии на одном потоке учились и будущий епископ Василий Кинешемский и протоиерей ко-

стромского кафедрального собора В. Померанцев, будущий архиепископ Никодим (Кротков) и будущий архиепископ Волоколамский Феодор (Поздеевский). Об их авторитете хорошо свидетельствуют показания арестованных священников: «Из арестованных вместе со мной священников знаю хорошо Воскресенского, Говоркаго, Сарментова и протоиерея Померанцева и Изюмова. Эти лица в церковном мире Костромы являются самыми авторитетными и по ним равняется все духовенство города» [16, с. 14].

Они искренне хотели, чтобы Церковь обретшая свободу от государства в 1918 году оставалась свободной, и эту свободу они готовы были защищать ценой своей жизни. На их глазах происходил беспрецедентный рост религиозности в 18-20-х годах среди, как ранее писалось «расцерковленной крестьянской и рабочей массе» [14, с. 137]. Они видели, что власть бессильная против объединенного вокруг своих святых народа. Активный и решительный протест Церкви в 1923 году показал ничтожность всяких «регистрационных удостоверений» [...] Регистрационная государственная политика в результате дружного отпора кончилась полным провалом: народные массы, объединенные вокруг Патриарха Тихона, не обращали внимания на все эти официальные циркуляры, [...] и с этой мощной волной протеста власти не могли ничего сделать» [9, с. 252]. Власти даже сделали дни великих христианских праздников выходными [14, с. 173].

К большому сожалению, народные массы были напуганы и запуганы террором конца 20-30-х годов. Как пишет М. Шкаровский: «В целом в условиях 1920-х гг. у иосифлян почти не было шансов доминировать в Русской Православной Церкви. Государственная религиозная политика того времени поддерживалась вековой традицией отношения Церкви к светской власти и нежеланием большей части епископата и духовенства уходить в подполье в случае необходимости. Одна из причин поражения иосифлян заключалась в резком ужесточении антирелигиозных акций советского режима в конце 1920-1930-х гг. Тактика привлечения на свою сторону духовенства путем агитации, назначения священников и епископов из других епархий в условиях советской действительности тех лет была обречена на по-

ражение [...] иосифляне явно недооценили «политическую усталость» религиозных масс после нескольких лет революции и Гражданской войны, ее нежелание идти на конфронтацию с властью. В этих условиях сложные вопросы «каноничности – не каноничности» тех или иных поступков митрополита Сергия отступали на второй план»[19, с. 232].

Трудно не согласиться с этими выводами. Однако, сегодня, невзирая на пессимистические оценки разума и целесообразности, мы можем сказать о великой победе мучеников над тлетворным духом рабства: к лику священномучеников причислены и епископ Макарий (Кармазин) и архиепископ Никодим (Кротков), епископ Василий Кинешемский и епископ Иоасаф (Жевахов), священники Николай Заварин и Константин Разумов. Вечная им память!

Их победа запечатлена в 14 ст. Конституции России принятой в 1993 г. и законом «О свободе совести и религиозных объединениях» 1997 г.

Библиографический список:

1. Александр (Могилев), архиеп. Протоиерей Павел Острогский (1877-1937): жизнь и подвиг // Костромские епархиальные ведомости. № 5. Май, 2009.
2. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008.
3. Василий (Преображенский), епископ. Беседы на Евангелие от Марка. М. 1996.
4. Головин А., Попов М. Рясники и сектанты Ивановской области. Вып.2. Иваново, 1930.
5. Голубцов С., протоиак. Профессура МДА в сетях ЧК и ГАЛАГа. М., 1999.
6. Иоанн (Снычев), митр. Расколы // Христианское чтение . 1991 № 6.
7. Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области. Кострома, 2007.
8. Книжный Е. Крепить ряды воинствующего атеизма// Северная правда. 23.11.1934.
9. Левитин А., Шавров В. История русской церковной смуты 20-30 гг. Т.1. М., 1963.
10. Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах. М., 2006.
11. Мазырин А. В., Шкаровский М. В. Варлаам (Ряшенцев) // Православная энциклопедия. Том VI. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. — С. 598.
12. Множить ряды армии безбожников// Северная правда 01.05.1932.
13. Регельсон Л. С. Трагедия Русской Церкви 1917-1945. М.: Крутицкое Патриаршее подворье. 1996.
14. Русак В. Пир сатаны. Русская Православная Церковь в «ленинский период (1917-1924). Из-во «Заря». Лондон, Канада, 1991.
15. Сталин И. В. Сочинения. «Год Великого перелома. К XII годовщине Октября».
16. Хлебников М. Движение истинно-православных в Костромской губернии // Православная жизнь - 1997 - №5.
17. Хлевнюк О. В. «Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы». М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. Гл. 1.
18. Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб.: НИЦ «Мемориал», 1999.
19. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010.
20. ГАРФ. Ф.5263. Оп.1. Д.58.
21. ГАНИКО. Ф. 3656. Оп.2. Д.1143. Т.1. приложение.
22. ГАНИКО. Ф. 3656. ОП.2.Д, 1143. Т. 2.
23. ГАНИКО. Ф. 3656. Оп.2. Д.6179. Ч.1.
24. ГАНИКО. Ф.3656. Оп.2. Д.6179. Ч.2.
25. ГАНИКО. Ф.3656. Оп.2. Д.8376.
26. Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 августа 1928 г. «Об организации крупных зерновых хозяйств»
27. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» на XVI Съезде ЦК ВКП(б) 1930 г.
28. drevo-info.ru О проекте 12050.html. (Дата обращения 09.09.2016 года)

©Сазонов Д.И., 2016

К.А. Юдин

**Кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории России ФГБОУ ВО
«Ивановский государственный университет»**

**Жан Габен:
«диктатура в образе». Очерки истории
французского кинематографа.
Середина 1930 – начало 1970-х гг.**

Данная статья является логическим продолжением ранее предпринятых изысканий в области истории мирового театрально-кинематографического искусства. Она выступает следующим и четвертым по счету очерком, составленным в жанре историко-философской портретной миниатюры. Автор, не претендуя на реконструкцию всей грандиозной панорамы развития киноискусства, обращается к творческому наследию конкретной фигуры-персоны – Жана Габена – масштаб, глубина, диапазоны деятельности которой можно считать квинт-эссенцией, эталоном той наивысшей степени приближения к образной многоликости, обусловленной эманацией настоящего, подлинного таланта перевоплощений на сценической площадке как особой информационно-когнитивной ирреальности, выступающей ареной для воссоздания идеальных типов-сущностей – эквивалентов устойчивых экзистенциальных личин на метаисторическом пространстве.

Ключевые слова: Жан Габен, французский кинематограф, консерватизм, «диктатура в образе», голлизм, Пятая республика.

К числу признанных мэтров, по праву принадлежащих к классикам не только французского, но и мирового кинематографа, относится величавший актер XX столетия – **Жан Габен** (настоящее имя – Жан Алексис Монкорже). В ноябре 2016 г. исполнилось ровно **40 лет** со дня смерти Габена, однако, до сих пор его имя не только не предается забвению, но и по-прежнему окутано ореолом заслуженной славы неутомимого борца за величие и процветание как Франции, так и всего социокультурного пространства в интегральном выражении, призванных стать трибунами для трансляции вечных, незыблемых ценностей и идеалов, связанных с мужеством и дисциплиной воинско-героического типа, верностью принципам благородного духа, призывающих к умеренности, благоразумию, аскетизму, подлинной культуре бытия.

Эти качества в своей совокупности и выступают критериями-индикаторами органичной актуализации личности, тяготеющей к аксиологической парадигме **ортодоксаль-**

ной интеллигентности, предполагающей, как мы отмечали ранее, помимо уже описанных идейно-мировоззренческих ориентацией, «взвешенность и автономную интеллектуальную проницательность, перерастающую в осознанную позицию служения истине, обладающей единым, универсальным, интегральным характером; равнодушные и разумную дистанцию ко всему внешнему, преходящему, количественному и становящемуся» [См.: 14,15].

Именно такую **модель-эталон «абсолютной личности»** во всевозможных дискурсивных модификациях, выступающих прямым отражением внутренней сущности самого актера, и избрал для себя Жан Габен, являющий собой уникальный феномен человека, придерживающегося стиля «бытия в действии», заключающегося в идеальной способности сохранять «высочайшую дисциплину сердца и нервов», проявлять хладнокровие, что открывает путь к пробуждению «героического сознания, которое умеет распоряжаться своим телом, как орудием, и,

забывая об инстинкте самосохранения, принуждать его к выполнению самых сложных операций...» [9, с. 42-43, 45]

Однако, как это нередко происходит, подобный экстраординарный потенциал по самомобилизации, выдержке, невозмутимости и почти железному самообладанию, блестяще демонстрируемыми во время перевоплощения в театральные-киносценические образы, находил «источник питания» в достаточно тяжелом, мрачном характере, в реальном жизни проявлявшимся в склонности к надменной самодостаточности, убежденности в собственном превосходстве, полной духовной автономии, предоставляющей право находиться «по ту сторону» от морали и нравственности, общепринятого «профанического этоса», неизбежно приводящего к потере «внутренней вирильности» [8, с. 128; 13, с. 124], т.е. жизненной силы, оскудевающей мгновенно, как только сделан малейший шаг к «эгалитаризации» личного пространства.

По воспоминаниям сыновей еще одного мэтра французского кинематографа, «короля комедии» Луи де Фюнеса, Жан Габен порой не утруждал себя в проявлении минимальной вежливости и тактичности по отношению даже к «коллегам по цеху», что становилось причиной взаимной неприязни, вплоть до разрыва «дипломатических отношений». Например, во время совместного интервью, взятого в 1968 г. на сценической площадке кинокартины «Татуированный» / «Le tatoué», Л. Де Фюнес на вопрос о том, каким фильмам с Ж. Габеном он отдает предпочтение ответил, что ему нравятся все его работы в кинематографе. «Когда же очередь дошла до Габена, он сказал, что не видел ни одного фильма с Луи де Фюнесом. Редко прощавший людям дурное воспитание, отец больше с ним не общался» [3, с. 103].

В данном случае, если оценивать это в глобальном концептуальном контексте, перед нами – репрезентативный случай намеренного акта «демонстрации силы», когда антагонизм амплуа «значительной личности», «важной персоны» Габена, и «темпераментного активиста» прогрессистского типа – Л. де Фюнеса, трансформировался в стадию реальной межличностной конфрон-

тации, перешедшей от образов к их носителям.

Напомним, что в данной кинокартине Жан Габен исполнил роль сурового «аристократа духа», воина-легионера, представителя «старого мира», подлинного консерватора, живущего в традиционно-органичной системе идейно-мировоззренческих координат, отторгающего все деструктивные тенденции современной «цивилизации», связанные с безудержными и абсурдными ритмами технико-экономического становления, умножения материально-вещественных форм. Герой Габена, барон Монтиньяк (в профанической реальности – месье Легрен) беспощаден к своему антиподу – Филисьену Мизоре – мелкобуржуазному деляге, получающему прибыль от манипуляций на рынке произведений искусства и уверенному во всемогуществе власти денег.

Применительно к нему персонаж Габена и реализовывает свою фундаментальную стратегию, включающую несколько стадийных компонентов: изобличение «подрывной сущности», попытка «перевоспитания» – «анагогической трансформации», и, наконец, в случае, если последняя не удастся – окончательный и бесповоротный разрыв, пресечение коммуникации, не нашедшей конструктивного выхода в виде экзистенциального преображения «объекта воздействия».

В данном случае, последнее имело место быть. Как мы отмечали в одной из наших работ, «в итоге Филисьен Мизоре, как бы идеалистически это не прозвучало, но преображается, впервые за многие годы он начинает быть, а не казаться, жить, а не существовать, соглашаясь уже сознательно и добровольно на уединение с Легреном в замке, чтобы укрепить уже познанное ощущение свободы, покоя, умиротворения, дать простор мышлению, фантазии, страсти к приключенческим забавам, воинскому духу дисциплины, отваги, мужества, пробуждающих стремление к здоровому и обоснованному риску, «испытанию огнем» (вспомним сцену обезвреживания похитителей гобеленов), разгоняющих сумрачную зону рутины, обывательского морализма, бюргерского мифа безопасности и оборонительной

инерции. В конце фильма Мизоре признается: «Да, я не умел жить, но как прекрасно жить!» Это *опасно*, но это великолепно!» [12, с. 73].

Мы повторяем этот фрагмент для того, чтобы еще раз прочувствовать антагонизм характеров, их ситуативных модификаций и с помощью этого фрагментарного киноведческого анализа выделить сущность Габена как актера и как человека, который, как мы получаем возможность убедиться, реализовывал нечто вроде «*тирании/ диктатуры в образе*».

Конечно, данная политическая аллюзия и метафора не несет в себе буквальных коннотаций с режимом властвования и функционированием административно-командной системы, тем не менее, емко и самое главное – точно – отражает индивидуальность Габена, который выступал не просто лидером, «фюрером», вождем в силу каких-то делегированных внешним статусом полномочий. Габен обладал уникальным даром психологического доминирования и автаркии, независимо от того, какую роль он исполнял – простого рабочего, пролетария, отца семейства («Улица Прэри» / «Rue des Prairies», 1959), доктора, смело внедряющего оригинальные инновации – «музыкальную терапию» («Дело доктора Лорана» / «Le cas du Dr. Lauren» (1957), всемогущего комиссара Жосса («Босс» / «Le pacha», 1968), «криминального авторитета» – «короля фальшивомонетчиков» («Месть простофиль» («Король фальшивомонетчиков» / «Le Cave se rebiffe», 1961 г.), престарелого грабителя банков, предпринявшего побег из тюрьмы, чтобы обрести покой, обеспеченный капиталом, полученным в ходе последнего «дела» («Святой год» / «L'année sainte», 1976) или социального маргинала – нонконформиста – полуанархиста с авантюристическими наклонностями, запечатленного в фильме Жиля Гранжье «Бродяга-Архимед» / «Archimède, le clochard» (1959).

Его антропологический облик – крепкая и правильно сложенная фигура, с полуэксплицитно выраженными стигматами сформировавшихся в раннем возрасте навыками физического труда. Глубокие выразительные глаза с ослепительно сверкающим, пронзительным взглядом, излучали уверен-

ность в собственной правоте и превосходстве и испепеляли любого, кто пытался сомневаться в этом. Все это и выступало естественным и органичным фундаментом, внешним пьедесталом для манифестации величия духа.

В зрелые годы и на склоне лет этот образ эволюционировал до личины седовласого старца, умудренного опытом прожитых лет, какого мы встречаем в кинолентах второй половины 1960 – начала 1970-х гг., подтвердившего экзистенциальным маршрутом всегда эффектной эманации его натуры глубокомысленное суждение *А. Шопенгауэра*: «Задача актера, – полагал он, – изображать человеческую природу с самых различных ее сторон и в тысяче совершенно различных характеров, но всегда на общей основе *его собственной*, раз навсегда данной индивидуальности, которой никогда не должно подавлять окончательно. Поэтому и сам он должен быть хорошим и цельным экземпляром человеческой природы, а уж никак не одним из тех дефектных или оскуделых ее образцов, о которых можно сказать с Гамлетом, что они как будто изготовлены не самой природой, а каким-нибудь ее поденщиками» [6, т. 5, с. 338]. Таким уникальным произведением искусства природы и был Жан Габен. Как отмечала в своих мемуарах-размышлениях М. Дитрих, «Габен был совершенный человек, сегодня мы бы сказали – «супермен», человек, которому все уступали» [2, с. 76].

Однако, при этом вряд ли правомерно упрощать и идеализировать устойчивость описанной способности к «диктатуре/тирании» в образе, которая, напротив, на протяжении всего творческого пути Ж. Габена находилась в непрерывной динамике, приобретая порой не только положительную, но и отрицательную модальность, когда сила, темперамент выступили в виде иррациональной аффектации, которая не только не возвышала героя над обстоятельствами, а делала его полностью уязвимым перед ними.

В этом случае, можно говорить о феномене «*слабого диктатора*», который мы встречаем, например, в шедевре классика кинорежиссуры Жана Ренуара «Человек-зверь» / «La bête humaine», 1938 г. Здесь

Габен исполнил роль машиниста паровоза Жака Лантье, страдающего от внезапных приступов ярости и поэтому, на почве подобной эмоциональной неустойчивости, доминирования иррационального начала, не замечающего, как он становится жертвой *гинекократических манипуляций*, приводящих к конвертации его внешне сильной, но на самом деле имеющей серьезную психическую брешь – воли: сначала особь женского пола «умиротворяет агрессора» (Лантье – Ж. Габен), принуждая его умолчать, отказаться от свидетельских показаний, позволивших бы разоблачить ее мужа, убившего ее любовника, а затем, продолжая психосексуальную «терапию», предлагает устранить и самого мужа.

Однако, герой Габена не выдерживает таких долговременных экспериментов над его волей и, в конечном итоге, чтобы вырваться из экзистенциального капкана, позволяет своей иррациональной силе достичь вершины ее эскалации: он убивает любовницу, а затем, разогнав локомотив до предельной скорости – бросается под откос и погибает. Тем самым, иррациональная *«диктатура в образе»* находит кульминацию в виде *акта деструкции*, самоуничтожения, обусловленного зеркальным когни-

тивным напряжением, направленным вовнутрь героя – трагической фигуры, сущность которой соткана из имманентных антиномий – воли и «безволия», хронотопически полярного воления.

Если не совсем идентичные по степени и форме проявления, но близкие к описанному типу дуализм, амбивалентность позиции «диктатуры в образе», можно встретить и в фильмах «Пепе Ле Моко» / «Pépé le Moko» (1936), «Мартен Руманьяк» / «Martin Roumagnac» (1946), «Мари из Порты» / «La Marie du port» (1950), «Правда о малютке Донж» / «La vérité sur Bébé Donge» (1952), «Опасная девушка» / «Bufere» (1953), которых объединяет *тема фатальных интервенций иррациональной акцидентальности к аподиктической константе*, когда герой Габена, сильный, мужественный, уверенный в себе лидер, настоящий вождь и диктатор среди своих единомышленников оказывается не состоянием противостоять «идеалистическому головокружению», мифам и иллюзиям профанической повседневности, заканчивающимся, в конечном итоге, суровой расплатой за морально-политическую слепоту, отпадение от измерения воинско-героической эйдетики.

В результате герои Габена терпят головокружительное экзистенциальное фиаско, воля которых оказывается в буквальном смысле парализованной «культом прекрасной дамы», действующим почти гипнотическим образом. Так, могущественный, жестокий и даже авторитарный лидер преступной корпорации Пепе ле Моко полностью теряет социально-интеллектуальный иммунитет. Забывая об элементарных правилах безопасности, осторожности, он вопреки здравому смыслу и логике ищет встречи со своим сексуально-эстетическим идеалом в виде особи женского пола, сопричастие к которому заканчивается трагически: Пепе ле Моко претерпевает то состояние, которое барон, эзотерик, философ-традиционалист *Ю. Эвола* называет *«инициатической кончиной»*, когда мужчина встречается с «сущей смертью», с чудовищными объятиями *женской бесформенности*, растворяющей, словно едкой кислотой его мужскую сущность, парализующей волю, что приводит к экзистенциальной катастрофе. В конце

фильма поверженный герой Габена с надежными наручниками стоит, бессильно прислонившись к воротам речного порта, наблюдая, как на пароходе навсегда уплывает объект его необузданного влечения...

В аналогичном концептуальном ключе выдержаны и остальные кинокартины. Так, простой строитель-подрядчик Мартен Руманьяк идет на всевозможные ухищрения, чтобы добиться благосклонности и обеспечить максимальный комфорт обворожительной красавице Бланш в исполнении блистательной Марлен Дитрих. Однако, вскоре выясняется, что молодая особа не испытывает никаких подлинных чувств к Мартену, используя его лишь как источника доходов, необходимых ей для ведения роскошной и респектабельной жизни. И эта история обретает мрачный финал: в порыве благородной ярости Руманьяк убивает злодейку-гинекократку, труп которой сгорает в особняке, уготованном изначально стать обителью их призрачного и эфемерного счастья.

Слишком поздно, уже будучи отправленным своей алчной и двуличной женой (роль которой исполнила еще одна легенда французского кинематографа, еще ныне здравствующая Даниель Дарье (род. в 1917 г.), разоблачает «великую иллюзию» несбыточного семейного благоденствия и состоятельного буржуа, владелец мануфактуры Франсуа Донж, а также уже немолодой ресторатор Анри Шательер («Мари из порта»), а в другой кинокартине – врач («Опасная девушка»). Все они настолько увлечены и полностью погружаются в в якобы живительную атмосферу «амурного авантюризма», что это приводит к окончательному стиранию различий, нарушению *идейно-сущностной иерархии*, переполнюски экзистенциально-ролевого поля, когда «охотник» не замечает, как сам становится жертвой, и вместо ожидаемого результата – легкого и необременительного флирта – влияние особи женского пола превращается в перманентную и тотальную оккупацию личного жизненного пространства героя.

Аналогичная ситуация встречается и в более поздней картине Клода Отан-Лара «В случае несчастья» / «En cas de malheur» (1958), в котором преуспевающий адвокат

Андре Гобийо полностью погружается в *гинекократическую паутину*, сотканную коварной соблазнительней Иветтой (Брижит Бардо), умело пользующейся мужской слабостью. Особым драматизмом отличается картина режиссера Ж. Дювивье «Время убийц» / «Voici le temps des assassins...» (1956), в которой гинекократическая агрессия достигает своего апофеоза, когда одна из участниц «женского тандема» – дочь владельца ресторана Андре Шатлена (Ж. Габен) от его бывшей жены, превратившейся в асоциального элемента, пользуясь тем, что Шатлен не знает о ее происхождении, входит в круг его доверия, искусно имитируя порядочность и благопристойность, надеясь, тем самым, на то, что отец ее благодетельствует, назначит своей наследницей, что обеспечит безбедное существование и для ее матери, прямым «агентом» которой она выступает.

Однако, как оказывается, на пути матери и дочери встает симпатичный молодой человек, честный и порядочный, которого Шатлен принимает как родного сына и видит в нем своего преемника. В результате злодейкам-гинекократкам не остается ничего другого, как после неудавшихся попыток дискредитировать молодого человека в глазах покровителя, представив его как обидчика-соблазнителя юной особы, физически устранить своего конкурента. Отвратительная интриганка, циничная, лицемерно-двуличная гетера, предварительно опоив юношу снотворным, ничтожными, слабыми руками под страдальчески-тревожным взором привязанной собаки, обреченной наблюдать за гибелью своего хозяина, сталкивает автомобиль с погрузившимся в объятия Морфея молодым человеком в воду, где он находит свой печальный конец. Но зло не остается безнаказанным. И в конце фильма чудовищный *гинекократический спрут* настигает долгожданное и суровое возмездие: преданный пес мстит за своего хозяина и в считанные секунды загрызает дочь, душераздирающие крики которой сотрясают всю убогую ночлежку для черни, а мать, ютившаяся там, представляющая собой уже полуразложившийся, как в моральном, так физическом отношении труп, только на краю могилы начинает при-

ближаться к осознанию ничтожности всего своего бытия...

Особая насыщенность, яркость концептуальных красок, используемых для конструирования динамического пространства социальной драмы, создавалась в 1930 – 1950-е гг. благодаря последовательной приверженности господствующему стилю художественной выразительности – *поэтическому реализму с элементами «нуар-фабулы»*. Режиссеры старались приблизиться к максимальной достоверности в изображении всех подлинных закономерностей и тенденций бытия, исторического процесса, практически полностью обнажить низменность и порочность человеческой натуры, лишь слегка прикрываемых изящной тогой возвышенной патетики благородных устремлений, побуждений, исканий и надежд, с триумфальным разоблачением их тщетности и иллюзорности на примере экзистенциального маршрута героев, претерпевающих неисчерпаемые лишения, страдания и в конце жизненного пути убеждающихся в том, что, как справедливо писал *Шопенгауэр*, что «нельзя в действительности встретить *чистого счастья*, состояния действительной, окончательной и длительной удовлетворенности, но, наоборот, – последняя рисуется только как парящий перед нами путеводный идеал, или собственно как химера в глазах опыта...» [6, т. 6, с. 124].

Поэтому и в таких фильмах, как «Славная кампания» / «La belle équipe» (1936), «Великая иллюзия» / «La grande illusion» (1937), «Набережная туманов» / «Le quai des brumes» (1938), «День начинается» / «Le jour se lève» (1939) мы и встречаемся с подобным мироощущением, когда герои Ж. Габена пребывают в состоянии некоего *диалектического фланирования, хронотопической антиномичности восприятия*, когда искушение, соблазн испытать тот или иной экзистенциальный опыт, мгновенно сменяется чувствами пресыщения, разочарования, перемежающиеся с проблесками призрачной надежды, на глазах рассеивающейся суровой социально-политической действительностью. Поэтому персонажи Габена, можно сказать, осуществляют интеллектуальный транзит – по-

следовательную смену гносеологических состояний.

Горькое разочарование от несбывшихся надежд на воплощение идеалов консервативной корпоративности, безжалостно разрушенной и оскверненной индивидуалистическо-партикулярными устремлениями соратников, (и в этом усматривают черную, нуар-пародию на непреодолимые противоречия участников парламентских выборов 1936 г. – «славной кампании» Народного фронта) – все это сопровождается поступательным нарастанием тревожности, экзистенциального страха от мучительного познания тщетности всех бытийных устремлений, когда герои Габена (Жан в «Набережной туманов» или Франсуа в драме М. Карне «День начинается») доходят до крайней степени отчаяния, приводящего их к трагическому исходу – гибели (насильственной смерти или самоубийству), что становится закономерным итогом разоблачения *«великой иллюзии»*, связанной с ожиданиями прекращения борьбы за существование. И в этом смысле, указанные картины выполняют важную *философско-гносеологическую функцию*, заключающуюся в *разоблачении не только социальной утопии, левацко-прогрессистского мифотворчества* «равенства и братства», но, прежде всего, оптимизма как в корне ложного учения о некой «предустановленной гармонии» («*harmonia praestabilita*») в стиле Лейбница, якобы позволяющей оправдывать сосуществование всевозможных онтологических антиномий.

Несмотря на то, что в ряде фильмов трагико-реалистический пафос не только не переходит в какой-то упаднический квинтизм и пессимистическую атараксию, но напротив, оказывается смягченным (например, в экранизации пьесы М. Горького «На дне» / «Les bas-fonds» (1936), с одноименным названием мы наблюдаем отход от изначального замысла русского автора: обитатели ночлежки – Васька Пепел (Ж. Габен) и Наташа покидают ее с надеждой на светлое будущее) и даже конвертируется в социальную зарисовку с положительным исходом (например, «Коралловый риф» / «Le récif de corail», 1939 г., где Тед Леннард (Ж. Габен) и Лилиан Уайт (М. Морган), благо-

получно избегают расплаты за криминальное прошлое, и обретают «новую жизнь» на расположенном за пределами технократической цивилизации острове), тем не менее, значительная часть фильмографии этого периода иллюстрирует **идейную, поистине шопенгауэровскую непримиримость к оптимистическому мифотворчеству**: «И вот этот мир, – с негодованием писал **А. Шопенгауэр**, – эту сутолоку измученных и истерзанных существ, которые живут только тем, что пожирают друг друга, этот мир, где всякое хищное животное представляет собой живую могилу тысячи других и поддерживает свое существование целым рядом мученических смертей, этот мир, где вместе с познанием возрастает и способность чувствовать боль, которая поэтому в человеке достигает своей высшей степени, тем более высокой, чем он интеллигентнее, этот мир хотели приспособить к системе оптимизма... Нелепость вопиющая!» [6, т. 1, с. 488].

Особенно ярко, насыщенно тема неизбежности последовательной и логической эманации трансцендентальной наследственности, в сознании «человека повседневности», обывателя воспринимающейся не иначе, как подчинение «фатуму», судьбе, раскрыта в шедевральной, но, к сожалению, малоизвестной теперь картине Ж. Дювивье «Самозванец» / «The Impostor» (1944). Хронологические координаты киносценического действия – 1940-1944 гг. – эпоха тяжелейшего военно-политического противостояния, когда Франция, потерпев поражение от немецких войск в 1940 г., пребывает в состоянии настоящей взбудораженности, будучи расколотовой на самоотверженных патриотов, готовых, не раздумывая, вступить в Сопротивление, идейным вдохновителем которого становится генерал Шарль де Голль, и вынужденных претерпевать, адаптироваться к пронацистскому режиму Виши. Герой Габена – типичный маргинал, жертва суровой действительности, заключенный, приговоренный к смертной казни за убийство, получает шанс на «реинкарнацию», перевоплощение при жизни.

Во время подготовки к гильотинированию в тюрьму, где он содержится, попадает немецкая бомба, от взрыва которой погибают все его надзиратели, а стены темни-

цы оказываются разрушенными. Не преминув воспользоваться ситуацией, бывший узник бежит и обретает желанную свободу с новыми именем – документами погибшего в ходе очередной бомбежки сержанта Мориса Лафаржа. Однако, попадая на корабль, отправляющийся в Африку, псевдо-Лафарж, ранее ведомый лишь одной мыслью о том, чтобы скрыться, раствориться в толпе, морально-политически эволюционирует, испытывает **«экзистенциальную анагогию»** (восхождение вверх). Вместо того, чтобы ретироваться, он вливается в ряды французского Сопротивления и настолько проникается воинско-корпоративным духом, что это приводит на путь самоотверженного служения Франции, несмотря на то, что совсем недавно она готова была сурово покарать его. И Морис Лафарж получает вторую жизнь, после героического участия в военных действиях он становится сначала капралом, а потом и лейтенантом.

Но стремительный взлет оборачивается не менее стремительным падением. И режиссер блестяще показывает, какой ценой достигалась победа – когда смертельная схватка, борьба проходила за *общее дело*, и важен лишь реальный результат, а не его идеальная сторона в виде номинальной самоидентификации, которая, увы, в профанической действительности всегда приобретала главенствующее значение. И герой Габена, несмотря на то, что он, казалось бы уже искупил свою вину перед Францией, неоднократно рискуя жизнью на благо родины, подвергается унижительному разоблачению – публичному разжалованию, лишению офицерского достоинства, сводящему все его свершения на нет. И вновь, «безликий» рядовой, псевдо-Лафарж по решению военного суда, несмотря на пламенную речь защитника, его боевого товарища, отправляется на передовую. Там он принимает смерть от пуль противника во время очередной героической инициативы, за что удостоивается «чести» быть погребенным в безымянной могиле.

Все это символизирует окончание **герменевтического круга трансцендентальной наследственности**, детерминизма в виде всеобщего **закона причинности**, показывающего, что никакие экзистенциальные

метаморфозы не способны полностью загладить вину от патологического воления, даже имевшего место единожды, проистекающего из внутренней сущности, онтологический маршрут которой завершается при абсолютной корреляции с ее началом, истоками. Так происходит из здесь, в истории Франции героем остался только номинальный прототип – Морис Лафарж, а его реальный проводник навсегда ушел в небытие, был предан забвению и вытеснен из коллективной памяти как призрак, герой-симулякр.

Подобные *экзистенциальные «рокировки» как средство художественной выразительности*, обусловленные амбивалентностью идейно-сущностного облика многих героев Жана Габена, с не меньшей степенью насыщенности и интенсивности практиковались им на сценической площадке и в следующее десятилетие – 1950-е гг. Это десятилетие можно без преувеличения назвать расцветом *социальной и уголовной драмы* как кинематографического жанра, когда на экраны выходили фильмы с колоритными и сами за себя говорящими названиями, отражающими психополитическую экспрессию, такие как: «Не тронь добычу» / «Touchez pas au grisbi» (1954), «Облава на блатных» / «Razzia sur la chnouf» (1955), «Кровь в голову» / «Le sang à la tête» (1956), «Включен красный свет» / «Le rouge est mis» (1957), «Беспорядок и ночь» / «Le désordre et la nuit» (1958).

В этот же период времени (конец 1950 – начало 1960-х гг.) появляется трилогия о «дедуктивном триумфе» легендарного дивизионного комиссара Мегрэ: «Мегрэ расставляет сети» / «Maigret tend un piège» (1958), «Мегрэ и дело Сен-Фиакр» / «Maigret et l'affaire Saint-Fiacre» (1959), «Мегрэ и гангстеры» / «Maigret voit rouge» (1963). В этих картинах Габен последовательно утверждает на экране *«диктатуру в образе»*, выступая то в роли могущественного, поражающего своей пронизательностью, знанием психологии блюстителя порядка (Мегрэ, инспектор Валуа), то в роли авторитетного члена криминального консорциума, всегда дер-

жащегося особняком, но чаще всего полностью дистанцирующегося от заурядных мелкоуголовных плебеев с непомерными амбициями, что предопределяет их суровую расплату за духовную бесхребетность.

Впрочем, не меньший интерес вызывают и социальные зарисовки, унаследовавшие идейный пафос от эпохи *«поэтического реализма»*. К их числу можно отнести: «Ночь – мое царство» / «La nuit est mon royaume» (1951), «Воздух Парижа» / «L'air de Paris» (1954), «Незначительные люди» / «Des gens sans importance» (1955).

Там Жан Габен остается верным своему уже достаточно прочно устоявшемуся амплу – сильной личности, мужественно идущей навстречу всем испытаниям, ниспосланным «судьбой», трансцендентальной наследственностью, предопределивших экзистенциальный футляр – эмпирическую личину его бытия, когда благородная душа оказывается закованной в доспехи представителя низшей социальной страты, испытывавшего горькое разочарование от познания крайне скудных пределов ее «свободы воли»: машиниста паровоза, потерявшего зрение во время героического акта самопожертвования и вынужденного открывать для себя новую «реальность во мраке», находящего утешение в несбыточных надеждах на возвращение зрения; тренера-идеалиста, свято верящего в том, что настанет его час и он обретет достойного ученика; водителя-дальнобойщика, никогда не знавшего «высокой любви» и поэтому вынужденного довольствоваться ее суррогатом – моментами психофизиологической близости, манифестации страсти, кратковременной гедонистической экспрессии, приобретающей печальный *«нуар-финал»* в виде кончины молодой девушки и ее так и не появившегося на свет ребенка, что можно рассматривать как художественно-символическое изображение бесплодности связи, лишенной прочных духовных основ и ставшей результатом лишь стихийно и искусственно созданного континуума.

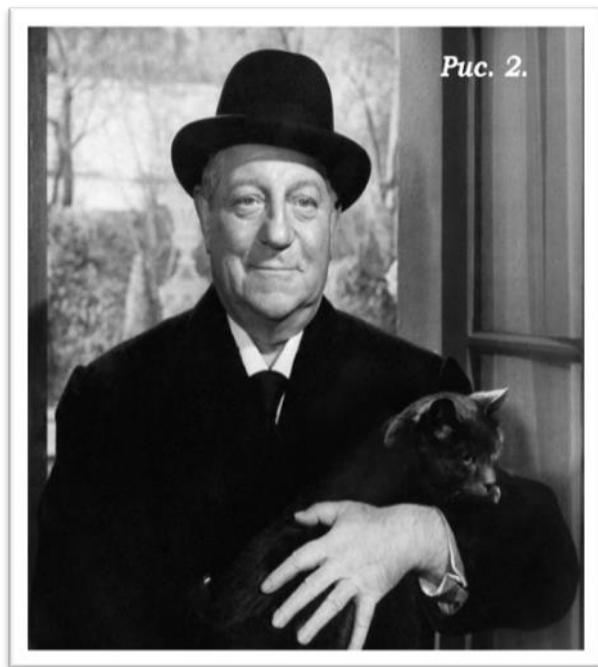
В это же время выходят оригинальные концептуальные кино-интерпретации классики: «Отверженные» / «Les misérables» (по В. Гюго) (1958), где Жан Габен исполнил главную роль – бывшего каторжника Жана Вальжана, когда партнерами по сценической площадке выступили мэтры не меньшей величины – Бернар Блие и Бурвиль (Андре Рембур), а двумя годами ранее достоянием общественности стало «Преступление и наказание» / «Crime et châtiment» (1956) по мотивам одноименного романа Ф.М. Достоевского, действие которого было перенесено во Францию 1930-1940-х гг.

Жан Габен воплотил в театральнокинематографической ирреальности уже знакомый ему образ пунктуального и проникательного следователя – комиссара Галле (французского эквивалента Порфирия Петровича), искусно разоблачающего убийцу старухи-«процентщицы» – бедного студента Рене Брюнеля (Робер Оссейн), подвергающегося психополитическому воздействию со стороны «Свидригалова» – Антуана Монестье (Бернар Блие).

Но, пожалуй, одним из самых значительных и масштабных кинематографических проектов Ж. Габена, приходящихся на 1950-е гг., стала картина известного режиссера Дени де Ля Пателльера «*Сильные мира сего*» / «*Les grandes familles*», увидевшая свет в 1958 году. В этом фильме перед нами предстает «*диктатура в образе*» в *интегрально-концентрированном виде*, когда властно-политические амбиции как героя Габена, так и его самого, сливаются воедино, достигая апогея амбивалентного (реального и идеального) самовыражения в фигуре Ноэля Шудлера – мультимиллионера, главы торгово-экономической корпорации, банковско-промышленной «империи», биржевого магната, действующего в своей огромной латифундии как полновластный хозяин, даже не удельный князь, а монарх, власть которого приобретает не профанически-институциональный характер, а достигает максимально возможной сакрализации.

Шудлер, уверенный в своем абсолютном превосходстве, доминировании, требует беспрекословного подчинения как от своих «подданных» коллег-вассалов, так и от членов семьи, вызывая, с одной стороны –

страх и трепет, а с другой – ненависть и нарастающее озлобление от невозможности противостоять тирании отца-патриарха никакими иными способами, кроме как банальными психологическими демаршами, которые, впрочем, не только совершенно не

смущают «Левиафана», но даже напротив, укрепляют его духовную и политическую автаркию, вырастающую в ходе надменного созерцания бессмысленной энтропии – тщетных усилий «низших» особей, своим бессилием только подтверждающих незыблемую иерархию.

Ноэль Шудлер искусно, умело с присущим ему хладнокровием, выдержкой, самообладанием, абсолютным контролем за эмоциями, что отражается и в физиономическом облике (*маска внутреннего напряжения, суровая мина, выражающая готовность жестоко покарать тех, кто посмел посягнуть установленный «хозяином» порядок* – [См. 4]) в сочетании с интеллектуальной проникательностью, подкрепленной тонкой интуицией, позволяющей ему идти на рациональный и оправданный риск, отражает как все психологические атаки, исходящие из семейного круга, так и беспощадно разоблачает «микро заговоры», что заканчивается триумфальной победой – полным разорением его двоюродного брата Люсьена (Пьер Брассёр), открывшего против своего могущественного родственника

информационно-финансовую войну на бирже.

Однако, как выяснилось, даже все-таки сильный финансовый магнат, сильный мира всего не смог все предусмотреть и предвидеть: его сын попался в ловушку, уготованную врагам семейства Шудлеров: всерьез поверив в дезинформацию о финансовом крахе, намеренно распространенную «монархом бизнеса», а также на протяжении многих лет угнетаемый отцовским деспотизмом, он не находит ничего лучшего, как покончить жизнь самоубийством, застрелившись в своем кабинете из револьвера. Но перед смертью он оставляет записку, содержание которой заставляет дрогнуть даже старого диктатора: сын кается в том, что ему так и не удалось стать «настоящим Шудлером».

Тем самым, перед нами вечная тема противостояния реального и идеального, внутренней сущности и конструируемой экзистенции, которые всегда выстраиваются в подлинное иерархическое соподчинения второго – первому, вопреки всем попыткам изменить онтологическую аподиктичность. Поэтому избыточная сила, давление Нозля Шудлера на свою семью обернулись подобной трагедией, продемонстрировавшей эфемерность богатства, славы, влияния, ничтожных перед объятиями смерти, не признающей внешних отличий.

Интересные модификации «диктатуры в образе» встречаются и кинематографических работах следующего десятилетия 1960—1970-х гг. – периода расцвета Пятой Республики, консервативного республиканизма, голлизма. Здесь, в первую очередь, следует упомянуть два шедевра, снятых режиссерами Дени де Ля Пателльером и Пьером Гранье-Дефером – «Гром небесный» / «Le tonnerre de Dieu» (1965) и «Тайна фермы Мессе» / «La horse» (1970).

Обе эти картины концептуально объединены темой экзистенциально-онтологического противостояния, неисчерпаемого и непримиримого конфликта разных «измерений бытия» – консервативного уклада с его жесткой дисциплиной, субординацией и иерархией, верностью устойчивой системе идейно-мировоззренческих координат, и – современной «цивилизацией»

пространственно-временного расширения, становления, подрывной эпохи «Кали-юга», «темного времени», связанного с абсолютным господством индивидуалистической вседозволенности, релятивизма, прогрессистской одержимости материалистическим вождением.

«В современном мире нет места больше ни для интеллекта, ни для каких-либо вещей внутренней природы, – писал **Р. Генон**, – уже потому, что их нельзя ни увидеть, ни потрогать, ни сосчитать. Всех занимают только чисто внешние действия во всевозможных формах, даже те из них, которые начисто лишены всякого смысла» [1, с. 108]. «Это культура, – констатировал барон **Ю. Эвола** – основанная на бледном и пустом интеллектуализме, стерильная культура, отделенная от жизни, способная только на критику, абстрактные спекуляции и самовлюбленное «творчество»: культура, доведшая материальную утонченность до крайности, в которой женщина и чувственность становятся господствующими мотивами почти до патологической и навязчивой степени» [10, с.184].

Тем не менее, как блестяще показывают режиссеры, всегда находились органичные личности, герои-нонконформисты, которые обнаруживали в себе мужество противостоять мрачной пелене обскурантизма, вступая порой с ним и его клеветами в неравный бой, заканчивавшийся победой именно благодаря силе духа, вдохновлявшей на решительное осуществление своей миссии.

В первом фильме («Гром небесный») Ж. Габен исполнил роль консерватора-мизантропа, ветеринара Леандра Брассака, который живет в средневековом замке и испытывает подлинное отвращение к судорожно-механическим ритмам современной ему цивилизации, ее извращенной, нездоровой помпезности, примитивному пафосу и эпатажности, камуфлирующих военнотехнократическую агрессию с помощью лицемерной пацифистской демагогии, облаченной в одежды пуританского ханжества и абсурдных запретов.

Брассак демонстрирует настоящий талант «психополитической нейтрализации», обезвреживания всех чуждых его мировоз-

зрению артефактов: он сурово наказывает мальчишек, поймавших кролика, резонно заявляя о том, что это живое существо не воюет и никому не причиняет вреда, а, следовательно, заслуживает большего сострадания и даже уважения, чем люди; он читает нравоучительную «проповедь» в пригородном кафе его завсегдатаям, в цинично-язвительной манере обличая косность их рассудка, полную атрофию критического мышления, подмены подлинной жизни, самобытной актуализации – инертным существованием, мещанско-бюргерским самоблаготворением, приводящим к интеллектуальной смерти и моральной-нравственной слепоте; наконец, Брассак спасает из экзистенциального плена молодую девушку, оказавшуюся в «доме терпимости», решительно преодолевая сопротивление со стороны ее «хозяев», постепенно осознающих превосходство пожилого блюстителя истины.

Однако, и сам Брассак, как выясняется, не во всем ортодоксально-последовательно добродетелен. Он злоупотребляет алкоголем, и в припадках ярости жестоко оскорбляет свою жену, упрекая ее в бездетности. Поэтому покровительство над молодой особой выступает не просто произвольно и стихийной импровизацией благородных устремлений при всей их искренности, но и прямым отражением потребности самого Брассака в онтологической гармонии. Об этом говорит финал картины: внешне грозный, неприступный консерватор-«диктатор» на самом деле тяготеет к личине семьянина, поэтому благоденствие спасенной им особы, ее счастливый брак с местным фермером, он рассматривает как долгожданную эманацию собственного предназначения – быть гарантом стабильности и устойчивости. И эту возможность он, наконец-то обретает, становясь новоявленным «дедушкой» для молодых супругов – «патриархом», хранителем палингенетической цепи, достойно компенсировавшим когда-то самим упущенные возможности... Заметим, что это во все не свидетельствует о слабости, инволюции героя Габена, который при этом никогда не утрачивал четкого представления об антагонизме традиционно-органичного единения на основе идейно-сущностного родства

и поверхностного хтоническо-теллурического альянса, созданному нередко из утилитарно-прагматических соображений.

В другой картине, в советском кинопрокате получившей название «Тайна фермы Мессе», а во французской оригинальной версии вышедшая на экраны как «La horse» («Героин») Жану Габену удалось не только вновь достичь идеального отображения **«апогея самодержавия»**, **«диктатуры в образе»**, созданных в вышеупомянутом фильме «Сильные мира сего», но и значительно обогатить это специфическое амплуа за счет обращения при конструировании персонажа к его культурно-историческим прототипам – средневековым феодалам, сюзеренам, крупным помещикам-латифундистам, рассматривавшим землю как некую сакральную ойкумену, позволявшую осуществить подлинно традиционную актуализацию личности, связанную с верностью принципам благородного духа, формированием особого «римского стиля», предполагающего, как писал *Эвола*, «*virtus* не как морализм, но как мужество и храбрость, *fortitudo* и *constantia*, то есть душевная сила, *sapientia* как осмысленность и осознанность, *disciplina*, как любовь к собственному закону и его проявлениям, *fides* в особом римском понимании преданности и верности [...]. Этому стилю свойственны твердость в поступках и отсутствие красивых жестов [...] реализм [...] как любовь к существенному; внутренняя уравновешенность и недоверие к экстатическим состояниям и смутному мистицизму; чувство меры; способность объединяться, не смешиваясь, как свободные люди, ради достижения высшей цели или во имя идеи» [7, с. 207-208].

Реализация этой интегральной доктрины неразрывно связывалась с властно-политическими полномочиями, возможностью выступать гарантом органичного миропорядка на вверенной «свыше» территории, охранять и защищать своих «вассалов» за их преданную службу своему хозяину-патрону, причем даже в том случае, если патернализм устанавливался насильственно и вопреки воли и желанию объектов воздействия. Именно такого сурового землевладельца, настоящего собственника, абсолют-

но уверенного в своем «богоподобии» и непогрешимости – «всемогущего» и «всеблагого» вождя – Огюста Маруйё – предельно достоверно воплотил на экране Жан Габен. Маруйё превратил свой хутор в настоящую военно-феодальную крепость, в которой все подчиняется четко установленной субординации, построенной по принципу иерархического майората, начиная с младших членов семьи, женщин и детей и, заканчивая самим Огюстом, замыкающим эту пирамиду. Неофеодал утверждает свою диктатуры/тиранию порой самым жестоким образом в форме бесцеремонного контроля за поведением всех присутствующих на форме, которые постоянно получают напоминания о том, что на этой земле не существует либерально-демократических «прав и свобод личности», не совместимых с феодально-деспотическим строем.

Маруйё боятся и ненавидят одновременно, однако, когда всему патриархальному укладу возникает опасность быть уничтоженным агрессивной интервенцией извне – со стороны торговцев наркотиками – вся семья, не без идейно-политической «проработки» со стороны вождя, встраивается в процесс *героической аналогии – восхождения к идеальному сплочению* и единству для уничтожения общего врага. В результате, все подрывные элементы «потустороннего мира» совместными усилиями кровнородственной корпорации исчезают с лица земли, а профанические блюстители порядка оказываются бессильными как-то повлиять на представителей семейства Маруйё, отрицающих все, даже очевидные улики и апеллирующих к своей сакральной крестьянской идентичности и ментальности.

В то же время, мрачная и порой злобующая, пугающая палитра «нуар-серий» была разбавлена и светлыми тонами комедийного жанра, но, разумеется, весьма умеренно и органично, что выразилось в социально-философской и криминальной тематической направленности последнего, никогда не перераставшего в примитивную и эксцентрическую пародию на действительность и больше тяготеющего к трагикомедии с элементами драмы, полностью отражающих характер самого Габена, склонного к эпатажно-авантюристическим акциями в виде

демонстрации своей значимости и превосходства.

В конце 1950-х – 1960-е гг. выходят такие картины, как: «Через Париж» / «La traversée de Paris» (1956), «Барон де Л'Экюз» / «Le baron de l'écluse» (1960), «Месье» / «Monsieur» (1964) [См.: 5], «Трудный возраст» / «L'âge ingrat» (1964, с участием Фернанделя) «Садовник из Аржантей» / «Le jardinier d'Argenteuil» (1966), «Под знаком быка» / «Sous le signe du taureau» (1969), «Черное знамя реет над котлом» / «Le drapeau noir flotte sur la marmite» (1971) и некоторые другие.

В указанных работах Габен исполнил роли буржуа-аристократа, художника, внедрившегося в среду торговцев-снабженцев «черного рынка», действовавшего во Франции во время немецкой оккупации 1940-х гг., исключительно ради получения «острых ощущений»; разорившегося аристократа, барона Жерома Наполеона Антуана, ловко выкручивающегося благодаря своим связям, практической смекалке и интуиции; «месье», известного банкира решившего вместо того, чтобы покончить жизнь самоубийством начать ее «заново» в виде мажордома/дворецкого, поселившись в особняка состоятельного фабриканта – владельца консервного бизнеса Эдмона Бернадака (Филипп Нуаре); старого фальшивомонетчика по прозвищу «Тюльпан», обеспечившего себе стабильный и небольшой доход; пожилого преступника, попытавшегося претворить в жизнь давно задуманный план по ограблению банка....

Наконец, в фильме «Под знаком быка» (1969) мы встречаемся с Габеном, выступающего под личиной изобретателя ракетных двигателей и установок, некоего прототипа барона Мюнхгаузена, фанатично, вопреки всем преградам, как финансовым, так постоянным техническим фиаско во время испытаний, морально-психологическом давлению со стороны скептиков, надеющегося, что придет время и его эксперименты завершатся успехом.

И эта идейная одержимость, которая для «людей повседневности», принадлежащих к профанической реальности, остается совершенно непонятной и недоступной для восприятия, выступает символическим

отображением подлинных экзистенциально-онтологических устремлений, связанных с обретением свободы и независимости, **«бытия-в-творчестве»**, постоянного пребывания в «зоне турбулентности», в «вихре» героического напряжения и *органичного движения*, что выступает мощным «противоядием» от косной атараксии, мертвенного плена материалистической мещанско-буржуазной аморфной *американизированной «цивилизации»*, являющейся не менее опасным врагом для Пятой Республики, чем режим Виши, поскольку многие немцы, несмотря на геополитическую экспансию, вдохновляемую Третьим Рейхом, ценили и уважали достижения западноевропейской культуры; американцы же, как совершенно справедливо писал **Ю. Эвола**, *«всем органическим концепциям жизни противопоставляют механистическую концепцию жизни. В обществе «равных возможностей» все имеет характер сфабрикованного существования»*. И далее: «В американском обществе публичное поведение – это только маска. Равным образом представители американского стиля жизни (way of life) демонстрируют, что он враждебен личности» [10, с. 172]

Поэтому тлетворному влиянию этих подрывных сил герои Габена не только всегда давали достойный отпор, но и порой переходили в решительное наступление, беспощадно срывая со своих противников маски притворного служения общему делу, подменяющегося карьеристским рвением, как например, в картине Анри Вернея «Президент» / «Le président» (1961).

Там Габен воплотил образ премьер-министра республики, прототипом для которого послужил сам генерал де Голль – властный, честолюбивый, независимый от общества, уверенный в себе лидер, верный подлинной модели традиционной власти. «Картина отразила противоречивый образ волевого человека, готового установить диктатуру ради спасения отечества, но и способного без колебаний оставить власть над «недостойным», вернувшимся к прежним парламентско-демократическим иллюзиям народом» [11, с. 82]. «Президент» Эмиль Бофор не идет ни на какие компромиссы и морально-политические релятив-

ные паллиативы, и, даже будучи в отставке, всеми доступными ему средствами препятствует приходу к власти его «ученика», перспективного для современной технократической цивилизации финансиста, но совершенно чуждого героическим принципам и идеалам Филиппа Шаломона (Бернар Блие), который вынужден подчиниться давлению Бофора и отказаться поста премьер-министра.

В ностальгических социально-философских тонах выдержан фильм того же режиссера (Анри Вернея) «Обезьяна зимой» / «Un singe en hiver», снятый в следующем, 1962 году, в котором раскрывается тема имманентной сущности, которая всегда остается неизменной, и, самое главное, неискоренимой, даже если под влиянием каких-то чрезвычайных обстоятельства впадает в «анабиоз» и теряет свою эксплицитность. Так происходит и здесь: давший во время войны, оккупации Франции, обещание своей жене вести в дальнейшем смиренный, аскетичный, праведно-трезвеннический образ жизни в случае, если генерал де Голль победит, месть Кантен держит его после окончания войны целых 15 лет, однако, чувствуется, что предел его терпения уже исчерпан, поскольку устно артикулированное когда-то самоотречение трансформировалось в настоящую **экзистенциальную каторгу и духовную кабалу**. Но, к счастью, вовремя приходит «спаситель» – молодой повеса Габриэль (Жан-Поль Бельмондо), который своим неистовым темпераментом, энергией в буквальном смысле пробуждает хозяина гостиницы (Кантена) к жизни: вновь он обретает всю полноту бытия, достигает апофеоза раскрепощенности, не без труда, усилий и сомнений, но успешно скидывает пелену ханжеско-гинекократических предрассудков, мелочного морализаторства и опеки, низводивших его личность до уровня индивидуалистера, мещанина.

Отдельно следует упомянуть о двух кинематографических работах «позднего Габена», относящихся по своей жанровой специфике к **психологической и криминальной драме с элементами социально-философской рефлексии**. В 1971 году на экраны выходит фильм «Кот» / «Le chat»,

ставший результатом продолжения о сотрудничестве Габена с режиссером Пьером Гранье-Дефером, а партнершей по съемочной площадке выступила легендарная Симона Синьоре.

Картина повествует о сложных взаимоотношениях двух супругов, становящихся жертвами, с одной стороны, глобальных урбанистических процессов наступления технократической «цивилизации», безжалостно разрушающей, вторгающейся в традиционный уклад, оскверняющей планы и надежды жить в уютном, маленьком консервативном квартале, превращающимся в гигантский энтропийный котлован – «вечную стройку», а, с другой – собственных комплексов, экзистенциального страха на почве тягостного осознания упущенных, безвозвратно утраченных возможностей и перспектив.

Нарастающая взаимная неприязнь, отчуждение, доходящие до откровенной психологической конфронтации в виде почти полной изоляции, разрыва «дипломатических отношений», сохраняющихся только в виде обмена лаконичными записками, достигает своей кульминации, когда в доме появляется кот. Клеманс (С. Синьоре) начинает испытывать патологическую ревность к несчастному животному, подобранному ее супругом Жульеном (Ж. Габен), воспринимая кота, выступающего, по ее мнению, олицетворением «исчадия ада», «дьявола», как главного виновника в духовном, идейно-мировоззренческом коллапсе, гипостазе их отношений.

Чтобы досадить своему супругу, в изощренной форме напомнить ему о своем давно преданном забвению семейному долгу, она старается любыми способами дискредитировать кота перед его хозяином, пытаясь, тем самым, взять желаемый психологический реванш, что приводит к трагическим последствиям.

В итоге, кот становится жертвой тяжелейшего экзистенциально-онтологического размежевания: он погибает от расстрела – пуль, выпущенных Клеманс во время невропсихопатической аффектации, а жизненные силы супругов, истощенных многолетним противостоянием и свежими стигматами от пережитого потрясения, оказываются на исходе: после кратковременного осво-

бождения из «психологической комы», духовного оцепенения, Жульен и Клеманс умирают, так и не успев объясниться друг с другом... На протяжении всей киноистории герой Габена сохранял стоическое спокойствие, хладнокровие, невозмутимость, оставаясь верным образу «диктатора», вождя, лидера, привыкшего выдвигать требования, а не идти ни на какие компромиссы, и лишь в самом финале, в кульминационной точке – смягчил свою экзистенциальную «оборону», дав волю тщательно скрываемым остаткам чувств, которые становились эксплицитными только в исключительных обстоятельствах, которые мы наблюдаем в картине «Вердикт» / «Verdict» (1974), в которой герой Габена, судья Ле Гуэн, оказывается вынужденным считаться с психополитическим давлением матери осужденного – Терезы Леони (Софи Лорен)...

Не менее колоритным является и фильм режиссера Жозе Джованни «Двое в городе» / «Deux hommes dans la ville» (1973). Здесь Габен исполнил роль «воспитателя», работника пенитенциарной системы, специализирующегося на проблеме психологической и социальной реабилитации заключенных Жермена Казнёва – человека, обладающего более, чем 30-летним опытом работы с нарушителями закона, тонкого и проницательного психолога, не идеализирующего преступный мир, но и не утрачивающего главного качества – доброжелательности к людям, придерживающегося твердого убеждения в том, что тюрьма и небытие – не тождественные категории, и поэтому ни минуты не сомневающегося в необходимости протянуть руку помощи, дать шанс на спасение тому, что в этом нуждается.

Фильм целиком посвящен суровому противостоянию косной, неповоротливой судебно-следственной машины и механизма «правосудия», готового к формально-бюрократическому восприятию лишь «голых фактов», тенденциозного и гипертрофированного истолкования криминальной биографической хроники, и личности, бывшего грабителя Джино (А. Делон), ставшего жертвой полицейского произвола, доведенного до исступления чередой печальных обстоятельств, приведших его на гильотину,

спасти от которой не смогли даже авторитет и влияние «старого диктатора» – Ж. Казнёва.

В целом, подводя итоги, завершая наш обзор, можно заключить, что за всю жизнь и долгую кинематографическую карьеру, результатом которой стала обширная, насчитывающая более 100 наименований фильмография, Жану Габену *удалось создать интегральную модель «диктатора в образе», ставшую органичным синтезом художественных традиций эпохи «поэтического реализма» 1930 – 1940-х гг. и индивидуального стиля романтико-героического консерватизма.*

Именно парадоксальное и уникальное сочетание антиномий дискурсивных самоидентификаций (полицейский – гангстер; аристократ – маргинал, бродяга, «отверженный»; бунтарь, мизантроп-нонконформист и – блюститель семейно-корпоративного «кодекса чести»; «сильный мира сего», упивающийся своим величием и властью и – аскет-идеалист), преломлявшихся через специфический характер Ж. Габена, несомненно перенесшего в театральнокинематографическую реальность свою флегматическую самодостаточность и уверенность в себе, и стало питательной почвой для вызревания неповторимой достоверности героев Габена, которые пользовались симпатией даже при их сугубо отрицательной модальности, ибо, как мы отмечали в своих ранее вышедших работах, даже «негативная полярность героев Габена гасла на фоне фальшивых и ложных устремлений «положительных», заурядных «людей толпы...» [11, с. 82].

Поэтому, исключительно за подлинность, оригинальность перевоплощений, создание образа *открытого* героя, не чуждающегося своих недостатков, человеческих слабостей и эмоциональных устремлений, Жан Габен снискал славу величайшего актера французской республики, удостоенного высшей награды своей страны – звания кавалера Ордена Почетного легиона.

Библиографический список:

1. Генон Р. Кризис современного мира. М., 2008.
2. Дитрих М. Размышления / Пер. с англ. М. Кристалинской. М., 1985.
3. Патрик и Оливье де Фюнес. ЛУИ ДЕ ФЮНЕС. Не говорите обо мне слишком много, дети мои! М., 2007.
4. Фотоиллюстрация № 1. Кадр из к/ф «Сильные мира сего». 1958. Режиссер Дени де Ля Пателльер.
5. Фотоиллюстрация № 2. Кадр из к/ф «Месье». 1964 г. Режиссер Жан-Поль Ле Шануа.
6. Шопенгауэр А. Собр. соч. в 6 тт. М., 2011.
7. Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. М., 2007.
8. Эвола Ю. Метафизика пола. М., 1996.
9. Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. Спб., 2005.
10. Эвола Ю. Традиция и Европа. Сб. ст. Тамбов, 2009.
11. Юдин К. Западноевропейская консервативная политическая традиция в зеркале французского кинематографа эпохи голлизма (1959-1969 гг.) // На пути к гражданскому обществу. 2012. № 1-2(5-6). С. 80-83.
12. Юдин К.А. Луи де Фюнес и кинематограф Франции эпохи «славного тридцатилетия»: от Шарля де Голля до Франсуа Миттерана. Опыт историко-философского анализа // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 3(15). С. 64-77.
13. Юдин К.А. Традиционализм барона Юлиуса Эвола: об идейных исканиях консервативного революционера // Философские науки. 2013. № 7. С. 113-128.
14. Юдин К.А., Бандурин М.А. «Интеллигенция» и «интеллектуалы»: историографические, социально-философские и общетеоретические аспекты понятий // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 108-120.
15. Юдин К.А., Бандурин М.А. Интеллигенция как социально-интеллектуальная сила: идейно-теоретическая топография. История и современность // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 2 (22) С. 56-66.

©Юдин К.А., 2016.

С.С. Спановский

**Кандидат социологических наук, доцент
кафедры менеджмента и государственного управления
Ивановского филиала ЧОУ ВО «Институт управления»**

Особенности методологических подходов к измерению социальной напряженности

В статье рассматриваются разнообразные процедуры двух сложившихся в социологической науке методик по измерению социальной напряженности, применяемые зарубежными и отечественными исследователями. Также определяются наиболее интересные из этих методик и подходов с точки зрения адекватности изучаемым явлениям используемого для их анализа эмпирического инструментария.

Ключевые слова и термины: Показатели, индикаторы и индексы социальной напряженности, методы и подходы измерения социальной напряженности: метод на основе самоотчетов респондентов, метод на основе статистических данных.

Как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе можно найти множество различных методик, разработанных экономистами, психологами, социологами, которые используются специалистами в качестве инструментов для измерения социальной напряженности. При этом в основу техники расчета соответствующих индексов закладываются как чисто экономические (размер дохода, уровень расходов, уровень бедности), так и общесоциальные показатели (удовлетворенность жизнью, уровнем социальной справедливости в обществе и др.). Кроме того, в каждой науке существуют свои традиции и подходы к конструированию методик измерения социальной напряженности, предъявляются к ним требования, которые накладывают определенные ограничения, на их познавательные возможности и получаемые результаты.

Анализ теоретических и методологических подходов к измерению социальной напряженности, которыми располагает отечественная наука, показывает, что в настоя-

щее время в арсенале социологов-эмпириков пока отсутствуют сколько-нибудь универсально апробированные методики с опорой на четкую теоретическую модель описания данного социального феномена. Более того, имеющиеся методики не полностью отвечают критериям надежности и валидности, обязательно предъявляемым к инструментам, используемым для мониторинга социальной напряженности в различных категориях населения.

В предлагаемом материале дается оценочная характеристика основных имеющихся методик измерения социальной напряженности.

Следует отметить, что в западной социологии существует давняя традиция создания и опыт апробации соответствующих методик измерения социальной напряженности. Что касается современной зарубежной социологии и психологии, то здесь определились две группы специальных методик. Во-первых, это методики, основанные на само-

отчетах респондентов, и, во-вторых - методики, основанные на статистических данных.

Методики, основанные на самоотчетах респондентов, главным образом опираются на изучение мнений и установок опрашиваемых при обследовании широких слоев населения, используя различные опросные методы. Опросы при корректном их применении, позволяют отслеживать даже незначительные изменения в самых разнообразных сферах общественной жизни. В вопросах, предназначенных для изучения социальных проблем населения, нередко встречаются различные вариации вопросных формулировок наподобие: «Какими словами Вы могли бы определить свое настроение в последнее время?», «Опишите неприятные события, которые произошли с Вами в течение (недели, месяца, года)», «Удовлетворены ли вы своей жизнью?». Так в наиболее простой форме исследователи пытаются оценить специфическое состояние социума, для отражения которого используется термин «социальное самочувствие». Для оценки возможного направления динамики социального стресса исследователи задают вопросы прогнозного типа: «Какие неприятные события для Вас лично Вы ожидаете в будущем?». Число таких событий также расценивается как показатель стресса. Иногда применяют и другие вопросы, которые предназначены для косвенной оценки удовлетворенности жизнью. Например: «Рассматривая все обстоятельства вашей жизни в целом, можете ли Вы сказать, что Вы очень счастливы, довольно счастливы, не счастливы». [10] Таким образом, здесь представлены типичные формулировки вопросов, используемые при изучении общественного мнения, но имеющие свои методологические «огрехи».

Значительно более надежными могут считаться специально сконструированные мультииндикаторные методики, содержащие несколько десятков вопросов, ответы на которые впоследствии преобразуются в общий индекс удовлетворенности, благополучия и т.д.[1] Данные методики позволяют получить более точные результаты и с гораздо меньшим уровнем погрешности при идентификации изучаемой переменной. В свою очередь создаваемые индексы позволяют перейти от многообразия конкретных наблюдаемых переменных-индикаторов, отражающих

лишь отдельные аспекты теоретического понятия к более абстрактным и комплексным переменным теоретической модели. Использование множества показателей позволяет уменьшить влияние посторонних факторов на оценки величины или разброса значений переменной и сделать итоговые результаты более устойчивыми и воспроизводимыми. Кроме того, использование индексов ведет, как правило, к повышению надежности и валидности измерения. Большинство методик, в основе которых лежит построение индекса, отражающего социальное самочувствие членов изучаемой общности, строятся по единой схеме: респондентов просят оценить уровень удовлетворенности различными сторонами своей жизнедеятельности. Поэтому не случайно, многочисленные кросс-групповые исследования показали, что общее чувство социального благополучия есть простая сумма удовлетворенностей в различных областях человеческой жизни.

В настоящее время в мировой практике существует около двадцати подобных методик, которые используются уже продолжительное время даже в сравнительных международных исследованиях. В качестве примера можно привести суммативную шкалу общей удовлетворенности Дж. Вортона и А. Мура по оценке удовлетворенности респондентов местом их проживания. Инструментарий данной методики включает в себя 24 показателя-высказывания, которые сведены в 6 шкал, предназначенных для измерения целого ряда латентных переменных: криминальности района, возможности получить работу, качества здравоохранения, состояния жилья, удовлетворенности социальным окружением. По каждому из высказываний респондент должен дать ответ в диапазоне от «абсолютно согласен» до «абсолютно не согласен».[4, с.92]

Кроме этих шкал, западные исследователи широко применяют тест CES-D (Center for Epidemiologic Studies – Depression Scale). Этот тест состоит из 20 показателей, предназначенных для фиксации четырех основных форм проявлений стресса: аффекта депрессии, позитивного аффекта, соматической активности и особенностей состояния межличностных отношений. Респондентов просят ответить, как часто они испытывали предло-

женные им для оценки симптомы стресса в течение предыдущей недели.[4, с.93]

При диагностике психологических состояний личности применяются иные оригинальные методики. Например, метод Лютера, известный как цветовой тест, ТАТ-тест, тест Роршаха, тест зрительных универсалий, тест САН и др. Из прикладных разработок известна методика по измерению социально-психологической напряженности на предприятии, разработанная А.Ф. Бондаренко. Этот метод построен на использовании семантических шкал и личностного теста ММРІ-СМОЛ. В основе предложенного автором подхода лежит диагностика личностных характеристик респондентов, через которые преломляются особенности конфликтной ситуации. Реконструируя ситуацию, проясняя видение и понимание её участниками, исследователь получает возможность установить истоки, причины и факторы динамики социальной напряженности. Однако, для оперативной диагностики социальной напряженности методика А.Ф. Бондаренко слишком громоздка, потому что состоит из 71 утверждения, которые с трудом воспринимаются респондентами. [3, с.126-127]

Опираясь на эти довольно популярные в западной и отечественной социологии и психологии методы, можно определить уровень негативного эмоционального состояния респондентов. Однако, они непригодны для выяснения причин возникновения стресса. Структура такого состояния остается неизвестной. Используя методики данного типа, можно лишь констатировать наличие у определенной группы индивидов внутренней неудовлетворенности какими-то сторонами их жизни, в то время как ее первопричины остаются неясными, неисследованными.

Так, социальные трансформации в нашем обществе породили необходимость привлечения новых ресурсов для анализа жизнедеятельности социальных субъектов. В связи с этим в 1990-е годы методический инструментарий отечественной социологии пополнился рядом оригинальных разработок российских социологов по измерению социальной напряженности.

В частности, П.Д. Чернобай предложил оригинальную методику оценки социальной напряженности в сфере социально-трудовых отношений, складывающихся между работ-

ником и организацией.[9] По мнению ученого, определение уровня социальной напряженности в организации или группе складывается из индивидуальных оценок степени удовлетворенности, потенциальной текучести кадров, уровня активности работников. Таким образом, эта общая оценка будет представлять собой некоторую среднюю величину индивидуальных позиций работников данной организации или определяться по характеристике модальной группы. Однако методика П.Д. Чернобая разрабатывалась только для измерения социальной напряженности в производственном коллективе предприятия и в силу присущих ей особенностей и ограничений предназначена для решения весьма узкого круга задач. Разработанная методика должна позволять получать не относительные и отвлеченные показатели, а интерпретируемые в определенной системе координат уровни напряженности, характеризующие состояние общественных отношений в исследуемой социальной группе. Поэтому вполне данная методика может оставаться пригодной для использования в малых социальных общностях.

Процедуру производного измерения социального самочувствия молодежи предлагает Е.В. Давыдова. «Для измерения социального самочувствия ... в целом, – пишет она, – суммируются все оценки важности, затем полученная сумма делится на количество индикаторов». Таким образом, получается среднее арифметическое значение важности всех представленных сторон жизнедеятельности. Затем аналогичную процедуру повторяем для оценок удовлетворенности. Потом от среднего арифметического значения важности нужно отнять среднее арифметическое значение удовлетворенности».[2, с.16-17] Следует отметить, что методика, предложенная Е.В. Давыдовой, безусловно, имеет определенное преимущество в сравнении с другими, поскольку изначально создавалась для работы с большими по численности общностями.

Особым видом исследований, базирующихся на использовании опросных методов, можно считать специальную процедуру оценки социальной напряженности в социумах городского типа. Ю.М. Плюсин в своем исследовании социальной напряженности в г. Новосибирске (1999г.) выделил две

ее формы: явную и скрытую. На основе разработанного им инструментария получены показатели, отражающие материальное благосостояние горожан, их психологический тонус, взаимоотношения с близкими людьми, отношения к экономическим, социальным и политическим процессам в обществе, опыт участия в акциях протеста и субъективную готовность к ним, а также оценки вероятности роста и развития напряженности в городе.[7]

Между тем и у данной методики есть существенный недостаток. При использовании одновопросной техники респонденты в момент опроса находятся в сильном эмоциональном состоянии.

Оценивая в целом опросные методы измерения социальной напряженности, разработанные отечественными и западными исследователями, отметим, что в большинстве они представляют собой тесты, предназначенные для измерения удовлетворенности респондентов степенью реализации их потребностей. Конечным показателем, по результатам обработки полученных в ходе опроса данных выступает индекс, который интерпретируется в пределах его максимально и минимально возможных значений.

В практическом плане важным представляется то, что опросные методы позволяют обеспечить органы исполнительной власти информацией о состоянии общественного сознания, значимой на момент времени, в течение которого разрабатывается или принимается управленческое решение. Однако использование только опросных методов не позволяет прогнозировать социальную напряженность, а значит, не предоставляет возможности своевременного регулирования ее уровня, предупреждения социальных конфликтов, приводящих к дестабилизации различных социальных систем.

Методики измерения социальной напряженности по статистическим данным имеют свою специфику, а применение их обусловлено, в основном, двумя обстоятельствами.

Во-первых, потребностью в оценке динамики напряженности, и, во-вторых - необходимостью фиксации уровня напряженности в больших социальных общностях регионального или общенационального уровней.

Одной из наиболее распространенных и известных методик в этом плане, является процедура расчета регионального стресс-индекса SSI (State Stress Index), разработанная американскими учеными А. Мюрреем и А. Лински из Национального института ментального здоровья. Построение такого индекса основано на традиционном для американской прикладной социологии подходе. Измерение социального стресса американские специалисты проводят по статистической оценке неблагоприятных для индивидов жизненных событий.[4,с.92] К преимуществам такого подхода можно отнести возможность получения оценки социальной напряженности по стране в целом, по каждому региону в отдельности, проведение сравнительного анализа напряженности на основе исследований за разные годы.

В отечественной социологии также имеется опыт измерения социальной напряженности на базе статистических данных. В качестве примера, можно привести исследование Р. Попова и А. Сусарова по оценке уровня социальной напряженности в российских регионах, проведенное в 1998 г.[8] В качестве показателей, ведущих к социальной напряженности, по значению которых оценивался и ее уровень, авторы использовали ряд характерных индикаторов. К ним были отнесены, в частности, интенсивность протестной активности населения, частота митинговой активности граждан, уровень миграции населения, степень политической поляризации населения, уровень протестного голосования, степень этнической гомогенности населения. Между тем, такой набор показателей и индикаторов нельзя универсально применять для всех регионов России в силу особенностей их развития, а также объективной исторической специфики генезиса всего нашего общества.

В отечественной науке практикуется и экономический подход к измерению социальной напряженности, предложенный С.Б. Переслегиным. Ученый предлагает использовать способ расчета показателя уровня напряженности в обществе, основанный на оценке качества жизни его членов, под которым следует понимать благосостояние людей. Общество считается устойчивым, если качество жизни большинства населения является положительным. Качество жизни, по

мнению С.Б. Переслегина, может быть принято и за основу оценки социальной напряженности.[5] Однако, как отмечает сам автор методики, этот чисто экономический подход не «срабатывает» в ситуации, когда качество жизни населения имеет отрицательное значение.

Ещё одну оценку уровня социальной напряженности по данным статистики дают в своей работе А. Шваков и Ю. Швакова. При этом в качестве детерминирующих факторов напряженности рассматриваются показатели уровня безработицы, число предприятий-банкротов, уровень доходов населения, своевременность выплаты зарплаты, сведения о которых содержатся в статистических материалах.[10] Но и эти факторы не могут быть детерминирующими на любом этапе развития регионов страны, поскольку имеют свою определенную специфику флуктуаций в зависимости от макроситуации в экономике, рыночной конъюнктуры, каких-то иных чисто региональных микро-социальноэкономических явлений.

Концептуально оценивая статистические методы измерения социальной напряженности, следует отметить характерные для всех них общие недостатки, объективно свойственные большинству материалов взятых из статистических источников. *Во-первых*, познавательные возможности этих методов сильно ограничены тем набором показателей, которые «традиционно» формируются органами статистики, в то время как в опросах населения можно использовать любые эмпирические индикаторы, характеризующие социальную напряженность. *Во-вторых*, статистические данные, представляющие какой-то один отрезок времени, не несут в себе глубокого информационного содержания, поскольку в этом случае оценка величины тех или иных показателей, призванных отразить уровень социальной напряженности, возможна только на основе сравнения со схожими показателями за иной период времени. А в этом случае исследователю придется столкнуться с проблемой ретроспективной верификации. *В-третьих*, статистические показатели могут быть использованы только для оценки напряженности в тех социальных объектах, на базе которых они получены, и не позволяют произвести более детальный анализ их структурных

элементов. *В-четвертых*, не по всем интересующим социолога объектам ведется статучет, а посему не всегда ведомство статистики может располагать нужной информацией. И, наконец, *в-пятых*, некоторые статистические материалы могут быть попросту «закрыты» для исследователей органами власти или спецслужбами.

Именно поэтому исследователю рекомендуется с достаточной долей профессиональной осмотрительности подходить к методикам, основывающихся исключительно на анализе статистических данных.

Таким образом, оценивая все имеющиеся и применяемые сегодня на практике методики измерения уровня социальной напряженности в обществе, можно заключить, что качественное разнообразие этих методов определяется различием подходов их авторов к пониманию природы социальной напряженности и ее основных детерминант. Поэтому необходима такая модель мониторинга социальной напряженности, в которой были бы учтены все особенности социологического исследования данного социального феномена, с учетом его многофакторного проявления во всех социальных группах и сферах общества.

Библиографический список:

1. Быковский В.А. Социальная напряженность на муниципальном уровне: методика оценки работы администрации // Социол. исслед. 2005. № 10. С.22-26
2. Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи. М.: Институт социологии РАН, 1992
3. Клаучек С.В., Деларю В.В., Иванчук Л.В. СМОЛ: критическая оценка // Психологический журнал. 1993. №4. С. 126–132
4. Кравченко А.И. Прикладные исследования в США // Социол. исслед. 1987. № 3. С. 34-39
5. Переслегин С. Б. Естественнонаучный подход к экономической статистике. Обращение к документу: 20.04.12.<<http://stabs.nm.ru/materials/Peresbeginess.htm>>
6. Пирогов И.В. Социальная напряженность: теория, методология и методы из-

- мерения: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008.
7. Плюснин Ю.М. Социальная напряженность в Новосибирске. 1999 год. Новосибирск: ЦСА, 1999. 32 с.
8. Попов Р., Сусаров А. Социальная напряженность и социальное неблагополучие. Обращение к документу: 20.04.12. <http://pubs.camegie.ru/books/1999/08np/default.asp?n=12.asp>
9. Чернобай П.Д. Социальная напряженность: опыт измерения // Социол. исслед. 1992. № 5. С. 94–98.
10. Шваков А., Швакова Ю. Территория социальной напряженности. Обращение к документу: 20.04.12. <[http://scvr/sarnode.ru:8101/jornal/number7/shvakov.htm](http://scvr.sarnode.ru:8101/jornal/number7/shvakov.htm)

© Спановский С.С., 2016.

Б.А. Спасенников

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и процесса Института управления

А.С. Морозов

Кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры государственно-правовых дисциплин
Кузбасского института ФСИИ России,
майор внутренней службы

Правовое и религиозное поведение в пенитенциарной среде

В статье рассмотрены проблемы религиозного воздействия в уголовно-исполнительной системе России.

Ключевые слова: религия, воспитание, уголовно-исполнительная система.

Интерес авторов к теме исследования обусловлен высокой степенью влияния религиозного воздействия на формирование правомерного поведения осужденных, наметившейся тенденцией взаимодействия пенитенциарных учреждений с религиозными организациями по вопросам возвращения в общество правопослушных граждан.

Правомерное поведение, являясь наиболее значимой формой поведенческой активности, выступает прочной основой обеспечения прав и законных интересов как отдельных граждан, так и общества, и государства в целом [5, с. 184-189]. В этой связи стимулирование правомерного поведения, предупреждение совершения гражданами новых правонарушений, является одной из главных задач России, как правового государства.

Наряду с нормативно-закрепленными средствами исправления осужденных, формирования их правомерного поведения, в пе-

нитенциарной сфере все чаще применяются альтернативные, не государственные способы воздействия на личность осужденных, а именно, связанные с их участием в деятельности религиозных организаций [15, с. 60-64].

На сегодняшний день религиозное поведение не рассматривается законом ни как средство исправления осужденных, ни как критерий правовой оценки степени их исправления, но играет важную практическую роль в этом процессе [1, с. 112-114]. Имея преимущественно общие цели, религиозные и правовые нормы достигают единого общественно-полезного результата, выражающегося в морально-нравственном, религиозном и, как следствие, правовом перевоспитании осужденного.

На основании изложенного выше, для современного российского государства вопрос о влиянии религиозного поведения на формирование правомерного поведения лиц,

отбывающих уголовные наказания, представляется актуальным.

Юридические нормы и нормы признанных в России религиозных организаций, направлены на достижение единого общественно полезного результата – морально-нравственного воспитания личности человека, формирования у него уважительного отношения к человеку, обществу и государству, создание устойчивых мотивов воздержания от противоправных действий [4, с. 271-274]. Таким образом, следует признать, что соблюдение человеком религиозных норм опосредованно служит выполнению им предписаний норм права.

Проведенный структурно-содержательный анализа феномена человеческого поведения, позволил говорить о нем, как о не подлежащем оценке в качестве правомерного либо противоправного [2, с. 96-101]. Правомерным, либо неправомерным может признаваться лишь отдельный поступок человека. Причиной тому является различная степень правомерности и противоправности входящих в структуру поведения поступков. При этом, установлено, что с формально-юридической точки зрения, латентные поступки, не возымевшие реакции со стороны правоохранительных, правоприменительных органов государства, независимо от их значения для общества, должны признаваться юридически безразличными [3, с. 110-116].

На основе анализа эффективности применения традиционных средств исправления и участия осужденных в деятельности религиозных организаций, выявлена гораздо более высокая степень продуктивности религиозного воздействия. Данное наблюдение объясняется особенностями оказания исправительного воздействия на личность осужденных, в отличие от стимулирования правопослушного поведения «свободных» граждан. Криминальные нормы, являющиеся особым регулятором пенитенциарных отношений, препятствуют установлению сотрудничества между администрацией исправительного учреждения и представителями преступного сообщества [10, с. 170-174]. В этой связи воспитательное воздействие со стороны сотрудников исправительного учреждения воспринимается осужденными негативно, встречает активное сопротивление по

усвоению правовых норм поведения. Религиозное воспитание, по сути, представляющее собой завуалированную, опосредованную форму правового воспитания, напротив, воспринимается осужденными положительно, вследствие чего более эффективно достигает своей цели [11, с. 22-26].

Об эффективности исправительного воздействия религиозных норм также свидетельствует их направленность на формирование устойчивых мотивов правомерного поведения осужденных [7, с. 94-97]. Традиционные средства исправления, применяемые сегодня в пенитенциарной системе, к сожалению, направлены, преимущественно на предупреждение совершения правонарушений посредством устрашения, осознания осужденными возможности применения к ним ответственности за противоправные деяния. Такие меры носят внешний характер, не всегда связаны с изменением психологического отношения лица к соблюдению правовых предписаний. Результатом применения традиционных средств исправления является высокий уровень постпенитенциарного рецидива преступлений. Он связан с тем, что после освобождения от отбывания наказания государственный контроль за бывшими осужденными существенно снижается, снижается и риск привлечения их к ответственности за правонарушение. Таким образом, отсутствие внешнего сдерживающего фактора негативно отражается на дальнейшем поведении указанной категории лиц, характеризующихся неустойчивой формой правомерного поведения, поведением маргинальным.

Посредством участия осужденных в деятельности религиозных организаций, напротив, формируется внутренняя убежденность в необходимости выполнения предписаний религиозных, и, опосредованно, правовых норм поведения [14, с. 102-107]. Независимо от наличия внешних сдерживающих факторов, у осужденных начинает работать внутренний механизм сопротивления совершению неправомерных поступков [13, с. 176-180].

В результате проведенного статистического исследования, бесед со священнослужителями, осуществляющими тюремное служение, было установлено, что в настоящее время имеется необходимость норма-

тивного закрепления их правового положения при взаимодействии с учреждениями уголовно-исполнительной системы. В частности, требуется закрепление права беспрепятственного прохода в пенитенциарные учреждения представителей зарегистрированных в России религиозных организаций, деятельность которых не противоречит законодательству Российской Федерации [12, с. 105-111]. Несмотря на наличие у осужденных права на свободу вероисповедания, практическая его реализация зачастую связана с наличием множества препятствий бюрократического характера. В ряде случаев отправление религиозных культов вынужденно проводится в рамках краткосрочных свиданий со священнослужителем в присутствии сотрудников администрации исправительного учреждения. Совершение религиозных таинств осуществляется одновременно с проведением обысковых мероприятий и так далее [16, с. 187-191].

Немаловажное значение в данном вопросе имеет установление материального вознаграждения в адрес прихода, что позволит хоть частично компенсировать затраты религиозных организаций на осуществление, по сути, государственной задачи, реализуемой сегодня на безвозмездной основе.

По итогам проведенного нами статистического исследования также было установлено, что в отдельных субъектах Российской Федерации, обладающих своими национальными и религиозными особенностями, имеется необходимость учета религиозных предпочтений проживающего на их территории населения. Несмотря на то, что исторически Православие в России имеет приоритетное значение по отношению к иным традиционным вероисповеданиям, требуется регулирование реально существующих потребностей населения во всех субъектах Российской Федерации, обладающих собственными историческими, культурными и религиозными традициями [6, с. 85-87]. В этой связи при заключении соглашений между территориальными органами Федеральной службы исполнения наказаний и религиозными организациями субъектов Российской Федерации, предлагается учитывать вероисповедание преимущественного числа осужденных, отбывающих уголовные наказания в каждом

отдельно взятом субъекте Российской Федерации [8, с. 75-81; 9].

В заключение стоит отметить, что принцип светскости российского государства следует применять ориентируясь на фактически складывающиеся отношения в обществе, учитывая максимально возможное количество факторов, влияющих на выбор человеком поведения соответствующего предписанию правовой нормы, в связи с чем нельзя упускать из внимания религиозную составляющую поведения человека, находящуюся за рамками регулирования права, но оказывающую существенное влияние на поведение человека, урегулированное правовыми нормами.

Библиографический список:

1. Морозов А.С. К вопросу о законотворчестве в религии // История становления и развития правоохранительной системы России: сборник материалов научного семинара 5 июня 2009 г., г. Псков / под общ. ред. Б.Б. Казака. Псков: Псковский юридический институт ФСИН России, 2009. С. 112-114.
2. Морозов А.С. Некоторые проблемы квалификации объективной стороны правомерного поведения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 1 (15). С. 96-101.
3. Морозов А.С. О понятии «преступление» с формально-логической точки зрения // Вестник Кузбасского института. 2012. № 3 (11). С. 110-116.
4. Морозов А.С. Правомерное поведение, как особый вид социального поведения человека // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4 (60). Т. 1. С. 271-274.
5. Морозов А.С. Правонарушение, как формальное нарушение права другого субъекта права // Уголовная и уголовно-исполнительная политика на современном этапе развития общества и государства: отечественный и зарубежный опыт: материалы международной научно-практической конференции. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2013. С. 184-189.
6. Морозов А.С. Преступление и грех: сходства и отличия // Сборник межвузовской научно-практической конференции Вологодского института права и экономики «Уголов-

но-исполнительная система России: история и современность». Вологда. 2009. С. 85-87.

7. Морозов А.С. Проблемные вопросы квалификации субъективной стороны состава правомерного поведения // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 2 (19). С. 94-97.

8. Морозов А.С. Псевдорелигиозная организация, как субъект уголовно-исполнительных правоотношений // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2015. № 3 (24). С. 75-81.

9. Морозов А.С. Религиозное поведение как средство формирования правомерного поведения осужденных и критерий оценки степени их исправления: учебное пособие. Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2015. 88 с.

10. Морозов А.С. Религиозное поведение осужденных как средство их исправления // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 170-174.

11. Морозов А.С. Религиозное поведение осужденных, как критерий правовой оценки степени их исправления // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 22-26.

12. Морозов А.С. Религиозный служащий, как специальный субъект исправительного воздействия на осужденных // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2015. № 2. С. 105-111.

13. Морозов А.С. Роль религиозного воспитания в процессе формирования правомерно-

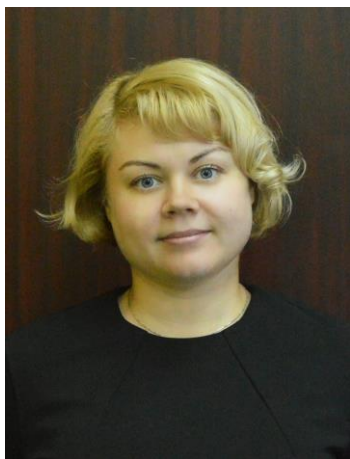
го поведения сотрудников УИС // Правовое и духовно-нравственное воспитание российского офицерства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (14 ноября 2014 г.) / под общ. ред. Р.А. Ромашова. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. С. 176-180.

14. Морозов А.С. Роль религиозных воззрений Сергия Радонежского в развитии взаимодействия Церкви и государства по вопросам исправления осужденных // Духовное наследие Преподобного Сергия Радонежского в истории и современной жизни России: сборник материалов региональной научно-практической конференции, посвященной 700-летию со дня Рождения Преподобного Сергия Радонежского (9-10 октября 2014 года). Самара: ООО «Издательство АСГАРД», 2014. Т. 1. С. 102-107.

15. Морозов А.С. Сравнительный анализ религиозной и государственной нормы права в свете их воздействия на правопослушное поведение граждан и исправление осужденных // Вестник Кузбасского института. 2012. № 1 (9). С. 60-64.

16. Морозов А.С. Участие осужденных в деятельности религиозных организаций, как критерий оценки степени их исправления // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4 (87). С. 187-191.

©Спасенников Б.А., Морозов А.С., 2016

К. А. Полозова

Директор Ивановского филиала ЧОУ ВО «Институт управления»,
кандидат исторических наук, доцент

Практика применения Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки части 9 статьи 93 Федерального закона «Об образо- вании в Российской Федерации»

В статье рассматривается практика применения Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки части 9 статьи 93 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» при осуществлении федерального государственного контроля качества образования в образовательных организациях высшего образования. На основании сопоставления практики применения Рособрнадзором ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании и последствий такого применения законодательства для образовательных организаций ставится ряд вопросов, решение которых имеет существенное значение для Российского образования.

Ключевые слова: Российская Федерация, государственный надзор, образование, Рособрнадзор, образовательная организация.

Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (далее – Рособрнадзор) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере образования и науки и действует на основании Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 594 (далее - Положение) [1].

Согласно пунктов 5.1 и 5.2 Положения Рособрнадзор уполномочен осуществлять федеральный государственный контроль качества образования в образовательных организациях высшего образования, а также в случае выявления несоответствия содержания и качества подготовки обучающихся по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам федеральным государственным образовательным стандартам принимать меры, предусмотренные частью 9 статьи 93 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон об образовании) [2].

Согласно пунктам 1 и 2 ст. 93 Федерального закона об образовании федеральный государственный контроль качества образования является одной из разновидностей государственного контроля (надзора) и определяется как деятельность по оценке соответствия содержания и качества подготовки обучающихся по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам федеральным государственным образовательным стандартам посредством организации и проведения проверок качества образования и принятия по их результатам предусмотренных частью 9 ст. 93 Федерального закона об образовании.

Учитывая, что порядок организации и проведения проверок в рамках осуществления государственного контроля (надзора) входят в сферу применения Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" (далее – Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ) [3], а также то, что только части 3 и 3.1 статьи 1 Феде-

рального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ устанавливают виды проверок, к которым не применяются нормы данного Федерального закона, Рособрнадзор при осуществлении федерального государственного контроля качества образования в образовательных организациях высшего образования должен применять ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании в совокупности с нормами Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ.

На практике, при исполнении Рособрнадзором государственной функции по осуществлению федерального государственного контроля качества образования (далее – проверки качества образования), к сожалению, государственный орган игнорирует существенные нормы федерального законодательства, регулирующего порядок организации и проведения проверок в рамках осуществления государственного контроля (надзора), нарушая права и законные интересы образовательных организаций высшего образования.

Рособрнадзором не учитываются обязательные для применения нормы ч. 4 ст. 16 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ – государственный орган не предоставляет образовательным организациям акты проверок непосредственно после их проведения. На письменные заявления образовательных организаций об ознакомлении с актами таких Рособрнадзор отвечает официальным отказом, ссылаясь на отсутствие прямой обязанности представлять организациям такие акты в норме ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании. [4; 9].

Полагаем, что применение Рособрнадзором при проведении проверок качества образования только нормы ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании без учета ч. 4 ст. 16 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ приводит не только к грубым нарушениям при осуществлении государственного контроля (надзора), но и к неправильному применению ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании в части принятия мер к образовательным организациям при выявлении несоответствий содержания и качества образования, нарушению прав и законных интересов таких организаций.

Вышеуказанные доводы, подтверждающие неверное применение Рособрнадзором нормы ч. 9 ст. 93 Федерального закона об об-

разовании при осуществлении государственного контроля (надзора) заключаются в следующем:

1. *порядок проведения проверок*, осуществляемых государственными органами, в частности порядок проведения государственного контроля (надзора) в сфере образования регулируется Федеральным законом от 26.12.2008 N 294-ФЗ (п. 1,3 ч. 2 ст. 1 названного Федерального закона);

2. только части 3 и 3.1 статьи 1 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ устанавливают виды проверок к которым не применяются нормы данного федерального закона и указаний об исключении из сферы действия данного федерального закона государственного контроля (надзора) в сфере образования не содержится.

3. *меры, принимаемые по результатам проведения проверок качества образования*, устанавливаются Федеральным законом об образовании (ч. 2 ст. 93 названного федерального закона; ч. 3 ст. 17 Федерального закона от 26.12.2008 N 294-ФЗ).

4. на обязанность со стороны Рособрнадзора провести именно *проверку* соответствующих уведомлений и документов, полученных от образовательной организации в рамках подтверждения устранения выявленных несоответствий содержания и качества образования *буквально* указывает норма ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании: «...В течение тридцати дней после получения уведомления орган по контролю и надзору в сфере образования *проводит проверку* содержащейся в уведомлении информации об устранении организацией, осуществляющей образовательную деятельность, выявленного несоответствия...».

5. норма ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании не предназначена для регулирования вопросов порядка проведения проверок Рособрнадзором, поэтому закономерно, что названная норма не вменяет в обязанности Рособрнадзора представление акта проверки уведомления и документов непосредственно после проведения такой проверки. Во первых, потому что указанная норма устанавливает меры, принимаемые по результатам проведения проверок качества образования (ч. 2 ст. 93 названного Федерального закона), во-вторых, порядок проведения проверок (любых документарных

или выездных) регулирует иной действующий и обязательный для соблюдения государственными органами при проведении контрольно-надзорных) мероприятий - Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ.

6. согласно ч. 2 ст. 93 Федерального закона об образовании под федеральным государственным контролем качества образования понимается деятельность по оценке соответствия содержания и качества подготовки обучающихся по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам федеральным государственным образовательным стандартам посредством организации и проведения проверок качества образования. Проверка уведомления и документы, представленные образовательными организациями высшего образования с целью доказательства отсутствия несоответствий качества образования, Рособrnадзор в очередной раз дает оценку соответствия содержания и качества подготовки обучающихся по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам федеральным государственным образовательным стандартам, т.е. проводит *проверку*.

7. меры, принимаемые Рособrnадзором по результатам проведения проверок качества образования согласно ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании выражаются:

а) в приостановлении действия государственной аккредитации и установлении срока устранения выявленного несоответствия;

б) в возобновлении действия государственной аккредитации;

в) в лишении государственной аккредитации.

Указание законодателя в ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании на *обязанность* Рособrnадзора *провести очередную проверку документов*, прежде, чем перейти к следующему этапу *принятия мер*, не освобождает Рособrnадзор от обязанности соблюдения порядка проведения проверок, установленного Федерального закона от 26.12.2008 N 294-ФЗ.

9. сама по себе *процедура проверки* не может трактоваться Рособrnадзором как *мера, принимаемая по результатам проведения проверок качества образования*, т.к. именно от результатов *такой проверки* зависит то,

какая *мера* будет применена к образовательной организации: возобновление государственной аккредитации или лишение государственной аккредитации.

10. факт не предоставления образовательной организации акта проверки уведомления и документов об отсутствии несоответствий содержания и качества образования непосредственно после завершения такой проверки государственным органом является основанием для признания недействительными результатов проверок по итогам, которых не представлен акт проверки (п. 6 ч. 2 ст. 20 Федерального закона от 26.12.2008 N 294-ФЗ).

Довод о неправильном применении ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании также следует из того, что указанная норма четко определяет порядок применения Рособrnадзором мер в случае выявления несоответствия содержания и качества подготовки обучающихся, а именно:

«До истечения срока устранения выявленного несоответствия орган по контролю и надзору в сфере образования должен быть уведомлен организацией, осуществляющей образовательную деятельность, об устранении выявленного несоответствия с приложением подтверждающих документов.

В течение тридцати дней после получения уведомления орган по контролю и надзору в сфере образования проводит *проверку* содержащейся в уведомлении информации об устранении организацией, осуществляющей образовательную деятельность, выявленного несоответствия.

Действие государственной аккредитации возобновляется по решению органа по контролю и надзору в сфере образования со дня, следующего за днем подписания акта, устанавливающего факт устранения выявленного несоответствия. В случае, если в установленный органом по контролю и надзору в сфере образования срок организация, осуществляющая образовательную деятельность, не устранила выявленное несоответствие, орган по контролю и надзору в сфере образования лишает организацию, осуществляющую образовательную деятельность, государственной аккредитации полностью или в отношении отдельных уровней образования, укрупненных групп профессий,

специальностей и направлений подготовки».¹³

При сегодняшней практике применения Рособрнадзором ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании, образовательная организация, представившая в установленный законом срок в Рособрнадзор все доказательства устранения несоответствий содержания и качества образования, *не имеет возможности* проанализировать результаты проведенной Рособрнадзором проверки представленных доказательств, хотя бы для того, чтобы иметь представление об основаниях применения таких мер (лишение государственной аккредитации), иметь возможность в досудебном порядке обжаловать действия должностных лиц государственного органа, привлеченных к такой проверке.

Обобщая изложенное в предыдущем абзаце, образовательная организация, даже по письменному официальному запросу не может получить информацию, имеющую непосредственное отношение к ее деятельности и имеющую отношение к предмету проводимой проверки от государственного органа, что не совместимо ни с принципами действующего законодательства в целом ни с отдельными нормами федерального законодательства.

Как показывает практика, при исключении Рособрнадзором возможности досудебного урегулирования возникающих споров между образовательными организациями и государственным органом, осуществляющим контроль за качеством образования, образовательные организации могут истребовать акты таких проверок только через арбитражную судебную систему, оспаривая уже вступившие в силу и действующие приказы Рособрнадзора о лишении государственной аккредитации. При этом, на этапе подготовки и подачи исковых заявлений о недействительности вышеуказанных ненормативных актов государственного органа, образовательные организации лишены возможности указать в иске доводы, относительно нарушения Рособрнадзором норм материального права, т.к. Рособрнадзор намерено скрывает от образовательной организации фактические основания, причины и об-

стоятельства (Акт проверки) издания оспариваемого приказа. От образовательной организации, которая обращается в арбитражный суд скрыта информация, о том какие несоответствия Рособрнадзор счел устраненными, а какие нет на основании ранее представленных образовательной организацией доказательств.

При таком подходе Рособрнадзора к применению ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании (не предоставление акта проведенной проверки юридическому лицу при осуществлении государственного контроля (надзора) результаты проводимых проверок качества образования не могут считаться законными и действительными, т.к. получены с грубыми нарушениями установленной законодательством процедуры проведения проверок. Следовательно, применять ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании в части принятия мер в виде лишения государственной аккредитации образовательных организаций на основании результатов проверок, полученных с грубыми нарушениями федерального законодательства не законно и не правильно.

В развитие, указанной в настоящей статье позиции автора нельзя не упомянуть и о следующих фактах, сопутствующих проведению федерального контроля качества образования:

- минимальный «полный комплект документов» (их качество и количество), который образовательная организация должна представить в Рособрнадзор, чтобы доказать отсутствие или устранение каждого несоответствия содержания и качества образования, не установлен ни одним нормативно-правовым или ведомственным актом. Так, учитывая письменную позицию Рособрнадзора, комментирующего детали и алгоритм процедуры осуществления проверки содержания и качества образования, можно говорить о том, что понятие и критерии некоего «полного комплекта документов» государственным органом все-таки определены и, вероятно, существуют. Выдержка из письменной позиции Рособрнадзора «..Институт представил *не полный комплект документов*, в связи с чем Рособрнадзором был сделан вывод о несоответствии содержания и качества подготовки обучающихся..» [5; с. 3]. При этом то, что государственный орган

¹³ Текст нормы разбит на абзацы автором статьи для наглядности.

подразумевает под понятием *«полный комплект документов»* вопреки существующим правовым принципам, не только не афишируется, но намерено не придается огласке.

Следовательно, образовательная организация заведомо не обладает информацией о критериях *«полного комплекта документов»*, которыми руководствуется должностное лицо Рособрнадзора определяя достаточно ли ему представленных образовательной организацией документов, для того, чтобы посчитать, что ранее выявленные несоответствия устранены или наоборот не устранены. А учитывая, что акт такой проверки Рособрнадзор без помощи Арбитражного суда не предоставляет, образовательная организация не только при предоставлении документов в Рособрнадзор не знает на какой *«полный комплект документов»* должна ориентироваться, но и после вынесения фатального решения – лишения государственной аккредитации, продолжает оставаться в неведении, какое положение она нарушила или не соблюла при комплектации и направлении в Рособрнадзор документов.

- обратная связь между образовательной организацией и должностным лицом Рособрнадзора, проверяющим документы и выносящим «вердикт» о неустранении несоответствий, отсутствует. Т.е., если должностное лицо Рособрнадзора самостоятельно умозаключило, что для того, чтобы понять устранено или нет то или иное несоответствие ему не хватает одно-двух локальных актов образовательной организации, никаких запросов о предъявлении таких документов в образовательную организацию не делается, просто указывается на отсутствие таких документов и делается вывод о не устранении несоответствия. Выдержка из письменной позиции Рособрнадзора «...закон не предусматривает запрос дополнительных документов при не подтверждении устранения выявленных несоответствий» [5; с. 5].

На практике, в истребованных через арбитражный суд актах проверки, должностными лицами Рособрнадзора констатируется, что решение о неустранении несоответствий (такое решение является основанием приказа о лишении образовательной организации государственной аккредитации) принято на основании, например, отсутствия в представленном образовательной организации ком-

плекте документов одного-двух локальных актов образовательной организации. При этом, должностное лицо не устанавливает факт отсутствия в образовательной организации этих локальных актов в принципе, а устанавливает только отсутствие этих актов в представленном в Рособрнадзор комплекте документов. Напомним, что комплектность документов - плод единоличных умозаключений отдельных должностных лиц Рособрнадзора, не основанных на действующем законодательстве или ведомственных актах.

Оправдывая исключение «обратной связи» образовательной организации и Рособрнадзора, при проведении такой проверки документов можно сколько угодно говорить о борьбе с признаками коррупционных проявлений между проверяющими и проверяемыми, но при этом цинично пренебрегать принципом законности - базой правовой системы нашей страны, который категорически не совместим с решением должностными лицами правовых вопросов на основании своего личного усмотрения.

- отдельно следует упомянуть и об *отсутствии* государственных требований к профильному образованию и (или) квалификации тех самых «должностных лиц» Рособрнадзора, на основании умозаключений которых решаются судьбы образовательных организаций.

Несмотря на то, что проверка соответствия содержания и качества образования федеральным образовательным стандартам и процедура государственной аккредитации образовательной организации это по существу одно и то же (по смыслу конкретных действий, которые выполняют привлеченные к данным процедурам лица – проверка соответствия деятельности образовательной организации федеральным государственным образовательным стандартам), в отличие от установленных государством требований к лицам, допускаемым к проведению процедуры государственной аккредитации - экспертам, должностные лица Рособрнадзора, проверяющие представленные образовательной организации документы в рамках контроля содержания и качества образования согласно ч. 9. ст. 93 Федерального закона об образовании, к экспертам не относятся. Это лица, занимающие в Рособрнадзоре штатные долж-

ности от специалистов до руководителей отделов.

Отсутствуют требования, например, к наличию у такого должностного лица обязательного юридического образования (основная работа при проверке документов – это сопоставление норм и положений федеральных государственных образовательных стандартов и деятельности образовательной организации, отраженной в учебно-методической документации, договорах, локальных документах и т.д.) При этом, очевидно, что применяя к деятельности образовательных организаций положения федеральных государственных образовательных стандартов, должностное лицо Рособрнадзора должно обладать специальными компетенциями, позволяющими умело и грамотно ориентироваться в законодательстве об образовании, трудовом законодательстве и иных отраслях права, т.к. применить отдельную норму стандарта зачастую невозможно и неправомерно без учета совокупности ряда иных норм и положений действующего законодательства.

Кроме того, учитывая, что речь идет не только о юридических навыках проверяющего лица, но и об определенной специфике в зависимости от направлений стандарта (Медицина, Юриспруденция, Экономика, Энергетика, Биология и т.д.) с которым данное лицо работает в каждом конкретном случае (в зависимости от образовательной организации, в которой проверяется качество), полагаем, что сотрудник Рособрнадзора должен подтвердить и свое соответствие той или иной специфике.

В письменных отзывах на иски образовательных организаций Рособрнадзор следующим образом описывает свое участие при проверке документов образовательной организации: «Образовательная организация должна доказать устранения выявленных несоответствий посредством представления документов, *перечень которых неограничен в связи с соблюдением представленных законом прав*. Представляемые документы должны быть укомплектованы таким образом, чтобы лицо, уполномоченное на проведение проверки представленных документов и сведений, имело возможность сделать обоснованный вывод об устранении выявленных несоответствий» [5; с. 5].

Получается, что некие, указанные Рособрнадзором *представленные законом права* в данном случае только вредят образовательным организациям. Образовательным организациям гораздо удобнее было бы иметь в распоряжении конкретные критерии комплектности документов, которые удовлетворяли бы представления должностных лиц Рособрнадзора о *полном комплекте документов*.

На практике же, образовательная организация не обладает информацией ни о компетентности должностного лица Рособрнадзора, проверяющего ее документы, ни тем более о его возможностях и способностях анализировать и сопоставлять нормы действующего законодательства и представленные образовательной организацией документы.

Какую ответственность понесет такое должностное лицо в случае банальной технической опечатки в скрываемом Акте проверки или неверном выводе относительно представленной документации, неясно. Ясно одно, что от умозаключения неизвестного образовательной организации должностного лица Рособрнадзора зависит, возобновят ли действие государственной аккредитации либо лишат с официальным объявлением о несоответствии деятельности организации федеральным государственным образовательным стандартам.

Для справки, считаем необходимым указать, что лишение государственной аккредитации, по существу является:

- лишением образовательной организации права официально осуществлять образовательную деятельность в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами; права на осуществление образовательной деятельности на равных условиях с иными участниками рынка образовательных услуг; лишением возможности выполнять условия заключенных договоров об оказании услуг с заказчиками – обучающимися;

- лишением обучающихся трудовых, социальных и иных прав и гарантий в соответствии с действующим законодательством (оплачиваемые на работе учебные отпуска, использование в оплате обучения материнского капитала, отсрочка от службы в армии на период обучения, временная регистрация

для студентов-иностранцев на период обучения, возможность на любом этапе освоения образовательной программы продолжить обучение в другом вузе с учетом уже освоенных учебных дисциплин и практик);

- лишением научно-педагогических работников образовательной организации прав на соискание ученых званий доцента и профессора, несмотря на значительный стаж педагогической деятельности, результаты научной и педагогической деятельности, и иные труды и достижения направленные на повышение своего научно-педагогического статуса.

Мы перечислили только основные последствия для образовательной организации и заказчиков ее услуг, которые наступают непосредственно после издания приказа Рособрнадзором о лишении государственной аккредитации.

Для предотвращения названных последствий, образовательные организации, которые не намерены уходить с рынка образовательных услуг, вкладывают огромные денежные средства, а также мобилизуют все трудовые и управленческие ресурсы, обращаются в арбитражный суд за защитой своих прав и законных интересов.

Если сопоставить практику применения Рособрнадзором ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании и последствия такого применения законодательства для образовательных организаций, которые, как правило, насчитывают не одну сотню штатных единиц сотрудников и научно-педагогических работников и не одну тысячу обучающихся, имеют более чем двадцатилетнюю историю, являются культурными центрами в своих регионах, возникает ряд закономерных вопросов:

Отвечают ли принципам законности ненормативные акты Рособрнадзора о лишении государственной аккредитации образовательных организаций, принятые на основании личного усмотрения отдельного должностного лица государственного органа?

Допустимо ли государственному органу скрывать от образовательной организации результаты проверки представленных ею доказательств отсутствия нарушений, которые, безусловно, имеют отношения к деятельности такой организации, хотя бы потому что, что установление Рособрнадзором факта не-

устранения нарушений ведет к лишению организации государственной аккредитации?

Допустимо ли, с точки зрения принципов существующей правовой системы Российской Федерации, при правовой неопределенности вопроса о комплектности документов, отсутствии каких либо ведомственных актов и разъяснений, устанавливающих критерии оценки документов, представленных образовательной организацией в качестве доказательств, целенаправленно толковать факты против образовательной организации, при проведении контрольно-надзорных мероприятий?

Соразмерна ли мера, принимаемая Рособрнадзором в отношении образовательных организаций (ведущая к их ликвидации или к банкротству) с действительной виной образовательной организации, если по существу основанием для лишения государственной аккредитации образовательной организации является расхождение представлений относительно комплектности документов образовательной организации и отдельного должностного лица Рособрнадзора, который единолично умозаключает, что образовательная организация не так укомплектовала доказательства отсутствия нарушений?

Обладает ли Рособрнадзор действительными доказательствами законности и обоснованности причин и обстоятельств, послуживших основанием для издания приказов о лишении государственной аккредитации для того, чтобы правильно применять ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании в отношении образовательных организаций?

Способны ли должностные лица Рособрнадзора, на которых возложена миссия практически по определению судьбы образовательной организации, осознавать и нести ответственность за последствия отражения в актах проверки их единоличных умозаключений, которые отражаются не только на образовательной организации, но и физических лицах, являющихся его студентами, сотрудниками и членах их семей?

Принимается ли должностными лицами Рособрнадзора при применении ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании во внимание позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в постановлениях от 12.05.98, N 14-П, от 30.07.2001 N 13-П, от 21.11.2002 N 15-П [10] о том, что меры госу-

дарственного принуждения должны применяться с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств?

За два года неверного применения Рособрнадзором ч. 9 ст. 93 Федерального закона об образовании и не одного десятка арбитражных процессов по искам образовательных организаций, направленных на признание приказов Рособрнадзора о лишении государственной аккредитации недействительными, начинает формироваться арбитражная практика рассмотрения аналогичных судебных дел, когда суд по существу рассматривает, анализирует и устанавливает именно факты, ставящие под сомнение законность оснований для их издания [6; 7; 8].

Библиографический список:

1. Постановление Правительства РФ от 15.07.2013 N 594 (ред. от 22.11.2016) "Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки"
2. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017)

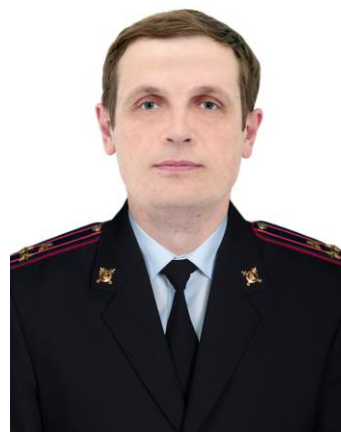
3. Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ (ред. от 05.12.2016) "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017)
4. Письмо Рособрнадзора от 30.11.2015 № ПО-14182/07-7020
5. Отзыв Рособрнадзора на апелляционную жалобу ЧОУ ВО «Институт управления» на решение Арбитражного суда г. Москвы от 16.02.2016 по делу № А-40-237665/2015
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.11.2016 по делу № А40-237665/2015
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.11.2016 по делу № А40-21185/16-149-158
8. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25.10.2016 № А40-159857/16-147-1391
9. Письмо Рособрнадзора от 16.11.2016 № ИЛ-14729/07-8955
10. Постановления Конституционного Суда РФ от 12.05.98, N 14-П, от 30.07.2001 No 13-П, от 21.11.2002 No 15-П

©Полозова К.А., 2016

Б.А. Спасенников

Профессор кафедры уголовного права
и процесса Института управления,
доктор юридических наук,
профессор

Б. А. Швырев

Старший преподаватель кафедры информа-
ционной безопасности Краснодарского
университета МВД России,
кандидат физико-математических наук,
магистр права, полковник полиции

Три подхода к анализу эффективности электронного наблюдения за заключенными в зарубежных странах

В статье определяются подходы для анализа эффективности электронного мониторинга. Определены характеристики подходов. Приведен сравнительный анализ рассматриваемых подходов.

Ключевые слова: электронный мониторинг, экономическая эффективность, анализ данных.

Система электронного наблюдения за заключенными в России используется с 2009 года, первые годы в тестовом режиме, а начиная с 2014 года внедрена во всех регионах. Накопленный опыт эксплуатации системы требует систематического анализа для выявления явных и скрытых особенностей, трудностей и разработки путей их устранения, направленных на совершенствование системы электронного наблюдения заключенных. В сложных экономических условиях, в которых находится наша страна, главный и актуальный вопрос – это вопрос эффективного расходования средств на содержание заключенных. Задача оценки экономической эффективности электронного наблюдения за заключенными является многофакторной сложно формализуемой задачей.

Рассмотрим опыт зарубежных стран посвященный анализу и оценке эффектив-

ности использования системы электронного наблюдения за заключенными.

Определение относительных затрат и выгоды от использования системы электронного наблюдения, которая включает различные электронные устройства и инструменты наблюдения, является сложным заданием, но анализ стоимости и эффективности поможет определить перспективные направления развития и выявить слабые стороны.

В начале проводится анализ материальных затрат основанный на информации, которая может быть собрана и представлена для анализа в денежном эквиваленте [1, с. 612-633; 2].

Оценка эффективности электронного наблюдения согласно [3] определяется с точки зрения «бухгалтерии». Полагают, что оценка определяется зависимостью между затратами и выгодой. На практике рассмат-

ривают три подхода к анализу эффективности и стоимости:

- 1 – индивидуальный;
- 2 – финансирования целевых программ;
- 3 – общественный и социальный.

Данное деление является укрупненным, позволяющим понять основные значимые направления анализа. Эти понятия позволяют специалистам реализующим программу электронного мониторинга проводить приблизительные качественные оценки результатов деятельности своего подразделения или других больших и/или меньших организаций пенитенциарного профиля.

Первый подход основан на определении затрат и выгоды от использования системы электронного наблюдения одним потребителем или применения ее для наблюдения за одним преступником. Сопоставление затрат на обслуживание каждого преступника и полученной выгоды позволяет определить чистую прибыль. При реализации государственных программ используется расчёт стоимости применения GPS наблюдения к каждому преступнику с учетом степени тяжести его преступления. Такие расчеты позволяют оценить расходы и выгоду всей системы в целом, исходя из затрат на одного преступника.

Второй подход к анализу стоимости и эффективности связан с финансированием по целевым программам или спонсорской помощью. Служащие должны определить основания и направления использования фондов, предполагаемые результаты использования, реализуемые преимущества и чистую прибыль. В каждой целевой программе есть четко определённая материальная и нематериальная прибыль. Такой подход даёт общее представление о направлении расходования средств и позволяет оценить перспективу использования для совершенствования служебной деятельности.

Третий подход, предоставляет общественный и социальный взгляд. Социальный взгляд обеспечивает широкий подход к анализу затрат и преимуществ различных технологий электронного наблюдения как в социальной сфере, так и для общества в целом. Такой подход включает много позиций

из тех, что рассматриваются в первых двух для анализа стоимости и рентабельности, а так же учитываются «альтернативные издержки, понесённые человеком в результате участия в системе электронного наблюдения». Анализ стоимости и эффективности является самым трудоёмким, потому, что необходимо считать «вторичные или косвенные эффекты программы», такие как воздействие на другие социальные группы «не причастные к программе».

Например, можно считать, что GPS слежение за высокорисковыми преступниками на сексуальной почве, позволяет создать чувство защищённости и безопасности для широкой общественности, что трудно измерить, не проводя социологического исследования общественного мнения.

Другое общественное преимущество, которое трудно измерить, заключается в изменении сознания преступника при использовании GPS слежения, не содержание его в тюрьме и изменение самого взгляда на судебное наказание. Для измерения этого преимущества требуются длительные наблюдения и социологические и психологические исследования.

Ни один из рассмотренных подходов не является оптимальным. Каждый тип анализа обеспечивает наибольшую полноту оценки стоимости и эффективности применительно к соответствующим запросам и потребностям.

Например, для агентств реализующих систему электронного наблюдения, интересующихся стоимостью затрат и получаемой выгоды от системы электронного наблюдения целесообразно использовать первый подход. Им необходимо рассмотреть перечень затрат и потенциальной выгоды, такие как повышение заработной платы сотрудников или психологические преимущества. Некоторые агентства, с другой стороны, должны продемонстрировать инвестору или спонсору, преимущества электронного наблюдения относительно других затрат. Иногда агентствам требуется демонстрация больших общественных выгод от использования системы электронного наблюдения, в этом случае применим третий подход.

Хотя эти три подхода к оценке эффективности электронного наблюдения дают

неплохие результаты, руководители должны сконцентрироваться на первых двух подходах. Это не означает, что общественный и социальный подход не важен или, что его невозможно провести. Скорее этот подход требует больших усилий и продолжительных исследований, что может не оправдать искомый результат.

Поскольку администраторы агентств нуждаются в достоверных индикаторах эффективности, для информирования законодательных органов, эффективность одного потребителя (первый подход) и спонсорское финансирование (второй подход) являются самыми оптимальными.

Политики хотят знать относительные преимущества электронного наблюдения на уровне наблюдающего инспектора, а так же преимущества различных программ наблюдения.

Для компетентного анализа эффективности и стоимости по первым двум подходам агентства зарубежных стран обращаются к компетентным научно-исследовательским организациям. При этом возникают следующие трудности в проведении анализа:

1 – идентификация затрат преимущества;

2 – измерение идентифицированных затрат;

3 – перевод всех затрат и преимуществ в денежную стоимость. Идентификация всех затрат и преимуществ, связанных с электронным наблюдением, является чрезвычайно трудной.

Нехватка или неоднозначность оценки различных технологий электронного наблюдения препятствует разработке четких критериев их эффективности. Обрабатываемые данные должны тщательно исследоваться и проверяться. Наблюдения должны проводиться непрерывно длительное время и по возможности повторятся. Для анализа общественного или социального эффекта необходимо проведение социологического исследования общественного мнения.

Качественно выполненный анализ эффективности использования системы электронного наблюдения за заключенными позволяет определить правильные стратегии развития и совершенствования исполнительной системы, а так же достоверно судить о стоимости электронного наблюдения в системе уголовного правосудия.

Библиографический список:

1. Craig L., Beech A., Browne K. Cross-validation of the risk matrix 2000 Sexual and Violent Scales // Journal of Interpersonal Violence. 2006. Т. 21. № 5. С. 612-633.
2. Crowe A.H., Schaefer P.J. Identifying and intervening with drug-involved youth. Lexington, KY: American Probation and Parole Association, 1992.
3. Rossi P., Freeman H., Lipsey M. Evaluation: A systematic approach Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.

©Спасенников Б.А, Швырев Б. А., 2016

О.Ю. Скрипчук

Магистрант ЧОУ ВО «Институт управления»

Грабеж: субъект преступления

В статье рассматриваются признаки субъекта преступления, предусмотренного статьей 161 УК РФ.

Ключевые слова: субъект преступления, признаки субъекта, хищение, грабеж.

В число обязательных элементов состава преступления входит субъект преступления. Действующее уголовное законодательство не использует этот термин. Для его обозначения в статьях Кодекса употребляются слова «виновный», «лицо, совершившее преступление», «лицо, признанное виновным в совершении преступления», просто «лицо» и пр. [1, с. 26-32; 2, с. 13-18].

Субъект преступления в общем смысле слова — это лицо, совершившее преступление. В теории уголовного права субъект преступления — это «лицо, совершившее общественно опасное деяние и способное в соответствии с законом нести за него уголовную ответственность». Понятие субъекта преступления предполагает выяснение широкого круга вопросов, включающих установление правовых признаков, характеризующих, с одной стороны, субъект преступления по уголовному праву, а с другой — моральный облик преступника. Понятие субъект преступления отражает лишь некоторые из многочисленных свойств личности виновного, имеющих уголовно-правовое значение, с которыми уголовный закон связывает способность человека нести уголовную ответственность. Согласимся с правоведом, которые рассматривают личность преступника в рамках понятия «субъект преступления». Указанные правоведы условно подразделяют признаки субъекта преступления на две группы: признаки уголовно-правового характера и криминологические [9, с. 61-67; 10, с. 58-62]. К первой группе относятся только те

признаки, которые имеют значение для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности. Они закреплены в статье 19 УК РФ: «Уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом» [3, с. 13-18; 4]. Таким образом, «субъект преступления — это вменяемое физическое лицо (человек), достигшее определенного возраста, виновно совершившее общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, и способное понести за него уголовную ответственность».

Субъект посягательств на собственность может быть разным. Согласно статье 20 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее 16 лет к моменту совершения преступления. В части 2 этой статьи перечислены отдельные преступления, при совершении которых ответственность наступает с 14 лет [16, с. 124-126]. Уголовной ответственности за грабеж (ст. 161 УК РФ) подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста.

Анализ составов преступлений с более низким возрастом уголовной ответственности позволил правоведом определить, по каким критериям они выделены. Прежде всего, это преступления достаточно высокой степени общественной опасности. Но, это не единственный и даже не основной критерий. Из числа преступлений, отнесенных к категории тяжких и особо тяжких, лишь небольшая часть влечет ответственность с 14 лет. В то

же время не все преступления, включенные в перечень, являются тяжкими. Важным критерием является форма вины: подростки в возрасте от 14 до 16 лет не несут ответственности за неосторожные преступления. При дифференциации возраста уголовной ответственности учтена и возможность несовершеннолетних по-разному воспринимать и оценивать различные правовые запреты [21, с. 66]. Согласимся с мнением исследователей, которые считают, что в перечень преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет, включены лишь такие деяния, общественная опасность которых доступна пониманию в этом возрасте [5, с. 53-61; 6, с. 149-150; 7, 52-57; 8]. Это посягательства на жизнь, здоровье, половую свободу, отношения собственности и общественную безопасность.

Субъект грабежа – это вменяемое физическое лицо (человек). Остановимся более подробно на понятии «вменяемость». Как отмечают правоведы, «под вменяемостью лица в уголовном праве понимается его способность к осознанно-волевой регуляции поведения во время (в момент) совершения деяния. Вменяемость лица (психическое здоровье человека) презюмируется теорией права, правовым регулированием» [11, с. 19-22; 12, с. 31-37; 13, с. 33-40]. Уголовный закон трактует только понятие «невменяемость» (статья 21 УК РФ), которое в судебно-следственной практике подлежит доказыванию. Исследователи выделяют два критерия невменяемости: медицинский (биологический) и юридический (психологический, судебно-следственный) [14, с. 33-36; 15, с. 26-31]. Лицо признается невменяемым, если оно не осознавало фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия), не могло руководить ими во время (в момент) совершения деяния, предусмотренного статьями Особенной части УК, вследствие психического расстройства или слабоумия. Необходимо отметить, что лицо может страдать психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости. Невменяемость лица устанавливается судом.

В качестве одного из основных признаков субъекта преступления статья 19 УК называет физическое лицо. Это означает, что субъектом преступления может быть только человек. Уголовное право, рассматривая пре-

ступление как социальное явление, субъектом преступления признает только человека, обладающего разумом и относительной свободой воли. Это соответствует задачам уголовного законодательства, его принципам, понятию преступления и целям наказания, сформулированным в законе. Люди, совершая различные проступки, в том числе и преступления, могут объединять свои усилия и принимать коллективные решения. Однако уголовная ответственность всегда строго персональна. Согласимся с точкой зрения, что человек – существо многостороннее, специфической его особенностью является наличие у него «двойной» жизни: внешней, непосредственно наблюдаемой, и внутренней, скрытой от посторонних. Внутренний мир называют субъективным, подчеркивая тем самым его принадлежность конкретному субъекту. Внутренняя жизнь человека осознанна. Он отдает себе отчет в своих мыслях, целях, поступках. Он властвует над собой, подчиняет одни мотивы другим, ставит должное выше желаемого. Субъективность, как отмечают правоведы, связана со способностью индивида превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования, оценивать способы деятельности, контролировать ее ход и результаты [28, с. 26-33; 29, с. 17-23; 30, с. 18-23; 31, с. 15-25].

В связи с этим вернемся к классификации признаков субъекта преступления. Ко второй группе указанных признаков исследователи относят криминологические: моральный облик преступника, его психологические и психические особенности и т.п. [32, с. 4-8; 33, с. 47; 35, с. 38-42; 36, с. 65-73]. Этот широкий круг социально значимых качеств лица, совершившего преступление, образует понятие «личность преступника». Согласимся, что «недопустимо рассматривать проблему личности преступника как чисто криминологическую, оставляя для уголовного права только признаки субъекта преступления» [24, с. 13-17; 25, с. 17-22; 26, с. 119-122; 27, с. 120-124]. Определяя понятие «личность преступника» с позиции уголовного права, необходимо иметь в виду, что учет личности связывается законом прежде всего с решением вопросов индивидуализации наказания и освобождения от уголовной ответственности и наказания. В силу специ-

фических задач, стоящих перед криминологией и уголовным правом, определения личности преступника, даваемые этими науками, не вполне совпадают. Однако и криминологию, и уголовное право интересуют лишь социально значимые свойства личности. Эти свойства или признаки «могут быть и демографического, и психологического, и биологического (психофизического) характера, но лишь в той мере, в которой они имеют социальное значение» [17, с. 46-50; 18, 70-71; 19, с. 25-32; 20, с. 49-55].

Рассматриваемое посягательство относится к корыстно-насильственным преступлениям и характеризуется дерзостью, изощренностью. Открытый способ хищения значительно повышает общественную опасность совершаемых действий и свидетельствует о дерзости преступника, пренебрегающего опасностью изобличения и сознательно идущего на риск задержания с поличным. При этом грабитель не исключает и того, что ему, возможно, придется прибегнуть к применению насилия для завладения вещами, чтобы преодолеть сопротивление кого-либо. Практика свидетельствует, что ненасильственный грабеж, квалифицируемый по части 1 статьи 161 УК РФ, в ситуациях, когда грабитель сталкивается с сопротивлением потерпевшего или с иным противодействием хищению, в 4 из 10 случаев перерастает в насильственный. Субъект грабежа действует с пренебрежением и цинизмом, он, «осознавая высокую потенциальность применения насилия для достижения своей цели, сознательно идет на значительный и заведомый риск» [34, с. 35-41].

Изучая психологические особенности корыстных преступников, Б.А. Спасенников отмечает, что для большинства «характерен высокий уровень притязаний при низких возможностях их реализации... Потребности лиц, совершивших корыстные преступления, обычно отличаются узостью, ограниченностью, материально-утилитарным характером; также люди отличаются неразвитостью социально необходимых потребностей; извращенными потребностями». И далее: «многие корыстные преступления связаны с алчностью и завистью, со стремлением «быть не хуже других», иметь обилие модных вещей... Главной антисоциальной стороной этих потребностей является изыскание не-

правомерных источников их удовлетворения» [22, с. 6-10; 23, с. 17-22].

Таким образом, открытый способ изъятия имущества не только объективно повышает опасность хищения, но и свидетельствует о большей опасности его субъекта.

Библиографический список:

1. Белоус В.Г., Голодов П.В., Спасенников Б.А. Актуальные проблемы юридической психологии // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 26-32.
2. Белоус В.Г., Дивитаева О.А. [О научной школе медицинского права НОУ ВПО «Институт управления»](#) // [На пути к гражданскому обществу](#). 2015. № 2 (18). С. 11-16.
3. Белоус В.Г., Дивитаева О.А. Становление научной школы уголовного права НОУ ВПО «Институт Управления» // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1 (17). С. 13-18.
4. Белоус В.Г., Мартынов Е.А. Уголовный кодекс Российской Федерации: этапы его совершенствования (1996-2013 гг.): учебное пособие. Архангельск, 2013.
5. Бычкова А.М. Региональная динамика состояния общественно-опасного поведения лиц, не достигших возраста уголовной ответственности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 1. С. 53-61.
6. Бычкова А.М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» доктора юридических наук, доктора медицинских наук, профессора Б.А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5-6 (33-34). С. 149-150.
7. Вилкова А.В. К вопросу о криминологической характеристике несовершеннолетних осужденных // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 3-4 (43-44). С. 52-57.
8. Рачкова А.М. Криминологическая характеристика общественно опасного поведения малолетних и его предупреждение: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бай-

кальский государственный университет экономики и права. Иркутск, 2004.

9 Скрипчук О.Ю., Кондратовская С.Н. Вопросы определения объектов посягательств на собственность // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1-2 (53-54). С. 61-67.

10. Скрипчук О.Ю., Мухтарова Е.А. Предмет преступлений против собственности // Вестник международного института управления. 2016. № 1-2 (137-138). С. 58-62.

11. Спасенников Б.А. К вопросу о вменяемости подсудимого // Российский судья. 2013. № 4. С. 19-22.

12. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ неврастении у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 31-37.

13. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 33-40.

14. Спасенников Б.А. Лечебно-диагностическая тактика при расстройствах личности в практике пенициарной медицины // Российский медицинский журнал. 2015. Т. 21. № 6. С. 33-36.

15. Спасенников Б.А. Медико-правовые аспекты невменяемости в иностранном законодательстве // Медицинское право. 2015. № 6. С. 26-31.

16. Спасенников Б.А. О 7-летнем возрасте уголовной ответственности // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 36. С. 124-126.

17. Спасенников Б.А. Принудительное психиатрическое лечение социопатических расстройств // Медицинское право. 2016. № 4. С. 46-50.

18. Спасенников Б.А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 70-71.

19. Спасенников Б.А. Расстройства личности у осужденных в уголовно-исполнительной практике // Вестник Кузбасского института. 2015. № 1 (22). С. 25-32.

20. Спасенников Б.А. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. № 2. С. 49-55.

21. Спасенников Б.А., Агеева М.П. Возраст условия уголовной ответственности (Комментарий статьи двадцатой Уголовного кодекса России) // Актуальные вопросы образования и науки. 2013. № 5-6. С. 66.

22. Спасенников Б.А., Белоус В.Г., Швырев Б.А. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 6-10.

23. Спасенников Б.А., Голодов П.В. Актуальные проблемы правовой психологии // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 17-22.

24. Спасенников Б.А., Копыткин С.А. О проблемах судебно-психиатрической экспертизы в судебно-следственной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 13-17.

25. Спасенников Б.А., Лаверычева С.А. Социально-правовая характеристика осужденных, отбывающих наказание в следственных изоляторах // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 17-22.

26. Спасенников Б.А., Пономарев С.Б. Проблема вменяемости в российском уголовном праве XVI-XIX веков // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2016. Т. 26. № 2. С. 119-122.

27. Спасенников Б.А., Смирнов А.М. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях // Социологические исследования. 2015. № 9 (377). С. 120-124.

28. Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Вопросы истории уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения // Вестник международного института управления. 2010. № 11-12. С. 26-33.

29. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. Криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 5-6 (45-46). С. 17-23.

30. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. Неврологический статус осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции // Вестник международного Института управления. 2014. № 1-2 (125-126). С. 18-23.

31. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. Уголовно-правовое значение психических расстройств в иностранном законодательстве // Вестник Кузбасского института. 2015. № 1 (22). С. 15-25.

32. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н., Вилкова А.В. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 4-8.

33. Спасенников Б.А., Черныш Е.В. О преступлении в уголовном законе (Комментарий статьи четырнадцатой Уголовного кодекса России) // Актуальные вопросы образования и науки. 2013. № 5-6. С. 47.

34. Спасенников Б.А., Швырев Б.А., Смирнов А.М. Актуальные проблемы уго-

ловного права: обзор литературы // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3-4 (49-50). С. 35-41.

35. Тихомиров А.Н., Спасенников Б.А. Судебная оценка психических расстройств, не исключающих вменяемости // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 3-4 (43-44). С. 38-42.

36. Швырев Б.А., Белоус В.Г., Кудряшов О.В. Психические расстройства и уголовная ответственность в иностранном уголовном законодательстве // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 5-6 (51-52). С. 65-73.

© Скрипчук О.Ю., 2016

Р.С. Ерёмко

**Студент 2-го курса юридического факультета
ЧОУ ВО «Институт управления» (г. Архангельск),
помощник заместителя председателя
Архангельского областного собрания депутатов, председателя
комитета по науке и высшей школе И.А. Чеснокова;
член Русского географического общества**

Научный руководитель – Чертова Надежда Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

Нововведения в нормативно-правовом регулировании защиты прав инвалидов в России в соответствии с Конвенцией ООН о правах инвалидов

В статье анализируются нововведения в нормативно-правовом регулировании защиты прав инвалидов в России в соответствии Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и Конвенцией ООН о правах инвалидов.

Ключевые слова: Конвенция ООН о правах инвалидов, медико-социальная экспертиза, технические средства реабилитации, материнский капитал, права инвалидов.

Принятие любых законов в социальной сфере всегда проходит непросто, т.к. они касаются условий жизни людей, их привычек. В шестом созыве работы Госдумы Федерального собрания Российской Федерации только Комитетом по труду, социальной политике и делам ветеранов было подготовлено 145 таких законов, принятых без проблем вследствие их тщательной общественной экспертизы и широкого обсуждения с теми, кого они касались. «Мы консультируемся с общественными объединениями инвалидов, когда принимаем решения, непосредственно затрагивающие их интересы. Отмечу, что именно в уходящем созыве мы ратифицировали Конвенцию Организации Объединенных Наций о правах инвалидов, а также привели наше законодательство в соответствие с требованиями Конвенции, внесли изменения в 25 законодательных актов России, чтобы обеспечить ее исполнение в полном объеме», – пишет в статье «Открытый парламент» в «Российской газете» 29 июня 2016 года заместитель председателя Государственной думы (шестого созыва) Андрей Исаев.[1, с.3].

В России сегодня 13 миллионов зарегистрированных людей с инвалидностью (каждый десятый житель страны). Последние

обновления в классификациях и критериях установления инвалидности были внесены по приказу Министерства труда России 17 декабря 2015 года, который заменил злосчастный приказ Министерства труда и социальной защиты № 664 н «О классификациях и критериях, используемых при проведении медико-социальной экспертизы», принятый в начале 2015 года. При определении степени инвалидности опирались на «ограничения жизнедеятельности»; в основе лежало то, насколько человек способен к труду, учёбе, самообслуживанию. То есть инвалидность рассматривалась как социальное явление. С чем связаны изменения (переход на медицинские показатели) в законодательстве по установлению инвалидности? В 2008 году в России была подписана, в 2012-м ратифицирована Конвенция о правах инвалидов. Все государства-участники заинтересованы предоставить инвалидам возможности для достижения и сохранения максимальной независимости, их полное вовлечение и включение во все стороны жизни общества. Потребовались совершенно новые подходы к реабилитации и проведению медико-социальной экспертизы (далее по тексту – МСЭ), чтобы всё было объективно и про-

зрачно в установлении инвалидности. Правом устанавливать инвалидность гражданам в России наделены только государственные учреждения медико-социальной экспертизы, подведомственные Минтруду. Также в 2016 году значительно расширен перечень заболеваний, являющихся основанием для установления инвалидности. Новые классификации и критерии, используемые при МСЭ, утверждены приказом Минтруда России от 17 декабря 2015 г. В нём конкретизированы степени выраженности нарушений функций организма в процентах. Это даёт возможность устанавливать инвалидность на основе объективных, нормативно установленных критериев. Объективно и правильно решаются вопросы, связанные с установлением инвалидности. И исключается субъективность оценки экспертов. То есть гражданин может теперь найти в этом приказе свой диагноз и узнать, какая инвалидность ему положена. Зная свой диагноз, теперь любой гражданин может сориентироваться в количественной оценке степени выраженности нарушенных функций своего организма. Однако диагноз никогда не был определяющим фактором при установлении инвалидности. Каковы условия признания лица инвалидом? Во-первых, это нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами. Во-вторых, это ограничение жизнедеятельности. То есть частичная или полная утрата способности или возможности самообслуживания, самостоятельного передвижения, ориентирования, общения, обучения и трудоспособности, контроля за своим поведением. И третье условие – необходимость в мерах социальной защиты, включая реабилитацию. То есть, если заболевание имеется, но оно не приводит к ограничению жизнедеятельности и необходимости мер социальной защиты, инвалидность не установят. Если диагноза в приказе нет, врачи МСЭ будут руководствоваться «Правилами признания лица инвалидом», действующими с 2006 года. И примут решение, исходя из степени выраженности нарушенных функций организма и ограничений категорий жизнедеятельности, к которым они приводят.

Иногда лечебное учреждение отказывает в направлении на МСЭ. В таком случае, если лечебное учреждение не находит осно-

ваний для такого направления, тогда оно обязано дать справку об отказе. К ней гражданин прикладывает необходимые медицинские документы и направляет в бюро МСЭ, где рассматривается этот пакет документов и, возможно, находятся основания для признания лица инвалидом в отличие от лечебного учреждения. Зная свои права, инвалиды и их родные не опускают руки в таких ситуациях, а обращаются в бюро МСЭ. Бюро МСЭ обязано опираться на законодательство, учитывать все критерии, медицинские и социальные факторы. К сожалению, некоторые граждане воспринимают МСЭ как некий репрессивный орган, перед которым поставлена задача не устанавливать инвалидность.

Более того, если гражданин или его законный представитель не согласен с решением бюро МСЭ, то в течение одного месяца он вправе обжаловать решение бюро МСЭ. В адрес главного бюро в этот срок направляется письменное заявление. Его можно подать в бюро, которое проводило МСЭ, либо в главное бюро. Если гражданин не согласен с решением, главный эксперт по МСЭ может поручить её повторное проведение другим специалистам. Решение главного бюро можно обжаловать, опять же в течение месяца, через заявление, которое надо подать в главное бюро или уже в Федеральное бюро. Их адреса можно узнать на сайте www.mse29.ru, там есть раздел «Нормативные документы», в котором можно найти и текст приказа с новыми классификациями и критериями.

Это позиция официальных лиц. Отчасти она правильная. Но почему, например, родители детей-инвалидов считают, что чиновники не изменили ущербные критерии приказа 664 н, а приняли ещё более дискриминационный приказ 1024 н? Приказ 664 н не учёл такие заболевания, как инсулинозависимый сахарный диабет, бронхиальная астма, расщелина губы и нёба, фенилкетонурия. Граждане с этими заболеваниями (чаще всего дети) перестали существовать для системы социальной защиты. Трудно стало получить инвалидность даже для детей с синдромом Дауна! По данным Пенсионного фонда за последний год из отчётности выпали 230 тысяч человек – «сокращённых инвалидов», в том числе дети и умершие инвалиды. А по данным Минтруда и Минздрава в настоящее время в стране 612 тысяч детей -

инвалидов; 12785 детей страдают жизнеугрожающими и хроническими прогрессирующими редкими заболеваниями, приводящими к сокращению продолжительности жизни или инвалидности; 5000 детей имеют диагноз «фенилкетонурия»; 1500 детей больны муковисцидозом, у 10 детей из 100 тысяч диагностируется инсулинозависимый сахарный диабет... И они вместе с родителями борются за инвалидный статус, обращаясь на «прямую линию» с президентом страны. Данный вопрос взяла на контроль председатель Совета федерации Федерального собрания РФ В.И. Матвиенко. Новый приказ восстановил права некоторых больных. Но в 2016 году по всей России проверено пять тысяч отказов в установлении инвалидности детям. По данным Минтруда РФ, в 2015 году чаще всего в бюро МСЭ отказывали детям с расщелиной губы и нёба – процент отказов в инвалидности вырос на 29 процентов при первичном освидетельствовании и на 23 процента при повторном. Эксперты бюро МСЭ отказали 32 процентам детей с диагнозом «фенилкетонурия». Минтруд РФ вместе с Федеральным бюро МСЭ, проведя мониторинг применения документов, часть «выпавших» диагнозов (фенилкетонурия, инсулиновый сахарный диабет, хронические болезни нижних дыхательных путей, заячья губа, врождённые аномалии системы кровообращения, деформации костно-мышечной системы) вновь включил в документ. Эксперты всех бюро получили указания, что если в классификациях и критериях нет какого-то диагноза, то надо руководствоваться «Правилами признания лица инвалидом», которые не изменились. Всего же диагнозов, по которым могли отозвать инвалидность, было двадцать четыре. Критерии по этим заболеваниям определялись так, что дотягивали только до 30 процентов. Если ребёнок получал своевременную помощь и родительскую заботу, то получить 40 процентов, необходимых для установления инвалидности, практически было невозможно.

«Стойкое нарушение функций организма измеряется по шкале от 0 до 100 процентов, с шагом в 10 процентов. Чтобы получить третью группу инвалидности, нужно иметь 40-60 процентов, вторую – 70-80 и около 90-100 – первую. Статус «ребёнок-инвалид» даётся при 40 процентах и более.

Сами сотрудники МСЭ признаются, что путаются в процентах. Как из высчитать? По некоторым заболеваниям 40 процентов и соответственно инвалидность дают «умеренные нарушения», а «незначительные нарушения» – это уже 30 процентов и соответственно лишение всякой социальной поддержки. И где тот эксперт, который знает разницу между незначительным и умеренным?

– Установление этих процентов – очень субъективно, – считает Александр Лысенко, научный руководитель и председатель правления Национального центра проблем инвалидности, эксперт ОНФ по делам инвалидов. – Хотели сделать точную систему оценки нарушений функций организма, чтобы бороться с коррупцией. Но в итоге получили ещё больший её всплеск». [2, с.26].

«Эксперты говорят, что предупреждали Министерство труда и социальной защиты о том, что новый приказ не доработан.

– Мы им говорили, что в приказе нужно учесть реабилитационный прогноз, – подчёркивает Александр Лысенко, – оговорить, что без лечения болезнь будет прогрессировать. А так получается, что человека оценивают на фоне проводимого лечения и говорят – у вас ниже процент, чем установлено, поэтому вы не инвалид и лекарства вы лишаетесь. Получается в итоге: чтобы получить шанс стать признанным инвалидом, надо лишиться лекарств. Это ужасно. – Существует утверждённый правительством перечень жизнеугрожающих, хронических прогрессирующих редких заболеваний, которые приводят к сокращению продолжительности жизни. И совершенно бессмысленно дотягивать по ним ребёнка до каких-то определённых процентов, – говорит Наталья Кудрявцева, юрист Московской городской ассоциации родителей детей-инвалидов. – Чем раньше будет оказана всесторонняя поддержка – медицинская, реабилитационная, социальная, – тем выше будет качество жизни этого ребёнка, тем больше будет срок его жизни.

Многие эксперты считают, что необходимо сделать так, чтобы не только инвалидность давала льготы.

– У нас недостаточно развита система предоставления услуг, – объясняет сопредседатель Координационного совета по делам детей-инвалидов и других лиц с ограничени-

ями жизнедеятельности при Общественной палате РФ Елена Ключко. – Если человек нуждается в социальной поддержке, она должна предоставляться независимо от инвалидности. А у нас всё это очень строго привязано к инвалидности.

По факту нынешняя система невыгодна и государству. Сейчас оно платит инвалидам пенсию и оплачивает лекарства. Но если бы у людей была возможность получать необходимые лекарства, то им, возможно, и государственная пенсия была бы не нужна. Необходимо развести эти понятия – инвалидность и соцзащиту». [2, с.27].

Заместитель министра труда и социальной защиты РФ Григорий Лекарев непредвзято объяснил следующие изменения (обновления, нововведения) в правовой защите инвалидов. Ранее при установлении инвалидности комиссия МСЭ опиралась исключительно на экспертное мнение членов комиссии, что приводило к совершенно разным решениям (зачастую необоснованным) при одном и том же состоянии здоровья. В целях объективности в работе комиссий и устранения коррупциогенного фактора были разработаны единые для всей страны классификации и критерии, используемые при установлении инвалидности. Это не кардинальная смена курса с точки зрения подходов к определению инвалидности. Здесь учтены сложившиеся практики в нашей стране и зарубежный опыт. Проекты классификаций и критериев в течение года проходили апробацию в трёх регионах России – в Хакасии, Удмуртии и Тюменской области. Были изучены возможные негативные последствия и риски, которые могли возникнуть при введении классификаций. Освидетельствование проходили и представители общественных организаций инвалидов. Суть апробации заключалась в том, чтобы сравнить результаты освидетельствований одного и того же человека сразу в двух системах – старой и новой. Корректировались классификации, где выявлялось ужесточение подхода. Коррективы проводятся и сейчас. Мониторинг выявил трудности в применении классификаций по ряду заболеваний. В отношении этих случаев было решено указать конкретные заболевания, и классификации были дополнены рядом заболеваний (муковисцидоз, фенилкетонурия...). Полностью устранить субъекти-

визм в МСЭ невозможно. В помощь экспертам МСЭ направлены методические рекомендации по каждому пулу заболеваний с целью ориентации, как поступать в конкретном случае.

Но в любом случае экспертное суждение имеет право на жизнь, т.к. если бы процесс освидетельствования можно было полностью объективизировать и прописать все жизненные ситуации и их комбинации, то экспертиза была бы вообще не нужна. Отдельные перекосы в отношении конкретных решений и нормативных актов должны своевременно исправляться, а любой случай нарушения прав детей не должен оставаться без внимания. То есть необходимо обучать экспертов и следить за правоприменительной практикой. Создание института независимой МСЭ поможет в снятии многих вопросов относительно субъективности конкретной комиссии или ведомства. Спорные случаи (отказы от числа всех обратившихся МСЭ) составляют около 15 процентов. Заболевания сами по себе никогда не означают инвалидности автоматически, важны последствия заболевания у человека. Ведь МСЭ основывается не столько на диагнозе, сколько на том, как это заболевание влияет на человека, насколько вызывает нарушение функций организма. Инвалидность – тяжёлое состояние здоровья с нарушенными функциями, которая устанавливается, когда есть ограничения жизнедеятельности, приводящие к нуждаемости в мерах соцподдержки. Установление статуса «инвалид» не должно подменять собой лечение человека. Гражданам, пришедшим в бюро МСЭ, обязаны помочь и в тех случаях, когда инвалидность не установили, с тем чтобы сориентировать, какая помощь по законодательству им положена. Для экспертов разработано специальное пособие «Этика врача-эксперта МСЭ» во избежание некорректного общения с гражданами. Тем более, что не все здания МСЭ приспособлены для инвалидов, т.е. отсутствие условий доступности накладывают на специалистов дополнительную ответственность обращаться с заявлениями корректно. Если условия не созданы, практикуется выездное освидетельствование.

Технические средства реабилитации, необходимые инвалиду, прописаны в Индивидуальной программе реабилитации или

абилитации (ИПРА) с учётом показаний по имеющимся у гражданина заболеваниям. Сегодня в Федеральный перечень, утверждённый распоряжением правительства РФ от 30 декабря 2005 г. №2347-р, входят трости, кресла-коляски, протезы и ортезы, ортопедическая обувь, противопролежневые матрацы и подушки и многое другое. Перечень находится в открытом доступе, и с ним можно ознакомиться. Все средства реабилитации, которые необходимы инвалиду, прописаны в индивидуальной программе реабилитации. В 15-дневный срок с даты поступления заявления человек уведомляется о постановке на учёт и ему выдается направление на получение ТСР. Заявление на предоставленные услуги можно получить через Интернет на Едином портале государственных услуг.

Сегодня в Интернете популярны сборы денег на технические средства реабилитации (ТСР).

В соцсетях распространены сборы на приобретение ТСР (кресла - коляски, протезы). Но, если человек в них нуждается, эксперты МСЭ это установят, и он получит необходимое средство от государства. Если инвалид приобретёт ТСР самостоятельно, то Фонд социального страхования выплатит компенсацию в рамках установленного размера его стоимости. Семьи, которые воспитывают ребёнка-инвалида, в рамках пилотного проекта Фонда социального страхования РФ «Социальный персональный информационный навигатор» получают письма, где указаны плановые сроки обеспечения ТСР. Эта информация помогает спланировать визит в региональное отделение фонда или принять самостоятельное решение по приобретению технических средств реабилитации из установленного списка с учётом лимита по ценам, а затем получить компенсацию. Представитель ребёнка-инвалида может уведомить сотрудников отделения фонда в том, как удобнее получать информацию об обеспечении ТСР – по электронной почте, СМС или заказным письмом по почте.

«В сложившихся экономических условиях – когда государственный бюджет может выделить строго ограниченный объём средств – нельзя допустить ситуацию, когда этих денег хватит на то, чтобы обеспечить несколько сотен человек высокофункциональными протезами, а на остальных людей

не останется ничего, – поясняют специалисты. В то же время фонд развивает сервисные проекты, для того чтобы с минимальными затратами средств улучшить качество обслуживания людей с инвалидностью.

Один из таких проектов – социальный ПИН: персональный информационный навигатор. Суть сервиса в том, что человек получает информационное письмо с важными данными: какие средства ежедневного ухода, протезы и другие средства реабилитации положены ему в текущем году, где и как их получить, какие процедуры назначены.

Проект стартовал этим летом в четырёх пилотных регионах: Волгограде, Иркутске, Архангельске и Северной Осетии. В первую очередь возможность опробовать новый сервис получили родители с детьми-инвалидами.

– Социальный ПИН – очень ответственный проект, – рассказал в интервью «КП» заместитель председателя ФСС РФ Алексей Кошелев. – Направляя человеку письмо, мы берём на себя обязательства вовремя – исходя из сроков, указанных в этом письме, – обеспечить получателя необходимыми ему средствами реабилитации. Причём срок должен быть исполнен, несмотря на бюрократические процедуры». [3, с.7].

«Снижения расходования средств на обеспечение инвалидов техническими средствами реабилитации не происходит. В этом году, как и в прошлом, в федеральном бюджете заложено почти 30 млрд рублей. Это рекордная сумма для многих лет. Раньше она была значительно меньше и не позволяла обеспечить ТСР всех инвалидов. Последние годы мы обеспечиваем техническими средствами реабилитации примерно 98 процентов инвалидов, нуждающихся в них. Технические средства реабилитации назначаются на основании перечня медицинских показаний и противопоказаний, то есть нуждаемость в технических средствах устанавливается в зависимости от состояния здоровья конкретного инвалида», – заявил заместитель министра труда и социальной защиты РФ Г.Лекарев. [2, с.28].

Ещё одним шагом в усилении правовой защиты инвалидов является следующее: в 2016 году правительство России сделало возможным направить материнский капитал или его часть на приобретение товаров и

услуг для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов, при этом затраты будут компенсированы. В перечень сегодня вошли 48 наименований, например, переносные и складывающиеся ванны, трёхколесные велосипеды с ножным приводом, тактильные компьютерные дисплеи, приборы для письма алфавитом Брайля, лестничные подъёмные устройства, портативные компьютеры, настольные клавиатуры, устройства, оборудование и материалы для анализа крови. Средства на компенсацию затрат на приобретение товаров и услуг направляются Пенсионным фондом.

Чтобы компенсировали средства материнского капитала (получить компенсацию), сначала врач даёт консультацию, насколько необходимо то или иное средство, имеются ли медицинские показания. Семья определяется, какие средства нужны ребёнку, заполняет в медицинском учреждении по месту жительства направление на МСЭ для внесения дополнений в индивидуальную программу реабилитации ребёнка. С направлением и заявлением нужно обратиться в бюро МСЭ по месту жительства. Там проведут освидетельствование ребёнка-инвалида, внесут все данные в индивидуальную программу реабилитации. Эта процедура проводится в бюро в первоочередном порядке. Если ребёнок не может прибыть на освидетельствование сам из-за тяжести состояния, или, может быть, населённый пункт далеко, или есть финансовые трудности, тогда бюро может провести МСЭ заочно, особенно если со дня последнего визита ребёнка прошёл небольшой срок. Приобретать товары и услуги можно только после внесения их наименований в индивидуальную программу реабилитации инвалида. Если родители купили что-то до этого момента, Пенсионный фонд не сможет компенсировать затраты. Кстати, если первый ребёнок – инвалид, то маткапитал, полученный за второго ребёнка, можно потратить на ТСР для первого.

В настоящее время с целью облегчения жизнедеятельности инвалидов в России повсеместно ведётся работа по импортозамещению. В частности, одно из направлений социального кластера Архангельской области – импортозамещение. Зависимость от импорта предполагает высокие цены на инновационные ТСР. В кластере работают над

тем, чтобы эти средства были высокотехнологичными, но доступными. Уже налажено местное производство деталей для протезов нижних конечностей, разрабатывается гидравлический сустав. Реализуется проект «Умная рука» – высокофункциональные детские протезы. В перспективе – внедрение отечественной разработки экзоскелета, изготовление ортопедической обуви с применением 3D-сканирования и открытие лаборатории по индивидуальному подбору ТСР. «Сегодня мы единственный регион России, который формирует стандарты реабилитации при помощи экзоскелета. Это огромная работа, которая не может проходить быстро, но она просто неоценима», – заявила советник заместителя председателя правительства Архангельской области, руководитель социального кластера Юлия Ковалёва. [4, с.15].

В Калининграде начали выпускать шагающие ступенькоходы – специальные устройства, предназначенные для подъёма и спуска инвалидов колясок по лестницам. На производстве работают люди с инвалидностью, а организатором и руководителем проекта стал колясочник Роман Аранин. Калининградцы уже выпустили 30 устройств и не планируют останавливаться на достигнутом. Роман Аранин пояснил, что развитие калининградского производства сдерживает федеральный закон о государственных закупках. Согласно этому документу, бюджетные заказчики обязаны выбирать самый дешёвый из всех предложенных вариантов. Роман Аранин планирует построить первый в России завод по выпуску электрических инвалидных колясок и трудоустроить 72 человека, в том числе 36 инвалидов. В прошлом году на закупку такой техники российский бюджет выделил 1,2 миллиарда рублей, но, увы, все деньги достались заграничным производителям.

«В текущем году объём российского рынка электрических колясок составляет примерно 12 тысяч штук, – делится информацией Роман. – На первых порах мы сможем производить тысячу колясок в год, через четыре – пять лет займём половину рынка». [5, с.19].

Проект распорядился поддержать председатель правительства России Д.А. Медведев, посетивший производство ступенькоходов летом 2016 года.

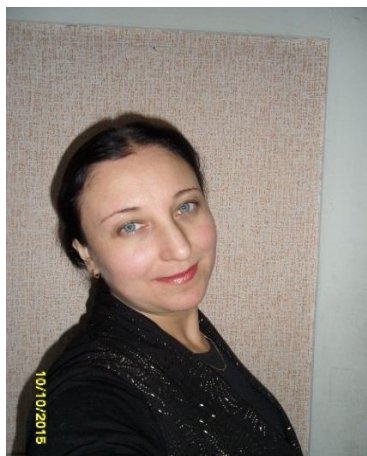
Таким образом, совместными усилиями федерального центра и региональных властей как на правовом поле, так и в практической реализации социальной политики по защите инвалидов проводится целенаправленная непрерывная работа.

Библиографический список:

1. Исаев, А. Открытый парламент / А.Исаев // Российская газета. – 2016. – №140. – С.3.
2. Нехлебова, Н. Лишения вместо лечения Могут быть отдельные перекосы / Н.Нехлебова // Огонёк. – 2016. – №15(5414). – С. 26-28.
3. Николаева, А. Поддержка для людей с инвалидностью Государство поможет, но и сам не плошай/ А. Николаев // Комсомольская правда. – 2016. – №43-т (26833-т). – С.7.
4. Нечай, А. Топ-топ, топает скелет Архангельская область – единственный регион страны, формирующий новейшие стандарты реабилитации инвалидов / А.Нечай // Московский комсомолец в Архангельске. – 2016. – № 33 (771). – С.15.
5. Вылегжанина, У. Лестница – не преграда Калининградский инвалид открыл производство ступенькоходов и планирует выпускать электрические инвалидные коляски / У.Вылегжанина // Российская газета. Неделя. – 2016 – №244 (7112). С.19.
6. Ионайтис, Е. Что такое инвалидность? / Е.Ионайтис // У Белого моря.– 2016. – №29. – С.5.
7. Ионайтис, Е. В помощь инвалиду / Е.Ионайтис // Архангельск. – 2016. – №29. – С.22-23.
8. Молчалин, А. Мы рядом с вами/ А. Молчалин // Новодинский рабочий. – 2016. – №32(4644). – С.15.
9. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 17.12.2015 №1024н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы».
10. Парахневич, Н. Время исправлять ошибки / Н. Парахневич // Правда Севера. – 2016. – № 17 (26884). – С.30.
11. . Распоряжение правительства Российской Федерации от 30.12.2005 №2347-р «О федеральном перечне реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду».
12. Федеральный закон от 24.11.1995 №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

©Еременко Р.С., 2016

ЭКОНОМИКА

Е.С. Потехина

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики
Ивановского филиала
ЧОУ ВО «Институт управления»

И.А. Зайцева

Кандидат экономических наук,
доцент, заведующий кафедрой экономики
Ивановского филиала
ЧОУ ВО «Институт управления»

Экономическая независимость страны - важный критерий развития

Статья посвящена проблемам финансовой независимости государств, влияния на экономику стран внешних кредитов и инвестиций, формирования достаточного объёма национального капитала.

Ключевые слова: финансовая независимость, конкурентоспособность, иностранный капитал, экономическая безопасность.

Современная мировая экономика представляет единый глобальный финансовый рынок с огромным количеством факторов. Процессы активной интеграции государств в систему международных связей привели к тому, что мировое производство стало смещаться в страны с низкими издержками, это, в свою очередь, обусловило рост доходов в странах, экспортирующих сырьё и готовую продукцию. В результате избыточные сбережения стали дисбалансом на мировом денежном рынке и привели к кризисным явлениям.

Рассматривая состояние российской экономики нужно отметить, что её роль в международном сообществе не однозначна. С одной стороны, Россия - государство, в которую развитые страны интегрируют свои производственные мощности, с другой – стремится занять свое место среди

«экономических» лидеров, войти в новое политико-экономическое пространство, исходя из собственных интересов и целей. Осуществление этих планов представляет собой очень сложную задачу – модернизации экономики страны в плане институциональных, технологических и инновационных преобразований.

Реализация вышеуказанных направлений возможна, как показывает зарубежная практика, в рамках формирования взаимоотношений между субъектами инновационной деятельности [4].

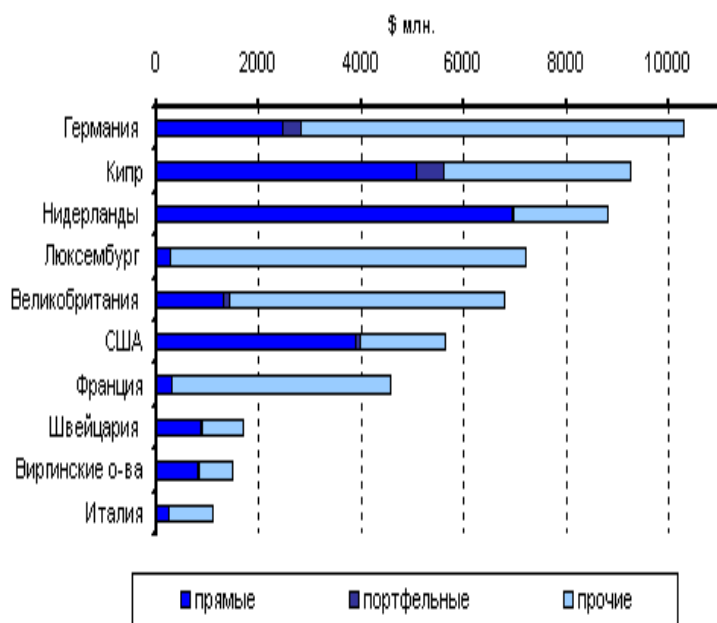
Роль государства в инновационном развитии экономики заключается, прежде всего, в финансировании и содействии создания инфраструктуры и благоприятного институционального климата для инновационных преобразований.

По мнению ведущих экономистов «подобные масштабные преобразования требуют больших капиталов. Однако их внутри любой страны ограниченное количество и поэтому государство рассчитывает на привлечение большого количества зарубежных капиталов» [5].

Необходимо заметить, что модернизация за счет иностранного капитала свидетельствует об угрозе экономической безопасности: страна, зависящая от иностранного капитала, проводящая модернизацию с помощью зарубежных инвестиций, не может стать экономически крепкой.

Проследивая ситуацию в нашей стране, нужно отметить, что сегодня в России более 70% инвестиций на фондовом рынке и более 25% российской системы – это иностранный капитал [10]. В целом инвестиции в Россию в 2016 году выросли в 5,5 раз по отношению к предыдущему (только в фонды, связанные с отечественным рынком акций, зарубежный бизнес вложил в прошлом году один миллиард 140 миллионов долларов).

Основные страны-инвесторы в структуре накопленных иностранных инвестиций

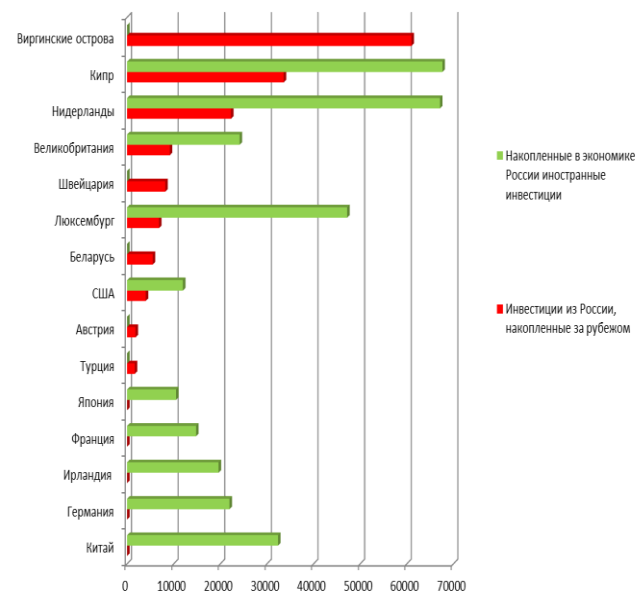

Россию уже включили в список семи самых привлекательных для инвесторов государств. А в дальнейшем и вовсе предрекают стремительное развитие нашей экономики. Эксперты при этом указывают на резкий рост импорта машин и

оборудования, называя происходящее «новой индустриализацией».

Привлечение иностранных инвестиций считают первой формой борьбы на мировом рынке капиталов (как правило, данную форму используют страны второго и третьего мира).

Накопленные иностранные инвестиции в экономике России и объем инвестиций из России, накопленных за рубежом

Борьба за финансовые рынки – другая форма национальных стратегий, используемая развитыми странами.

Такая структура обусловлена тем, что развивающиеся страны могут только зарабатывать финансовые ресурсы на внешних рынках, а развитые государства создают эти ресурсы, делая их дешевыми и конкурентоспособными благодаря своей «сильной» финансовой системе. С помощью банковских институтов развитые страны создают значительную часть денег, и их целью является создание и преобразование трудовых, интеллектуальных [3, с.119-120], сырьевых и других ресурсов в активы и капиталы, поддержание в стабильном состоянии собственную экономику [2] и т. д. Таким образом, чем больше национальных богатств преобразуется в финансовые активы и вовлекается в производственную и экономическую сферы, тем больше необходимо средств, позволяющих увеличить национальную денежную массу.

Следовательно, образуются финансовые капиталы, развивается инвестиционная деятельность [8, с.213], происходит экономический рост и укрепление финансового рынка. Так, государства с развитыми экономическими системами подчиняют страны, не обладающие финансовыми ресурсами. Богатства же подчиненных стран становятся дополнительным обеспечением национальных валют сильных государств, делая эти валюты международными средствами расчетов [1, с.81].

Именно так создаются финансовые средства развитых стран. Дороговизна таких денег препятствует повышению конкурентоспособности национальных валют и капиталов, образующихся на их основе. Самым доходным бизнесом для развитых стран в последние годы является увеличение прибавочной стоимости денег, находящихся в банковской системе.

В развивающихся государствах денежные средства создаются через покупку иностранной валюты, а доход от выпуска денег уходит в экономику страны, валюта которой выкупается. Следовательно, финансовая самодостаточность и безопасность страны зависят от исхода борьбы между национальными системами и их валютами [6, с.328-331]. В современных условиях жесткой конкуренции государства предпринимают всевозможные действия, направленные на усиление протекционистской идеологии. Развивающиеся страны создают дополнительные таможенные барьеры, препятствующие доступу к своим рынкам, а также сдерживают рост уровня жизни населения с целью уменьшения себестоимости своей продукции и, как следствие, повышения ее конкурентоспособности на мировом рынке.

Развитые государства субсидируют экономику преимущественно дешевыми, созданными деньгами. В такой ситуации конкурировать с помощью заработанных денег не имеет смысла. В некоторых странах, в частности в России, в силу географического расположения, энергетические и транспортные расходы больше, чем у конкурентов, что понижает в целом ее конкурентоспособность.

В данной ситуации имеет смысл проводить постоянное масштабное субсидирование, но только дешевыми деньгами, в противном случае дотирование окажется бессмысленным [7, с.48].

Таким образом, отсутствие собственного капитала и зависимость финансового благополучия от иностранных инвестиций делает страны финансово зависимыми и беззащитными [9]. Однако изменить подобное положение возможно, перейдя от политики «зарабатывания денег» к политике их создания. Это, в конечном счете, позволит повысить конкурентоспособность национальной экономики, обеспечить политическую и экономическую безопасность и даст возможность участвовать в управлении мировыми процессами.

Библиографический список:

1. Ветрова Т.В., Потехина Е.С. Проблемы управления экономическим неравенством // На пути к гражданскому обществу. 2015. №1 (17). С. 75-82.
2. Дубинин С.К. Российская банковская система перед лицом финансового кризиса 2014-2015 гг. // Альтернативы экономической политики в условиях замедления экономического роста. Сборник статей по материалам научной конференции. Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова" (экономический факультет). 2015. С. 14-24.
3. Зайцева И.А., Каменева Н.Е. Модель непрерывного многоуровневого образования в условиях инновационной экономики. // Экономика образования. 2013. №3.
4. Кузьмин, В.В. Пять приоритетов президента [Электронный ресурс] // «Российская газета», 2009, № 4935(111). – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/06/19/modern.html> (доступ свободный) - Загл. с экрана. – Яз. рус.
5. Куликов, С. Правительству нужен иностранный капитал [Электронный ресурс] // «Независимая газета», 2011.
6. Миргородская, Е.О. Современный финансовый капитал: новая природа и

новые роли в условиях глобализации // Финансовый бизнес, 2008. – №1. – С. 48.

7. Миргородская, Е.О. Национальный экономический суверенитет России как цель модернизации: Экономическая теория в XXI веке – 8(15): Экономика модернизации: Монография / под ред. проф. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. – М.: Вузовская книга, 2011. – 496 с.

8. Потехина Е.С., Андреева О.Р. Проблемы развития инвестиционной инфраструктуры региона (на примере Ивановской области)//Сборник материалов международной научно-практической конференции. Точки роста в Евразийском экономическом союзе: бизнес, инвестиции, инновации. В 2-х частях. Научный редактор: А.Н. Ежов. 2015. С. 213-218.

9. Спановский С.С. Социальная напряженность на пути формирования гражданского общества: теоретико-методологический аспект исследования. На пути к гражданскому обществу. 2015. №4 (20). С.73-77.

10. Регионы России. Социально–экономические показатели 2010. Статистический сборник. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики, 2010.

©Потехина Е.С., Зайцева И. А., 2016

А. М Ткачева

**Старший преподаватель кафедры М и ГУ
Ивановского филиала ЧОУ ВО «Инсти-
тут управления»**

Л.А. Зосимова

**Кандидат экономических наук, доцент
кафедры М и ГУ Ивановского филиала
ЧОУ ВО «Институт управления»**

Организационно-экономические аспекты развития регионального туризма

В статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием регионального туризма, определены группы задач в области регулирования регионального туризма, а также факторы, оказывающие отрицательное влияние на выполнение целевых программ в данной сфере.

Ключевые слова: туризм, туристские ресурсы, инфраструктура туристских услуг, организационно-экономический механизм регулирования туризма.

В современном мире туризм рассматривается как социально-экономическое явление, оказывающее прямое и опосредованное влияние на развитие всей, связанной с ним, инфраструктуры

Однако, в России, обладающей колоссальными туристскими ресурсами, туризм еще не достиг уровня развития, адекватного своим потенциальным возможностям. Туристские объекты остаются невостребованными вследствие неразвитости инфраструктуры туристских услуг, несовершенства механизмов государственного регулирования на различных уровнях власти, отсутствия мотивации для частных инвестиций в туристские рынки и эффективных методов экономического анализа туристского комплекса регионов. По проблемам регионального туризма существует довольно объемный пласт недостаточно проработанных вопросов. Для развития российского туризма, в непростых условиях кризиса и санкционных ограничений, актуальной задачей становится создание

и совершенствование механизмов и стимулирующих условий развития внутреннего туризма. При этом в качестве основной цели следует рассматривать максимальное использование его потенциала для развития территорий.

Туризм сегодня - источник финансовых доходов бюджетов всех уровней, средство повышения занятости и качества жизни населения, основа для развития социокультурной среды, воспитания патриотических чувств молодежи, способ поддержания здоровья граждан, мощный инструмент просвещения и формирования нравственной платформы развития гражданского общества.

Специфика туристской услуги заключается в характерных свойствах, отличающих ее от других видов услуг. Кроме известных свойств неотделимости и неосязаемости, непостоянства качества, неотделимости от источника и несохраняемости, можно выделить также свойства комплексности, эффекта накопления и сложности нормирования.

Эти свойства могут преломляться в различной среде их предоставления.

Туристские услуги практически всегда носят территориальный характер, поскольку связаны со спецификой удовлетворения потребностей, со специфическими особенностями формирования спроса и предложения на туристический продукт в конкретном регионе.

Функционал туризма возможно разделить на три основных направления: формирование и развитие личности; культурное взаимообогащение наций; обеспечение экономического роста и воспроизводство производительных сил общества. Исходя из этого сферу туристских услуг можно представить как совокупность отраслей, прямо или косвенно удовлетворяющих туристские потребности общества.

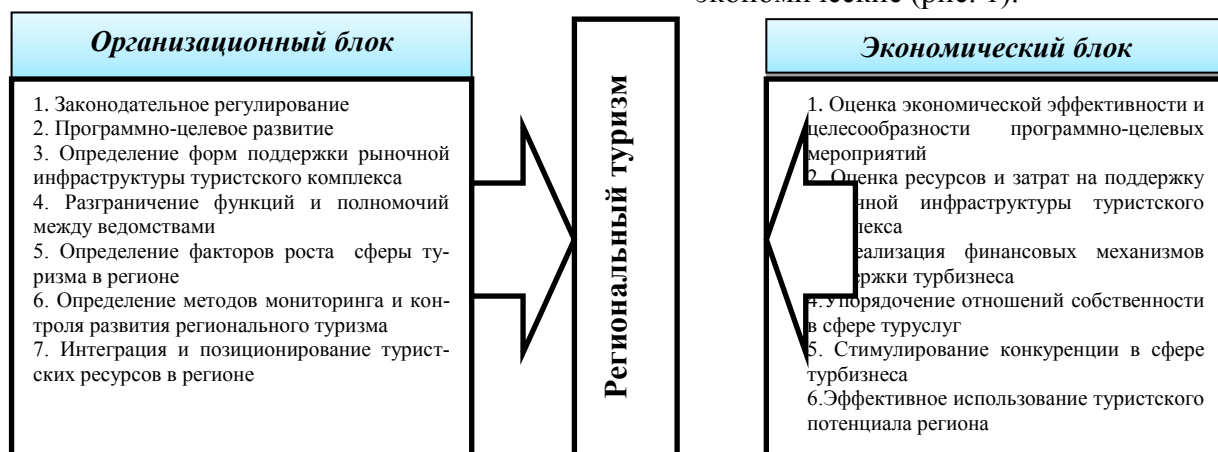

Рис. 1 Система организационно-экономических задач в области регулирования регионального туризма

Определенные в рассмотренных блоках задачи в полной мере соответствуют положениям Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2011-2018 гг.)» [1], основной целью которой является повышение конкурентоспособности рынка индустрии туризма и гостеприимства Российской Федерации, повышение качества услуг, удовлетворяющего потребности российских и иностранных граждан на внутреннем и мировом рынках.

Федеральная целевая программа при выборе программного механизма государственного финансирования и осуществления государственных инвестиций для обеспечения развития внутреннего и въездного ту-

Таким образом, роль туризма в социально-экономическом развитии территории определяет четкую структуру взаимодействия туристских услуг с другими отраслями экономики, а также место регионального туристского комплекса в этой системе.

Обеспечение эффективных организационно-экономических условий развития туризма в регионе достигается путем решения задач государственной политики в области регулирования регионального туризма. От того, насколько эффективно интегрирована сфера оказания комплекса туристских услуг в экономическую систему территории, во многом зависит и уровень ее социально-экономического развития в целом.

Совокупность задач в области регулирования регионального туризма можно разделить на два блока: организационные и экономические (рис. 1).

ризма в Российской предусматривает три сценария достижения цели:

1. развитие туристской инфраструктуры во всех субъектах Российской Федерации вне зависимости от уровня их экономического развития, развития региональной инфраструктуры и уровня туристского потенциала соответствующих территорий;
2. развитие туристской инфраструктуры ограниченного числа субъектов Российской Федерации, наиболее перспективных с точки зрения развития внутреннего и въездного туризма;
3. развитие туристской инфраструктуры ограниченного числа субъектов Российской Федерации, наиболее перспективных с точки

зрения развития внутреннего и въездного туризма, с использованием кластерного подхода, а также реализация проектов федерального масштаба, направленных на ускоренное развитие межрегиональных туристских возможностей (маршрутов) и повышение качества услуг.

Наиболее перспективным, с нашей точки зрения, является третий сценарий, поскольку кластерный подход предполагает сосредоточение на ограниченной территории предприятий и организаций, занимающихся разработкой, производством, продвижением и продажей туристского продукта, а также деятельностью, смежной с туризмом и рекреационными услугами. При формировании туристско-рекреационных кластеров с использованием механизмов государственно-частного партнерства возможно создание необходимых и достаточных условий для ускоренного развития туристской инфраструктуры, а также сферы сопутствующих услуг.

Реализация первого сценария может привести к распылению значительных финансовых ресурсов и рассредоточению предпринимательских усилий. А, значит, эффективность программ будет довольно низкой. В конечном итоге, инвестиционная привлекательность данной сферы будет неизбежно снижаться.

Аналогичным может быть результат и при реализации программ развития туризма в соответствии со вторым сценарием. Отсутствие концентрации ресурсов, которые должны направляться на развитие инфраструктуры в конкретных точках роста туристского потока, а также взаимосвязей между проектами, снизит эффективность и результативность программы.

Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2011-2018 гг.)» явилась основой разработки долгосрочной целевой программы «Развитие туризма в Ивановской области на 2009 -2016 годы».[2]

Цель программы – «повышение конкурентоспособности туристского рынка Ивановской области и создание условий для ускоренного развития туризма в регионе посредством расширения спектра и повышения качества услуг, оказываемых российским и иностранным туристам».

В программе сформулированы основные задачи развития туризма в регионе:

- ✓ создание туристско-рекреационного кластера города Плес;
- ✓ проведение информационно-пропагандистской кампании и распространение социальной рекламы о туризме в Ивановской области на телевидении, в электронных и печатных средствах массовой информации, средствами наружной рекламы, проведение пресс-туров, обеспечение работы информационных центров и пунктов, организация и проведение международных общероссийских, межрегиональных туристских форумов, выставок и иных мероприятий;
- ✓ создание центра рекреационного туризма в г. Плес;
- ✓ создание центра туризма в Южском районе;
- ✓ создание центра туризма в п. Палехе на базе Палехской лаковой миниатюры;
- ✓ проведение работы по включению Ивановской области в ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2011-2016 годы».

В результате реализации программы ожидается:

- становление индустрии туризма в качестве доходной отрасли экономики Ивановской области;
- удовлетворение спроса потребителей на туристско-рекреационные услуги;
- сохранение и возрождение культурно-исторического и природного наследия Ивановской области;
- развитие инфраструктуры туризма в Ивановской области, создание сбалансированного рынка туристских услуг на всей территории области на основе развития въездного и внутреннего туризма;
- увеличение наполняемости бюджетов всех уровней за счет налоговых поступлений от предприятий отрасли туризма и смежных с ней отраслей;
- увеличение туристского потока в Плес;
- создание новых рабочих мест [2].

Однако, следует отметить, что несмотря на решение основных задач организационного блока, задачи экономического блока требуют значительных усилий, в первую очередь, со стороны органов местного само-

управления и государственного управления. Туристско-рекреационный потенциал Ивановской области реализуется явно недостаточно. По данным экспертов Общественной палаты Ивановской области количество туристов составляет чуть более 1 миллиона в год, при этом объем услуг, которыми они пользуются, не соответствует средним европейским стандартам.[3]

В отрасли катастрофически не хватает инвестиций в развитие гостиничной сети. Существующие гостиничные комплексы, в большинстве своем, имеют устаревшую материально-техническую базу, а качество услуг не соответствует принятым стандартам. Отсутствует система комплексной поддержки развития туризма со стороны органов государственной власти.

Развитие информационных ресурсов также следует признать недостаточным. Отсутствует, как таковая, информационная система. Существующие разрозненные ее элементы, не решают главных задач - информирование потенциальных потребителей об услугах, развитие деловой среды. Отсутствуют бюджетные ассигнования на финансирование создания в регионе системы знаков туристской навигации, а также на создание и функционирование в регионе туристско-информационного центра.

Одним из важнейших факторов, сдерживающих развитие туризма в Ивановской области, является отсутствие или неудовлетворительное состояние объектов обеспечивающей инфраструктуры – дорог, очистных сооружений, систем газификации, электро-снабжения и водоснабжения.

Сдерживающим фактором развития туризма следует считать невыполнение обязательств органами государственного управления и местного самоуправления Ивановской области в рамках бюджетного финансирования, ДЦП (ГП) и т.д. или бюджетная несостоятельность исполнительных органов власти. Ошибки при планировании бюджет-

ных доходов и расходов, некорректная, а иногда и ошибочная оценка изменения рыночной конъюнктуры основных налогоплательщиков Ивановской области, а также недофинансирование из федерального бюджета и изменение норм отчислений по основным налогам самым негативным образом сказываются на развитии туризма.

Таким образом, следует сделать вывод о несовершенстве организационно-экономического механизма регулирования развития туризма в регионе, отсутствии действенных мер по стимулированию предпринимательской активности в данной сфере.

В этой связи выбор эффективных форм и методов регулирования развития сферы туризма приобретает особую актуальность и значимость на современном этапе хозяйствования. Осуществление региональной политики должно быть направленно на использование благоприятных и ограничение действия негативных региональных факторов для достижения общих целей социального и экономического развития конкретной территории.

Библиографический список:

1. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2011-2018 гг.) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159508/
2. Долгосрочная целевая программа Ивановской области «Развитие туризма в Ивановской области на 2009 -2016 годы» <http://docs.cntd.ru/document/882202072> электронный фонд правовой и нормативно –технической документации Андреева
3. <http://www.opiv.ru/Сайт> Общественной палаты Ивановской области. Дата обращения: 25.11.2016

©Ткачева А.М., Зосимова Л.А., 2016

Р.В. Колесов

Доцент Ярославского филиала ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
кандидат экономических наук, доцент

О концепции региональной финансовой политики Российской Федерации на среднесрочную перспективу (до 2021 года)

Рассматриваются проблемы, которые, по мнению автора, в среднесрочной перспективе будут оказывать влияние на порядок формирования и использования средств региональных бюджетов, а также задачи, которые, ввиду наличия названных проблем, целесообразно будет решать усилиями всех уровней власти в сфере региональных финансов в рамках реализации Концепции региональной финансовой политики Российской Федерации на среднесрочную перспективу (до 2021 г.), структура которой предложена автором.

Ключевые слова: региональные финансы, финансовая политика, концепция.

Нами проведен анализ концептуальных положений, приведенных в предвыборных статьях В.В. Путина в 2012 г. [1]; [2]. К сожалению, решение обозначенных проблем в 2012 – 2016 гг. носило в значительной мере формальный характер. Более того, в силу кризисных явлений в национальной экономике ситуация по ряду из обозначенных направлений (например, по уровню бедности населения) ухудшилась. Вряд ли сегодня вызывает сомнение то, что **эффективное** решение практически каждой из стоящих задач непосредственно связано с исправлением положения в области финансового обеспечения деятельности региональных органов власти.

Проведенный анализ позволяет сгруппировать названные положения по двум основным направлениям: существующие проблемы и первоочередные задачи. Это, в свою очередь, позволило сформировать предполагаемую структуру Концепции региональной финансовой политики Российской Федерации на среднесрочную перспективу (до 2021 г.), разработка которой целесообразна в целях обеспечения единых методологических основ формирования и использования средств региональных бюджетов, учитывая то, что в России насчитывается 85 субъектов Федерации.

Рассмотрим наиболее важные, по нашему мнению, из обозначенных в программных статьях Президента РФ в 2012 г. финансово-экономических *проблем*, носящих, в т.ч. и региональный характер.

1. Ниже черты бедности имеют доходы около 11% населения России.

2. Благосостояние неравномерно распределяется между регионами, между тем, для России национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер.

3. Имеют место тенденции к популистскому наращиванию социальных обязательств вне связи с производительностью труда, формированию в отдельных слоях населения социальной безответственности.

4. Российские регионы проигрывают по инвестиционной привлекательности, имеет место отток капитала. Деловой климат в стране оценивается как неудовлетворительный.

5. Низкая эффективность государственных и муниципальных расходов.

7. В настоящее время финансируются учреждения вместо услуг, которые они должны предоставлять.

8. Ослаблено долгосрочное соответствие государственных доходов и расходов.

9. Государственные заимствования – это вычет из финансовых ресурсов, которые могли бы быть направлены на частные инвестиции. Если мы хотим наращивать их уровень, то не должны поддерживать значительный дефицит, в т.ч. региональных бюджетов.

10. Существует зависимость от «подачек сверху» в системе вертикали власти, которые подавляют самостоятельность и ответственность, порождают иждивенчество, а по сути – подрывают эффективность функционирования самой вертикали.

11. Нет методик обоснования передачи федеральным центром полномочий и источников их финансирования на уровень местных и региональных бюджетов без ослабления управляемости страной.

12. У малых городов нет достаточных доходных источников, высока их зависимость от трансфертов из регионального бюджета.

Несмотря на то, что с момента опубликования статей прошло более четырех лет, в качестве важнейших *задач*, решение которых, как представляется, будет носить в период 2017 – 2020 гг. приоритетный характер и непосредственно касаться сферы региональных финансов, нами, исходя из смысла проанализированных системообразующих публикаций, являются следующие.

1. Обеспечить стабильность региональных бюджетов, проявляя при этом готовность к просчитанным реформам. Методический аппарат оценки надежности финансово-экономического обеспечения деятельности сложных финансово-экономических систем достаточно подробно разработан в теоретическом и прикладном плане и представлен в отдельных публикациях [3]; [4].

2. Участие в диверсификации региональной экономики, поиск и создание новых источников ее роста, обеспечение содействия созданию в целом по России не менее 25 млн. высокотехнологичных и высокооплачиваемых рабочих мест для людей с высоким уровнем образования (оценивать можно пропорционально удельному весу населения региона в общей величине населения России).

3. Компенсировать негативные социальные последствия рыночной экономики и порождаемого ею неравенства, сформировать механизмы социальных гарантий и защиты населения регионов, которые станут частью

единого, постоянно развивающегося, устойчивого и стабильного государственного организма.

4. Непосредственное участие в построение региональной экономики с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой, развитой сферой услуг, эффективным сельским хозяйством, работающей на современной технологической базе.

В качестве критериев при оценке эффективности деятельности органов власти регионов, можно использовать:

– увеличение доли высокотехнологичных и интеллектуальных отраслей в региональном ВВП к 2020 г. по отношению к уровню 2015 г. в 1,5 раза;

– рост доли предприятий, внедряющих технологические инновации, к 2020 г. в сравнении с 2015 г. в 2,5 раза к 2020 г. (не менее 30 % общего числа предприятий, функционирующих в регионе);

– создание условий, при которых малый бизнес к 2020 г. будет представлять около 50 % рабочих мест в экономике региона, причем преимущественно это должны быть секторы интеллектуального и творческого труда.

5. Поиск и привлечение необходимых материальных и кадровых ресурсов.

6. Создание условий для восстановления инновационного характера экономики, начиная с региональных университетов (филиалов крупных федеральных университетов) – центров фундаментальной науки и кадровой основы инновационного развития регионов.

7. Преодоление в регионах инерции крупного бизнеса, отвыкшего от инновационных проектов. Создание условий, чтобы все региональные и муниципальные предприятия разрабатывали и принимали инновационные программы, а крупные частные компании 5 – 7% дохода направлять на исследования и разработки.

8. Софинансирование инфраструктурных проектов межрегионального характера и развитию местной дорожной сети.

9. Участие в финансовом обеспечении развития территорий вокруг крупных экономических центров, учитывая, что по оценкам специалистов расширение «агломерационного радиуса» городов в 1,5 – 2 раза увеличит доступную для развития хозяйственной деятельности территорию в несколько раз.

10. Стимулирование в регионах замены административного контроля на страхование ответственности.

11. Разработка методического инструментария выбора приоритетных проектов для финансирования из регионального и муниципальных бюджетов и отказа от избыточных активов (функций).

12. Переход на нормативно-подушевое финансирование, когда деньги закрепляются за гражданами, которые обращаются за услугами, что развивает конкуренцию.

13. Восстановление долгосрочного соответствия между величиной доходов и расходов регионального и муниципальных бюджетов.

14. Передача муниципалитетам доходов от всех без исключения налогов, взимаемых с субъектов малого бизнеса, а регионам доходов от всех налогов, взимаемых с субъектов среднего предпринимательства. Усовершенствовать в этих целях методический аппарат классификации экономических субъектов по категориям малого среднего и крупного предпринимательства.

15. Увеличение финансово-экономической самостоятельности крупным и средним городам, где сосредоточен экономический потенциал страны и наиболее активные граждане. Эти города выступают источниками экономического роста и гражданских инициатив. Передавая региональным властям от федерального центра полномочия и финансовые ресурсы, важно позаботиться, чтобы это не обернулось беззащитностью городов перед руководителями регионов.

16. Прекратить устанавливать с регионального уровня показатели для местного самоуправления и увязывать с ними предоставление финансовых ресурсов. Руководство муниципальных образований должно отчитываться перед своими избирателями.

17. Для искоренения коррупции разделить власть и собственность, исполнительную власть и контроль за ней. Закрепить порядок выдвижения кандидатур на должности Председателя контрольно-счетной палаты региона и его заместителя, при котором кандидаты должны выдвигаться Советом Государственной думы субъекта Федерации на основе согласия с кандидатурой всех фракций или, что представляется еще более верным – Председатель контрольно-счетной па-

латы региона должен являться представителем партии, вошедшей в региональный парламент, но не обладающей в нем большинством мандатов.

18. Разработать процедуры парламентских расследований в регионе.

19. Сформировать перечень коррупционно опасных должностей в исполнительной власти региона и менеджменте предприятий с долей региональной (муниципальной) собственности. Занимающие их должны получать высокую заработную плату, но соглашаться на абсолютную прозрачность, включая расходы и крупные приобретения всех членов семьи.

20. Дальнейшая реализация потенциала укрупнения субъектов Федерации, в т.ч. формирование механизма выравнивания бюджетной обеспеченности отдельных видов расходов, в рамках федеральных округов.

Исходя из выявленных проблем и сформулированных задач, нам представляется уместной следующая структура *Концепции региональной финансовой политики Российской Федерации на среднесрочную перспективу (до 2021 г.)*, положения которой должны лежать в основе формирования системы законодательных и подзаконных нормативных правовых актов в данной предметной области:

1. Общие положения.

2. Условия формирования и реализации региональной финансовой политики Российской Федерации.

3. Цели, принципы, задачи и основные направления реализации региональной финансовой политики Российской Федерации.

4. Федеральные приоритеты при формировании региональной финансовой политики Российской Федерации.

5. Региональные и муниципальные интересы при формировании региональной финансовой политики Российской Федерации.

6. Правовое, информационно-аналитическое, научное, материально-техническое и кадровое обеспечение формирования и реализации региональной финансовой политики Российской Федерации.

7. Механизмы и этапы реализации региональной финансовой политики Российской Федерации.

Разработка и последовательная реализация в каждом из 85 субъектов Федерации сформированной на основе единого методологического подхода, представленного в Концепции собственных Основных положений региональной финансовой политики на среднесрочную перспективу (до 2021 г.) позволит повысить производительность национальной экономики в целом и за предстоящие 3 – 4 года настроить ее на поступательный экономический рост, в первую очередь за счет аккумулирования в региональных и муниципальных бюджетах средств для программного финансирования расходов на инфраструктуру, образование, здравоохранение, а также создания условий для их эффективного использования. Как показывают расчеты, предложенные меры позволят повысить суммарный объем расходов по названным направлениям в 2018 – 2020 гг. в размере 1 – 2% ВВП по отношению к его уровню, достигнутому по итогам 2015 г.

Библиографический список:

1. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. – 16 января 2012.
2. Путин В.В. О наших экономических задачах // Независимая газета. – 30 января 2012.
3. Колесов Р.В. Надежность финансово-экономического обеспечения военных поставок в системе экономической безопасности службы горючего ВС РФ // диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Ярославль, 2006.
4. Колесов Р.В. Основы методологии оценки надежности, устойчивости и стабильности финансового обеспечения органов власти региона // Научные труды Вольного экономического общества России, 2012. Т. 163. – С. 338 – 351.

©Колесов Р.В., 2016

РЕЦЕНЗИИ

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре
культурологии (ВАК РФ); заведующий кафедрой
культурологии и литературы Шуйского филиала
Ивановского государственного университета

РЕЦЕНЗИЯ

**на монографию: Федотов А. А. Личность и
развитие глобализации сквозь призму творчества
английских писателей конца XIX – первой
половины XX вв. - А. А. Федотов. - Москва,
Издательский Дом «Большая Москва», 2016. - 400 с.**

*Куёт бессильные крамолы,
Дрожа над бездной, Альбион!
А. С. Хомяков*

Грёзы об Англии охватывали русского человека, пожалуй, с тех пор как Россия становится в XVIII веке морской державой, хотя, например, дочь Петра Первого императрица Елизавета так до конца жизни и не смогла поверить в то, что Англия находится на острове... Англоманами были столь разные знаменитые личности XIX столетия (собираательные и реальные) как пушкинский индивидуалист Евгений Онегин (вспомним хотя бы его своеобразный, в существенной части – масонский, круг чтения, открывающийся нам в романе при посещении Татьяной Лариной его «пустынного замка»), или же его реальный антипод – первый русский культуролог, теоретик соборности и пламенный славянофил Алексей Степанович Хомяков, написавший в статье об Англии, что её жители происходят из древнего племени угличан, а также успешно демонстрирующий свою паровую машину на всемирной выставке в Лондоне; нельзя здесь не вспомнить и пашущего в начале XX века родовое крестьянское поле (ещё не ведающее тракторов!) графа Льва Николаевича Толстого, одетого в дорогое платье из английского сукна... Поэтому обращение к Англии в связи личности с глобализацией совершенно закономерно и для современного учёного россиянина.

Монография Алексея Александровича Федотова «Личность и развитие глобализации сквозь призму творчества английских писателей конца XIX – первой половины XX вв.» посвящена одной из актуальнейших культурологических проблем, связанных с поиском личностью своего экзистенциального места в глобальном мире. В этой работе с опорой на интуиции английских авторов показывается как общие тенденции формирующегося империализма нового типа преломлялись через сознание знаменитых писателей, как строительство антихристианской глобальной реальности заставило их обратиться к ценностям христианства, при этом не все они смогли их воспринять.

Сам выбор этих авторов, творчество которых было проанализировано в книге, хотя и носит субъективный характер, как отмечает и сам Алексей Федотов, но всё же позволяет ему раскрыть тему своего заявленного в названии фундаментального замысла. Некоторых рассмотренных здесь английских авторов вроде бы и нельзя в полной мере назвать писателями (например, Д. А. Гобсона и А. Дж. Тойнби), однако само обращение к ним всё же представляется оправданным в силу того, что их научные произведения дополняют художественные труды других. Кроме того, можно здесь

предположить, что в данном контексте допустимо и расширительное понимание самого термина «писатель»: как известно, В. И. Ленин в анкетах указывал свою профессию как «литератор», Н. А. Бердяев в годы революции возглавлял союз писателей, а Томас Манн называл «Закат Европы» Освальда Шпенглера «интеллектуальным романом».

Более того, упомянутый нами Хомяков утверждал, что «в науке есть уже поэзия, потому что наука сдружилась с истиной» – а французский виталист Анри Бергсон подчёркивал, что «в науке часто образный язык лучше передаёт существо дела, в то время как язык отвлечённых понятий остаётся прилепленным к поверхностной видимости вещей».

Представляется, что и избранная А. А. Федотовым форма подачи материала – преимущественно через цитирование исследуемых им источников – обусловлена общей репрезентативной логикой исходного замысла его исследования и тем вполне оправдана. Такой путь подачи приближает её к жанру своеобразной хрестоматии и делает особо ценной, сообщает ей энциклопедические черты, напоминая о старых барочных книгах, интерпретированных замечательным филологом и музыковедом Александром Викторовичем Михайловым в качестве «сводов-объёмов, репрезентирующих мир в его полноте и обширности».

Сам же материал, использованный в этой монографии, ещё раз показывает, что Новое время вообще – духовный упадок во всех отношениях, триумф чувственности (торжествующего сенсуализма и эмпиризма), рационалистического иллюзионизма; даже на

Афоне Имя Божие перестали почитать, а такой яркий деятель синодальной церкви как архиепископ Никон (Рождественский), преследуя монахов-имяславцев, топтал бумажку, на которой оно было написано... Но всё это вроде бы, по крайней мере, на первый взгляд – о другом. Новая же работа профессора Федотова что-то существенное (специфически английское!) передаёт во всей этой линии деградации прогрессивного человечества...

Книга достаточно репрезентативна, в чём её читатель смог убедиться сам – завершим же это небольшое послесловие строками знаменитого хомяковского стихотворения «Остров», написанного за год до смерти Пушкина и переведённого на английский язык англиканским пастором и богословом, едва не перешедшим в Православие – Уильямом Пальмером:

Для тебя, морей царица,
День придёт – и близок он –
Блеск твой, злато, багряница –
Всё пройдёт, минёт как сон...

И другой стране смиренной,
Полной веры и чудес,
Бог отдаст судьбу вселенной,
Гром земли и глас небес.

Библиографический список:

Федотов А. А. Личность и развитие глобализации сквозь призму творчества английских писателей конца XIX – первой половины XX вв. – А. А. Федотов. – Москва, Издательский Дом «Большая Москва», 2016. – 400 с.

©Океанский В.П., 2016

А.В. Кашунин

Магистрант ЧО ВО «Институт управления»

РЕЦЕНЗИЯ
на монографию:
Спасенников Б.А., Смирнов А.М.,
Тихомиров А.Н. Преступное поведение
и психические расстройства. – М.: Издательство
«Юрлитинформ», 2016. – 200 с.

Монография Б.А. Спасенникова, А.М. Смирнова, А.Н. Тихомирова «Преступное поведение и психические расстройства» (М.: Издательство «Юрлитинформ», 2016. 200 с.) подготовлено авторами, имеющими большой опыт научно-исследовательской и практической правоохранительной деятельности [31].

На наш взгляд, монография – актуальное, самостоятельное и завершённое исследование. Оно посвящено юридической оценке психических расстройств, не исключаяющих вменяемости; исполнению наказания, соединённого с принудительными мерами медицинского характера. Монография может быть использована для подготовки бакалавров, написания магистерских диссертаций по направлению подготовки «Юриспруденция», а также аспирантов (адъюнктов), соискателей, преподавателей юридических вузов и факультетов.

Изучение монографии Б.А. Спасенникова, А.М. Смирнова, А.Н. Тихомирова «Психические расстройства и преступное поведение» свидетельствует о том, что подготовленная авторами рукопись характеризуется достаточной научной и практической новизной.

Авторы определили структуру монографии, руководствуясь поставленной проблемой. Анализ рукописи показал, что авторы в процессе исследования опирались на фундаментальные работы в науке уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии. Монография написана с использованием достаточно большого количества литературных источников и обобщения существенного массива иных источников.

Раскрывая ту или иную тему, авторы демонстрируют широкий кругозор, что создаёт приятное впечатление о работе и об авторах.

Авторы верно отмечают, что выявляется всё большее количество лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, обнаруживающих психические расстройства, которые определяют уменьшённую сиюминутную способность прогнозировать последствия своих действий и осознанно руководить ими, то есть играют значимую роль в механизме преступного поведения [1, с. 149-150; 38, с. 15-25]. При этом субъект полностью не лишён возможности сознательности и произвольности поведения, его способность осознавать свои действия, руководить ими не утрачена совсем, но по сравнению с психической нормой существенно уменьшена [2, с. 19-24; 4, с. 113-119; 6, с. 31-37; 7, с. 33-40]. Это связано с увеличением объёма поступающей информации в современном мире, темпа жизни, неопределённостью будущего в условиях рыночной экономики, урбанизацией, другими социальными и биологическими факторами [9, с. 26-31; 10, с. 210-215; 39, с. 17-20].

Общество и государство вправе и обязаны помочь такому лицу повысить свою социальную адаптацию за счёт лечебного воздействия на патологический процесс, определяющий пониженное социально-личностное развитие, интеллектуально-волевой потенциал, если этот патологический процесс ограничивает осознанно-волевое поведение в криминогенной ситуации, препятствует сохранению социальной адаптации [13, с. 115-120; 14, с. 46-50; 15, с.

36-39; 16, с. 70-71]. Такая медицинская помощь может быть добровольной, если лицо осознает болезненные нарушения социальной адаптации и желает их излечения, либо принудительной, если лицо в силу особенности психического расстройства не в полной мере осознает болезненные нарушения социальной адаптации и не желает их излечения [17, с. 25-32; 18, с. 194-199; 19, с. 49-55; 20, с. 49-54].

Если психическое расстройство, имеющееся у вменяемого лица, не исключает осознанно-волевого поведения во время совершения преступления, но понижает осознание им фактического характера и (или) общественной опасности своих действий (бездействия) либо способность руководить ими, определяет возможность повторного совершения общественно опасного деяния под влиянием нарушений психической сферы, его болезненную ауто- или гетероагрессию, то суд может назначить принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания, – амбулаторное наблюдение и лечение у психиатра [21, с. 8-11; 22, с. 46-50; 23, с. 141-144; 24, с. 13-17].

Принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания, – меры государственного принуждения, назначаемые и прекращаемые по решению суда лицам, виновным в совершении преступления и страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости, но повлиявшим на осознанно-волевой выбор поведения во время совершения преступления, и заключающиеся в мероприятиях, направленных на излечение, восстановление психического здоровья для предотвращения совершения иного общественно опасного деяния [25, с. 164-171; 26, с. 252-256; 27, с. 146-148; 28, с. 119-122].

Принципиальным отличием этой меры является: а) применение принудительных мер медицинского характера по отношению к вменяемому лицу (пункт «в» части первой ст. 97 УК), то есть не утратившему способности к осознанно-волевой регуляции поведения в момент совершения преступления; б) сохранение способности этим лицом понимать смысл и значение применяемого в отношении них наказания, принудительного наблюдения и лечения [29, с. 120-124; 30, с. 28-31; 32].

Эти принудительные меры медицинского характера исполняются по месту исполнения наказания. В случаях, предусмотренных частью второй ст. 99 УК Российской Федерации, принудительные меры медицинского характера исполняются по месту отбывания лишения свободы, а в отношении осужденных к иным видам наказания – в учреждениях государственного или муниципального здравоохранения, оказывающих амбулаторную психиатрическую помощь [8, с. 33-36; 11, с. 41-45; 12, с. 37-43].

Время принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания, ограничено сроком назначенного судом наказания. Однако принудительное лечение может быть завершено до окончания срока наказания при достижении целей его назначения.

Если срок наказания в виде лишения свободы истек до излечения осужденного, которому было назначено принудительное лечение, соединенное с наказанием, это лицо подлежит освобождению из исправительного учреждения, а дальнейшее лечение психического расстройства, не исключающего осознанно-волевого поведения, производится в соответствии с действующим законодательством о психиатрической помощи населению [3, с. 129-136; 5, с. 19-22].

Принудительные меры медицинского характера, не прекращенные судом, не влияют на возможность условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания или на применение к нему акта об амнистии или помилования, что имеет важное психогигиеническое значение.

При условно-досрочном освобождении, по решению суда, амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра может продолжаться по месту жительства лица до погашения или снятия судимости [33; 34, с. 258-270; 35, с. 48-51; 36, с. 7-12; 37, с. 20-23].

Ограничение прав осужденного только на основании наличия психического расстройства, не исключающего осознанно-волевого поведения, не допускается.

Наличие психического расстройства, не исключающего осознанно-волевого поведения, относится только ко времени совершения лицом преступления и никаких право-

вых или иных последствий после отбывания наказания не влечет.

Монография написана литературным языком, а ее стиль и оформление полностью отвечают требованиям, предъявляемым к научной юридической литературе. Полагаем, что оно будет с интересом принято взыскательным читателем.

Библиографический список:

1. Бычкова А.М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» доктора юридических наук, доктора медицинских наук, профессора Б.А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5-6 (33-34). С. 149-150.
2. Пертли Л.Ф., Спасенников Б.А. Возникновение и развитие медицинской помощи в отечественной пенитенциарной системе (1775-1905) // Медицинское право. 2016. № 2. С. 19-24.
3. Пертли Л.Ф., Спасенников Б.А. Медицинская помощь в пенитенциарной системе дореволюционной России // Вестник Кузбасского института. 2016. № 3 (28). С. 129-136.
4. Спасенников Б.А. История Первой Архангельской больницы (1786-1920) // Вестник международного Института управления. 2016. № 1-2 (137-138). С. 113-119.
5. Спасенников Б.А. К вопросу о вменяемости подсудимого // Российский судья. 2013. № 4. С. 19-22.
6. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ неврастения у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 31-37.
7. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 33-40.
8. Спасенников Б.А. Лечебно-диагностическая тактика при расстройствах личности в практике пенитенциарной медицины // Российский медицинский журнал. 2015. Т. 21. № 6. С. 33-36.

9. Спасенников Б.А. Медико-правовые аспекты невменяемости в иностранном законодательстве // Медицинское право. 2015. № 6. С. 26-31.
10. Спасенников Б.А. Неврастения у осужденных: криминологический анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 210-215.
11. Спасенников Б.А. О значении неврастения в преступном поведении // Трудный пациент. 2015. Т. 13. № 3. С. 41-45.
12. Спасенников Б.А. Принудительное лечение психических расстройств (историко-медицинский аспект) // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1-2 (53-54). С. 37-43.
13. Спасенников Б.А. Принудительное психиатрическое лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3 (24). С. 115-120.
14. Спасенников Б.А. Принудительное психиатрическое лечение социопатических расстройств // Медицинское право. 2016. № 4. С. 46-50.
15. Спасенников Б.А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. 2014. № 6. С. 36-39.
16. Спасенников Б.А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 70-71.
17. Спасенников Б.А. Расстройства личности у осужденных в уголовно-исполнительной практике // Вестник Кузбасского института. 2015. № 1 (22). С. 25-32.
18. Спасенников Б.А. Расстройство личности у лиц, имеющих судимость // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2 (19). С. 194-199.
19. Спасенников Б.А. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. № 2. С. 49-55.
20. Спасенников Б.А., Вилкова А.В. Расстройства личности у осужденных в пенитенциарной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 49-54.
21. Спасенников Б.А., Вилкова А.В. Юридическая оценка расстройств восприятия в

следственной практике // Российский следователь. 2015. № 3. С. 8-11.

22. Спасенников Б.А., Вилкова А.В., Тихомиров А.Н. Неврастения и преступное поведение // Российский следователь. 2014. № 24. С. 46-50.

23. Спасенников Б.А., Воробей С.В., Черкасов С.Н. Охрана материнства и детства в уголовно-исполнительной системе России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. Т. 24. № 3. С. 141-144.

24. Спасенников Б.А., Копыткин С.А. О проблемах судебно-психиатрической экспертизы в судебно-следственной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 13-17.

25. Спасенников Б.А., Кудряшов О.В., Швырев Б.А. Проблема невменяемости в Европейском уголовном законодательстве // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 3 (11). С. 164-171.

26. Спасенников Б.А., Пертли Л.Ф. Развитие медицинской помощи в тюремной системе России (конец XVIII - начало XX века) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. Т. 24. № 4. С. 252-256.

27. Спасенников Б.А., Пономарев С.Б. К вопросу о медико-правовом сопровождении ресоциализации лиц с нарушенным нервно-психическим здоровьем, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. Т. 25. № 5. С. 146-148.

28. Спасенников Б.А., Пономарев С.Б. Проблема вменяемости в российском уголовном праве XVI-XIX веков // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2016. Т. 26. № 2. С. 119-122.

29. Спасенников Б.А., Смирнов А.М. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 120-124.

30. Спасенников Б.А., Смирнов А.М., Тихомиров А.Н. Неврологический статус осуж-

денных мужчин, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции // Медицинское право. 2014. № 5. С. 28-31.

31. Спасенников Б.А., Смирнов А.М., Тихомиров А.Н. Преступное поведение и психические расстройства: монография. М.: «Юрлитинформ», 2016.

32. Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Невменяемость в уголовном праве. М., 2013.

33. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. Мексидол и феназепам: 30-летний опыт экспериментального и клинического изучения (материал и методы) // NovaInfo.Ru. 2016. № 54.

34. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. Мексидол: 30-летний опыт экспериментального и клинического изучения // NovaInfo.Ru. 2016. Т. 2. № 52. С. 258-270.

35. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. Новая лекарственная форма феназепама // Медицинская сестра. 1991. № 12. С. 48-51.

36. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. К вопросу о медицинском критерии невменяемости // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 7-12.

37. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 20-23.

38. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. Уголовно-правовое значение психических расстройств в иностранном законодательстве // Вестник Кузбасского института. 2015. № 1 (22). С. 15-25.

39. Тихомиров А.Н., Спасенников Б.А. Принудительное лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 17-20.

40. Akhapkina V.I., Spasennikov B.A., Spasennikova M.G. Application of Phenotropilum in angioneurology. USA, 1996.

©Кашунин А. В., 2016

Ю.Ю. Тищенко

**Начальник отдела НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук**

Е.В. Горбачева

**Магистрант ЧОУ ВО
«Институт управления»**

РЕЦЕНЗИЯ

**на монографию: Копыткин С.А., Первозванский В.Б., Спасенников Б.А.
Правовые, организационные и естественнонаучные основы расследования
преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами.
– М.: «Юрлитинформ», 2017. – 240 с.**

Научная монография Копыткина С.А., Первозванского В.Б., Спасенникова Б.А. «Правовые, организационные и естественнонаучные основы расследования преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами» посвящена вопросам, связанным с теоретическими и научно-практическими основами расследования преступлений, совершенных рассматриваемой категорией лиц, и выполнена с учетом современных требований науки и имеющегося к настоящему моменту практического опыта расследования преступлений.

Актуальность данного исследования не вызывает сомнений, так как общая проблематика, связанная с уровнем психического здоровья населения нашей страны, не может не отражаться на показателях преступности как социального явления, что неоднократно отмечалось в публикациях авторов монографии [6, с. 23; 7, с. 382-387; 9, с. 177-183; 28, с. 70-71; 29, с. 25-32; 30, с. 49-55; 31, с. 216-218]. Помимо этого, по результатам проводимых ими исследований чуть более 41% от общего количества преступлений, зарегистрированных на территории учреждений УИС, совершены подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными имеющими психические расстройства [13, с. 3-5].

В этой связи авторы монографии справедливо отмечают, что в ходе расследования преступлений следователь, благодаря различным источникам, может получить информацию о наличии у подозреваемого или обвиняемого психического расстройства, что влечет за собой необходимость внесения существенных изменений в организацию расследования и позволяет сделать вывод о том, что деятельность по расследованию преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами, обладает качественной спецификой, обусловленной рядом обстоятельств [12, с. 34-37].

Характеризуя основные из них, можно констатировать, что на всем протяжении расследования следователь должен обнаруживать и генерировать как можно большее количество информации о психически неполноценном подследственном, поскольку в дальнейшем эти данные послужат базисом для максимально объективной экспертной оценки психического состояния осужденного, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления [10, с. 10-13].

Необходимо констатировать, что авторами монографии произведено многостороннее исследование общественных отношений, связанных с расследованием преступле-

ний, совершенных осужденными с психическими расстройствами, преступлений, совершенных рассматриваемой категорией лиц, а также закономерностей организации и обеспечения расследования таких преступлений. В представленной на рецензирование монографии системно и комплексно обосновано значительное количество теоретических основ расследования преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами, с учетом изменений действующего законодательства, новейших разработок криминалистики, уголовно-процессуальной науки, теории оперативно-розыскной деятельности.

К числу достоинств монографии можно отнести также достаточный объем использованной эмпирики, которая представлена судебной и следственной практикой, а также результатами анкетирования и интервьюирования сотрудников следственных подразделений различного уровня и экспертов-психиатров, осуществлявших и принимавших участие в расследовании преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами, в том числе и осужденных за различные преступления [32, с. 13-17; 33, с. 26-33; 34, с. 89-94; 35, с. 54-59; 36, с. 18-20].

Следует положительно оценить и научную новизну монографии, которая заключается в том, что авторами был осуществлен системный подход к исследованию теоретических основ расследования преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами. В монографии подробно освещены вопросы, касающиеся криминалистического значения психического расстройства как феномена личности, генезиса криминалистических знаний о расследовании преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами на различных этапах существования Российского государства, особенностях личности и поведения осужденных, имеющих психические расстройства и совершивших преступления в местах лишения свободы, отдельным особенностям взаимодействия при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных осужденными с психическими расстройствами, а также производству, ключевых для расследования уголовных дел данной категории следственных и процессуальных действий, в частности различных видов судебно психиатрической экспертизы. Необ-

ходимо отметить также, что к изучению большинства из вышеупомянутых вопросов, авторы приступают далеко не в первый раз, в том числе представляя единую научную позицию в рамках научной дискуссии [4, с. 149-150; 5, с. 54-57; 11, с. 116-121; 14, с. 19-22; 15, с. 12-16; 16, с. 31-37; 17, с. 33-40; 32, с. 13-17].

Необходимо указать и на то обстоятельство, что в работе имеет место обоснованная авторская концепция формирования теоретических основ расследования преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами, а полученные результаты исследования вносят позитивный вклад и в совершенствование практической деятельности органов и учреждений УИС, органов предварительного расследования и судов по рассмотрению уголовных дел о преступлениях, совершенных осужденными, страдающими психическими расстройствами, а также деятельность экспертно-психиатрических подразделений.

Вышеизложенные результаты проведенного исследования были достигнуты во многом благодаря правильному выбору структуры работы, включающей в себя научные, правовые, организационные и тактические аспекты расследования преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами.

В первой главе «Генезис криминалистических знаний о расследовании преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами» авторами построена и обоснована историческая периодизация основных этапов накопления и интегрирования информации как о преступной деятельности осужденных, имеющих психические расстройства, так и о деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению, совершенных ими преступлений. В контексте изложенного немалый интерес представляет и подробный анализ становления и развития системы исполнения наказаний, как фактической обстановки, в которой психически неполноценные осужденные осуществляли свою преступную деятельность, а также влияния отдельных видов наказаний на возникновение и развитие у осужденных психических расстройств [8, с. 398-406; 23, с. 220-222; 24, с. 37-43; 25, с. 115-120; 26, с. 15-19; 27, с. 9-12].

Во второй главе «Научные основы расследования преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами», наиболее значимым представляется выявленное автором криминалистическое значение психического расстройства, которое определяется тем, что изменения в психике сами по себе являются доминантой, воздействующей как на восприятие, так и на поведение лица, совершающего преступление, что не может не найти своего отражения в особенностях деятельности по расследованию подобных преступлений. Помимо этого, делается справедливый вывод о том, термин «психическое расстройство» является наиболее употребительным вариантом среди других сходных понятий (психические болезни, аномалии, недостатки, отклонения и др.) [20, с. 41-45; 21, с. 8-11; 22, с. 213-216]. Авторы утверждают, что ни одно из сходных понятий не обладает столь четкой классификацией, дающей возможность даже не обладающему специальными знаниями лицу определить форму и общий характер психического расстройства [1, с. 49-51; 2, с. 109; 3, с. 26-32]. В той же главе авторами систематизированы наиболее типичные личностные и поведенческие особенности осужденных, имевших психические расстройства и совершивших преступления в местах лишения свободы [18, с. 33-36; 19, с. 26-31]. Представляется, что изложенный материал позволит сотрудникам ФСИН России выявлять среди осужденных лиц, предположительно являющихся психически больными, повысить эффективность работы с осужденными, уже имеющими расстройства психики в части установления и поддержания устойчивого коммуникативного контакта, а также осуществления профилактики совершения ими противоправных действий.

В третьей главе «Организационные и правовые основы расследования преступлений, совершенных осужденными, имеющими психические расстройства» нашла свое отражение, выстроенная авторами система нормативных и правовых актов, имеющих отношение к рассматриваемой тематике. Примечательным является тот факт, что в представленную конструкцию авторам удалось интегрировать документы, регламентирующие подавляющее большинство различных областей общественных отношений, свя-

занных рассматриваемой в монографии тематикой. Помимо этого значительную часть содержания главы составили вопросы организации расследования преступлений, совершенных осужденными, имеющими психические расстройства, и в частности, что заслуживает особого одобрения – вопросы организации экспертно-психиатрической оценки поведения осужденных, что с нашей точки зрения является особо актуальным для практической деятельности, связанной не только с расследованием преступлений рассматриваемой группы, но и повышения эффективности исполнения различных видов уголовных наказаний, назначенных

Таким образом, представляется возможным следовать выводы о актуальности, научной новизне, теоретической и практической значимости рецензируемой монографии, обоснованности и достоверности сформулированных авторами выводов и предложений и возможности внедрения ее содержания в практическую деятельность сотрудников следственных и оперативных подразделений МВД России, оперативных, режимных и воспитательных подразделений ФСИН России, а также экспертно-психиатрическую деятельность.

Библиографический список:

1. Агеева М.П. Виды принудительных мер медицинского характера (комментарий статьи 99 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 3-4 (43-44). С. 49-51.
2. Белоус В.Г. Критический анализ научных публикаций, посвященных проблеме невменяемости // Актуальные вопросы образования и науки. 2013. № 5-6. С. 109.
3. Белоус В.Г., Голодов П.В., Спасенников Б.А. Актуальные проблемы юридической психологии // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 26-32.
4. Бычкова А.М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» доктора юридических наук, доктора медицинских наук, профессора Б.А. Спасенни-

кова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5-6 (33-34). С. 149-150.

5. Кожин Г.В. Основания применения принудительных мер медицинского характера (комментарий статьи 97 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник международного Института управления. 2014. № 1-2 (125-126). С. 54-57.

6. Копыткин С.А. Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами. // Российский следователь. 2010. № 16. С. 23.

7. Копыткин С.А. О расследовании преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений К 90-летию со дня рождения профессора И. М. Гуткина. Материалы межвузовской научно-практической конференции: в 2-х частях. Академия управления МВД России. 2009. С. 382-387.

8. Копыткин С.А. Ордалии в историческом развитии деятельности, связанной с отправлением правосудия в отношении лиц с психическими расстройствами // В сборнике: «Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты». К 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений: международная научно-практическая конференция. Академия управления МВД России М., 2015. С. 398-406.

9. Копыткин С.А. Следственные ситуации при расследовании преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами // Сборник: «Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению». Материалы 51-х криминалистических чтений. Академия управления МВД России. М., 2010. С. 177-183.

10. Копыткин С.А., Нарусланов Э.Ф. О типизации криминологически и криминалистически значимой информации, связанной с личностью осужденного, страдающего психическим расстройством // Вестник

Пермского института ФСИН России. 2015. № 4 (19). С. 10-13.

11. Копыткин С.А., Первозванский В.Б. К вопросу о реализации полномочий ФСИН России как органа дознания при расследовании преступлений, совершенных подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными // Вестник Кузбасского института. 2016. № 2 (27). С. 116-121.

12. Копыткин С.А., Трегубова Е.А. Организационно-тактические особенности исполнения отдельных видов наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении осужденных с психическими расстройствами // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1 (30). С. 34-37.

13. Копыткин С.А., Шамсунов С.Х. О необходимости научного анализа вопросов расследования преступлений, совершенных осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, имеющими социально значимые заболевания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 6. С. 3-5.

14. Спасенников Б.А. К вопросу о вменяемости подсудимого // Российский судья. 2013. № 4. С. 19-22.

15. Спасенников Б.А. К вопросу о целях принудительных мер медицинского характера // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 17. С. 12-16.

16. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ неврастении у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 31-37.

17. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 33-40.

18. Спасенников Б.А. Лечебно-диагностическая тактика при расстройствах личности в практике пенитенциарной медицины // Российский медицинский журнал. 2015. Т. 21. № 6. С. 33-36.

19. Спасенников Б.А. Медико-правовые аспекты невменяемости в иностранном законодательстве // Медицинское право. 2015. № 6. С. 26-31.

20. Спасенников Б.А. О значении неврастении в преступном поведении // Трудный пациент. 2015. Т. 13. № 3. С. 41-45.

21. Спасенников Б.А. Общественно опасные деяния больных психическими расстройствами // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4 (20). С. 8-11.

22. Спасенников Б.А. Префронтальная кора головного мозга и криминальное поведение // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 36. С. 213-216.

23. Спасенников Б.А. Прецентральный корь, миндалина, гиппокамп и преступное поведение: научная гипотеза // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 36. С. 220-222.

24. Спасенников Б.А. Принудительное лечение психических расстройств (историко-медицинский аспект) // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1-2 (53-54). С. 37-43.

25. Спасенников Б.А. Принудительное психиатрическое лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3 (24). С. 115-120.

26. Спасенников Б.А. Проблемы законности продления, изменения и прекращения применения принудительных мер медицинского характера // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т. 49. № 5. С. 15-19.

27. Спасенников Б.А. Продление, изменение и прекращение принудительных мер медицинского характера в судебной практике // Российский судья. 2012. № 1. С. 9-12.

28. Спасенников Б.А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 70-71.

29. Спасенников Б.А. Расстройства личности у осужденных в уголовно-исполнительной практике // Вестник Кузбасского института. 2015. № 1 (22). С. 25-32.

30. Спасенников Б.А. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. № 2. С. 49-55.

31. Спасенников Б.А. Эффект Даннинга-Крюгера и криминальное поведение // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 36. С. 216-218.

32. Спасенников Б.А., Копыткин С.А. О проблемах судебно-психиатрической

экспертизы в судебно-следственной практике. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 13-17.

33. Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Вопросы истории уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения // Вестник международного института управления. 2010. № 11-12. С. 26-33.

34. Швырев Б.А. Проблемы прекращения принудительного психиатрического лечения // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 1-2 (47-48). С. 89-94.

35. Швырев Б.А. Цели принудительных мер медицинского характера // Вестник международного Института управления. 2014. № 5-6 (129-130). С. 54-59.

36. Швырев Б.А., Болбат Н.А., Кудряшов О.В., Дивитаева О.А. Синдром нетерпения и криминальное поведение // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 4 (20). С. 18-20.

©Тищенко Ю. Ю., Горбачева Е. В., 2016